

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АКАДЕМИКА БОБОДЖАНА ГАФУРОВА**

На правах рукописи

ХУСЕНОВ ФАРРУХ РАХИМОВИЧ

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ДВОРЦОВЫХ ЦЕРЕМОНИЙ
В МАВЕРАННАХРЕ И ХОРАСАНЕ (IX-начало XIII вв.)**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история (исторические науки)

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата исторических наук

**Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Мирбобаев А.**

Худжанд – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3-18
Глава I. Церемониал официально-управленческого характера	19-72
§1.Церемониал возведения на престол правителей Мавераннахра и Хорасана.....	19-43
§2.Церемония вступления в должность высших государственных чиновников.....	44-62
§3.Порядок проведения смотра войск	63-72
Глава II. Церемониал приёмов при дворе правителя Мавераннахра и Хорасана	73-130
§1.Порядок делового приема правителем дворцовых чиновников, гостей, а также разбора жалоб подданных.....	73-94
§2.Церемониал приёма и проводов послов.....	95-117
§3.Церемониал приёма и проводов посланников Аббасидского халифа.....	118-130
Глава III. Церемониал культурно-развлекательного (светского) характера	131-157
§1.Традиции устройства дворцовых пиршеств.....	131-141
§2.Церемониал, устраиваемые в честь календарных праздников.....	142-157
Заключение	158-164
Библиография	165-173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Церемониал обозначает определённые действия, выражения и изъявления символического характера, традиционно обязательные в тех или других случаях общественной жизни, определённый порядок совершения церемоний, установленных для того или иного торжественного случая. Дворцовый церемониал и этикет двора в целом являлись неотъемлемой частью истории государств. В них как в зеркале отражалась вся культурная, этническая, а также нравственная составляющая жизни средневекового мусульманского Востока. В IX-XIII вв. правители Мавераннахра и Хорасана охотно строили пышные дворцы, создавали парки, аллеи и тем самым показывали своё могущество и величие, как собственным подданным, так и иностранцам. Одно из предназначений торжественного церемониала состояло в демонстрации величия и богатства двора. Церемонии двора ориентировались на закрепление в сознании подданных представлений о величии царствующего двора.

Устройство дворцового церемониала имеет давнюю историю. Даже правители небольших владений Центральной Азии имели роскошные дворцы, где по отдельным случаям проводили дворцовые церемонии.

Дворцовый церемониал проводился при дворах всех владений Варазруда. После прихода арабов и исламизации Мавераннахра и Хорасана в проведении традиционной дворцовой церемонии произошла существенные изменения. В рассматриваемый период пришедшие к власти династии переняли существовавший прежде дворцовый этикет, внося в него некоторые дополнения и изменения.

Актуальность исследования подтверждается и тем, что IX-X вв. считается золотым веком ираноязычных народов Центральной Азии, включая Иран и Афганистан. Именно в этот период на политическую арену вышли династии Тахиридов, Саффаридов, Саманидов, проводившие относительно независимую

от Багдада политику. Именно с образованием первых местных дворов дворцовый церемониал приобретает новое содержание.

Также известно, что царские династии для придания своей власти большей пышности привлекали ко двору учёных, сказителей, поэтов, писателей, певцов, музыкантов. Во время дворцовых приёмов придворные поэты сочиняли панегирические стихи, за что получали большие дары. Одним словом благосостояние придворных зависело от двора.

Ислам наложил определённый отпечаток на весь дворцовый церемониал. Теперь ко двору приглашались и представители духовенства. Актуальность темы исследования заключается еще в том, что в связи с воцарением идеологии ислама отныне в формах и содержаниях дворцовых церемоний также произошли коренные изменения.

В истории церемониала также прослеживаются культурные взаимоотношения с соседними народами и странами. Также в истории церемониала прослеживаются социально-политическое состояние государств.

В плане исследования истории формирования и практического воплощения церемониала при дворах феодальных правителей Мавераннахра и Хорасана периода IX-начала XIII веков очень многое проделано русскими, советскими, иностранными, а также современными таджикскими исследователями. Но, несмотря на определённые успехи, тема средневекового дворцового церемониала во многом остаётся неисследованной. Актуальность исследуемой темы обусловлена ещё и тем, что комплексное изучение истории дворцового церемониала поможет раскрыть многие аспекты, плохо изученные грани данной темы.

С учётом вышеизложенного диссертант поставил целью на основе новых материалов, извлечённых из средневековых первоисточников, а также из современной литературы, воссоздать более полную и реальную картину дворцового церемониала, имевшего место при средневековых дворах Мавераннахра и Хорасана периода IX – начала XIII вв.

Степень изученности темы исследования. Отметим, что по теме дворцового церемониала специальное исследование еще не проводилось. Правда, всё же в некоторых исследованиях в той или иной степени затрагивались отдельные аспекты данной темы. История дворцового церемониала содержится в ряде научных работ, опубликованных в России, Таджикистане, Иране, Афганистане, Европе, Америке и в ряде других стран Ближнего и Среднего Востока.

Научную литературу, посвящённую истории дворцового церемониала, можно разделить на несколько групп. **В первую группу** мы включили исследования русских и советских учёных. В этом плане на первом месте стоит академик В.В. Бартольд. Он в фундаментальном труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»¹ на основе первоисточников осветил многие аспекты дворцового церемониала, который проводился династиями Саманидов, Газневидов, Сельджукидов и др. Также В.В. Бартольд на основе труда историка Махмуда ибн Вали «Море тайн» прекрасно описал церемониал, проводившийся при дворе узбекских ханов в XVII веке².

Известный востоковед Е.Э. Бертельс³ также внёс весомый вклад, наряду с исследованиями истории персидско-таджикской литературы, в изучение дворцового церемониала и прекрасно описал участие придворных поэтов в многочисленных дворцовых церемониях периода IX-X вв. Исключительно ценным является труд Е.Э. Бертельса «Праздник джашни Саде в персидско-таджикской поэзии». В своём труде Е.Э. Бертельс, основываясь на сообщениях арабского историка Ибн Мискавейха, воссоздаёт картину празднования праздника Сада при дворе зияридского правителя Ирана Мардовиджа. Затем он на основе дошедших до нас стихов придворных поэтов Газневидов прослеживает историю становления и празднования праздника Сада при дворе Махмуда Газневи и его преемника Масъуда.

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1. М.: ИВЛ, 1963. 761 с.

² Бартольд В.В. Сочинения: работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Т.II. Часть 2. М.: Наука, 1964. С. 388-399.

³ Бертельс Е.Э. Избранные труды: история литературы и культуры Ирана. М.: Наука, 1988. 560 с; Он же: Избранные труды: история персидско-таджикской литературы. М.: ИВЛ, 1960. 557 с.

Очень многое для изучения данной темы сделал учёный С.А. Агаджангов при написании монографии «Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв.»¹ и «Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв.»². Он наряду с политической и социально-культурной историей Сельджукидов также осветил церемонию восшествия на престол сельджукидских султанов.

Ряд вопросов по истории средневекового церемониала был затронут в исследованиях З.М. Бунятова «Государство хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231)». В этом ценном труде автор рассмотрел многие аспекты дворцового этикета и церемониала правителей династии Хорезмшахов³. Традиция приёма послов соседнего государства самаркандскими правителями на основе изучения произведений живописи изложена в труде «История Самарканда»⁴.

Изучением дворцового этикета Сельджукидов Малой Азии занимался советский учёный В. Гордлевский. В своём труде «Государство Сельджукидов Малой Азии» автор, рассматривая отдельные церемонии двора, также исследовал влияния на этих церемоний иранской, византийской, тюркской и других традиций⁵.

Во вторую группу включены работы таджикских учёных. После приобретения Таджикистаном независимости исследование национальной истории стало ещё более актуальным. Основная часть работ, где в той или иной степени затрагивалась тема дворцового церемониала, была выполнена именно в период независимости Таджикистана.

Некоторые черты дворцового церемониала при феодальных дворах Саманидов, Газневидов и др. освещены в капитальном труде «История таджикского народа»⁶.

¹ Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. Ашхабад: Ылым, 1973. 164 с.

² Агаджанов С.Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. М.: Наука, 1991. 303 с.

³ Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). М.: Наука, 1986. 248 с.

⁴ История Самарканда: в двух томах. Т.1. Ташкент: Фан, 1969. С. 134-142.

⁵ Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. -М.: -Л.: Изд. АН СССР, -200с.

⁶ История таджикского народа. Т.II. Душанбе, 1999. 790с., История таджикского народа. Т.III. Душанбе: Дониш, 2013. 580 с.

Немалый вклад в исследование истории дворцового этикета внесли также учёные – литературоведы, в том числе востоковед А. Афсахзод.¹ Он на примере стихотворений придворных поэтов Саманидов, прежде всего Рудаки, изучил порядок организации дворцового церемониала, а также участие в нём поэтов X-XI вв. Другой филолог, А. Абдуллоев², на основе произведений придворных поэтов газневидского двора также исследовал участие поэтов в церемониале газневидского двора XI в.

Ряд аспектов придворного церемониала затрагивал также академик Н.Н. Негматов³. Многие аспекты церемониала были освещены в капитальном исследовании историка С. Абдуллоева⁴. Некоторые вопросы данной проблемы нашли отражение в исследованиях А.К. Мирбабаева⁵.

Таджикскими учёными О. Косимовым, Х. Холджураевым, А. Мирбабаевым, в соавторстве рассмотрены некоторые аспекты церемониала приёма посла иностранного государства.⁶

Многие церемонии происходили в период празднования Навруза, Мехргана, Сада и других праздников. Исследованием этих и других календарных праздников занимался историк А.Э. Негмати. Он в ценном труде «Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков»⁷ не только исследовал историю зарождения и празднования календарных праздников, но и проследил порядок проведения ежегодного церемониала в праздничные дни при местных царских дворах.

¹ Афсахзод А. Одамушшуаро Рӯдакӣ (Царь поэтов Рудаки). Нашри дуввум. Душанбе: Адиб, 2008. 312 с.

² Абдуллоев А. Адабиёти форсу тоҷик дар нимаи аввали асри XI (Доираи адабии Ғазнин) (Персидско-таджикская литература в первом половине XI века). Душанбе: Дониш, 1979. 286 с.

³ Негматов Н.Н. Государство Саманидов. Душанбе: Дониш, 1977. 279 с.

⁴ Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ (Эмир Исмаил Самани). Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1998. 399 с.; Он же: Амирони Сомонӣ (Саманидские эмиры). М.: Воениздат, 1999. 399 с.

⁵ Мирбабаев А.К. Тоҷғузори (Коронация)// Донишномаи Сомониён. Хучанд. 2009. С. 317; Он же: Историческое наследие Худжанда. Душанбе: Ирфон, 1995. 160 с; Он же: История водоснабжения Худжанда. Худжанд: Хуросон, 2005. 54 с; Он же: Муқаддимаи таърихи Хучанд (Введение в историю Худжанда). Хучанд: Ношир, 2013. 448 с; Он же: Навруз в традиционных обрядах и ритуалах таджиков// Навруз и историко-культурные традиции народов Центральной Азии: История и современность. Душанбе: Дониш, 2014. С.191-211.

⁶ Каримов О., Холджураев Х., Мирбабаев А. История таджикской дипломатии. Худжанд: ТГУПБП, 2008. 348с.

⁷ Негмати А.Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. Душанбе: Дониш, 1989. 128 с.

Тема дворцового церемониала, устраиваемого ежегодно в честь календарного праздника Навруз, была освещена многими исследователями из разных стран в статьях, вошедших в сборники «Навруз как явление мировой культуры»¹ и «Навруз и историко-культурные традиции народов Центральной Азии: история и современность»².

Роль музыкантов и певцов на придворных церемониях была исследована профессором А. Раджабовым. Он в многочисленных статьях, в том числе «Навруз как феномен музыкальной культуры»³ и «Навруз и музыкально-поэтическая традиция таджиков»⁴ и др. тщательно исследовал группу музыкантов и певцов при дворе Сасанидов. А. Раджабовым также исследована роль музыкантов и певцов при феодальных дворах периода XII-XV вв.⁵

Тема дворцового церемониала была затронута также молодым историком Муллоджоновым С.⁶ На основе данных историка газневидского двора Бейхаки и других историков Муллоджонов С. рассмотрел некоторые черты этикета двора Газневидов.

Молодой исследователь М.М. Каримов под руководством А.К. Мирбабаева исследовал церемониал приёма иностранных послов при дворе Тимура и Тимуридов⁷.

В третью группу исследований включены работы иранских и афганских исследователей. Здесь особенно большой интерес вызывают исследования Мухаммадризы Наджи. Мухаммадриза Наджи в фундаментальном труде

¹ Навруз как явление мировой культуры. Ответственный редактор: Аскарали Раджабов. Душанбе, 2012. 335с.

² Навруз и историко-культурные традиции народов Центральной Азии: история и современность. Редакторы-составители Аскарали Раджабов, Мухаммадрахим Каримов. Душанбе: Дониш, 2014. 318 с.

³ Раджабов А. Навруз как феномен музыкального творчества// Навруз как явление мировой культуры. С. 133-177.

⁴ Раджабов А. Навруз и музыкально-поэтическая традиция таджиков//Навруз и историко-культурные традиции народов Центральной Азии: история и современность. С.96-140.

⁵ Раҷабов А. Аз таърихи афкори мусикии тоҷик (асрҳои XII-XV) (Из истории музыкальной мысли таджиков). Душанбе: Дониш, 1989.-236 с.

⁶ Муллоджонов С.К. «Таърих-и Масъуди» Абулфазла Байхаки как источник по изучению государственного устройства Газневидов: дис. ... канд. истор. наук. Душанбе, 2000; он же: (Сайфуллохи Муллоҷон). «Таърихи Масъуди» - и Абулфазли Байҳақӣ. Муруре пиромуни сохтори идорию русумоти дарбори Ғазнавиён. Душанбе: Ирфон, 2013. 240 с; он же: Таърих-и Масъуди Абулфазла Байхаки о Дехистане//Очерки Истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе, 2010. С.20-25; он же: Духовенство и его роль в социально-политической истории X-XI вв.//Вестник Таджикского национального университета. №3/2 (108), 2013. –С.3-7.

⁷ Каримов М.М. Из истории международных связей и дипломатии Центральной Азии во второй половине XIV-начале XVI вв.: диссерт. на соис. учён. степ. канд. истор. наук. Худжанд. 2009. С. 131-142.

«Культура и цивилизация ислама на территории Саманидов»¹ затрагивает различные аспекты придворного церемониала. Труд Мухаммадризы Наджи ценен тем, что он написан на основе редчайших первоисточников. В частности, им приобщен труд историка Ибн Зубайра, сообщающего о прибытии китайских послов в Бухару и их приёме саманидским двором.

Другой иранский историк Х. Анвари занимался с изучением канцелярских терминологий двора Газневидов и Сельджукидов. Учёный в своём труде «Канцелярская терминологии эпохи Газневидов и Сельджукидов»² рассматривает, дворцовые чины двора Газневидов и Сельджукидов, а также их участие во время церемониала двора.

Музыкальная культура эпохи Борбада освещена в ценном труде иранского учёного А. Ориёнура. А. Ориёнур в труде «Жизнь Борбада»³ рассмотрел также размещение придворных двора Сасанидов во время дворцовых приёмов шахиншаха.

Некоторые вопросы дворцового церемониала были затронуты в исследовании Ризо Шаъбони⁴ при описании встречи Навруза при местных дворах. Аббас Икбал в своём труде «Министерство в эпоху великих сельджукидских султанов» рассмотрел также некоторые аспекты этикета двора связанные с назначением и освобождением от должности визирей и глав диванов⁵.

Из афганских исследователей ценным является труд Х. Халили «Салтанат Газневидов»⁶, где рассмотрено вся период истории государство Газневидов. В нём также затрагивается тема дворцового церемониала Газневидов. Другой афганский историк А. Хабиби в труде «Краткая история Афганистана» очень

¹ Ночй М. Фарханг ва тамаддуни исломи дар қаламрави Сомониён (Культура и цивилизация ислама на территории Саманидов). Душанбе: Ройзании фарҳангии Сафорати Ҷумҳурии Исломии Эрон дар Тоҷикистон, 2011. 1295 с.

² Анварӣ Ҳ. Истилоҳоти девонии давраи Ғазнавӣ ва Салҷуқӣ (Терминология диванов эпохи Газневидов и Сельджукидов). Техрон, 1355. 323 с.

³ Орёнур А. Рӯзгори Борбади ромишгар (Жизнь певца и музыканта Борбада). Душанбе: Ирфон, 1989. 88 с.

⁴ Шаъбонӣ Р. Одоб ва русуми наврӯз (Этика и обычай Навруза). Душанбе: Пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикии Сафорати Ҷумҳурии Исломии Эрон дар Тоҷикистон, 2011. 259 с.

⁵ Аббос Иқбол. Вазорат дар аҳди салотини бузурги Салҷуқӣ (Министерство в эпоху правление великих Сельджуков). Техрон: 1338. -336 с.

⁶ Халили Х. Салтанати Ғазнавиён (Правление Газневидов). Кобул, 1333. -349 с.

кратко освещает и этикет двора¹. Некоторые аспекты этикета двора Гуридов освещена А. Пажвоком в труде «Гуриды»².

В четвёртую группу работ вошли исследования европейских и американских учёных. Наиболее важными из них являются труды Адама Меца³, Ричарда Фрая⁴, Э. Шеффера,⁵ К.Э. Босворта⁶, Тамары Райс⁷ и ряда других авторов. Последний, в своём труде «Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии» в основном рассмотрела этикет двора Сельджукидов Малой Азии.

Цель и задачи исследования. Учитывая специфические особенности исследуемой проблемы, диссертант рассмотрел их в комплексе.

В соответствии с поставленной целью диссертантом рассматриваются следующие задачи:

- осуществить тщательный анализ первоисточников по основным династиям периода IX-начала XIII вв.;

- анализировать трансформации дворцового церемониала в период IX-начала XIII вв.;

- выявить основные причины, оказавшие воздействие на трансформацию дворцового церемониала и др.;

- исследовать и дать наиболее полную оценку заимствованиям, имевшим место при проведении церемониала местными дворами;

- на конкретных примерах показать значение дворцовых церемоний;

- дать объективную оценку дворцовых церемоний и показать их влияние на социально-экономическое положение страны, а также народа в целом.

Источниковедческая база диссертации. При написании диссертации мы исходили из информации, полученной главным образом из средневековых

¹ Хабиби А. Таърихи мухтасари Афғонистон аз замони қадим то хурӯчи Чингиз ва ҳудуди 600 х.к. (Краткая история Афганистана). Кобул, 1346. -407 с.

² Пажвок А. Гуриён (Гуриды). Кобул.1349. 290 с.

³ Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1966. 460 с.

⁴ Фрай Р. Наследие Ирана: издание второе, исправленное и дополненное. М.: ИВЛ, 2002 -463. Он же: Наследие Центральной Азии: от древности до тюркского нашествия. Душанбе, 2000. 292 с.

⁵ Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. М.: Наука, 1981. 608 с.

⁶ Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён (История Газневидов). Техрон: Амири Кабир, 1378. С. 37.

⁷ Райс Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: Центрполиграф, 2004. 109 с.

первоисточников. Их можно разделить на три группы. **В первую группу** мы включили труды арабских и персидских авторов, написанные в основном на арабском языке. В эту группу входят такие работы, как «Книга о скупых» Аль-Джахиза¹, «Тарих-ул-русул вал мулук» Абу Джафара Мухаммада Джарира ат-Табари², «Таърихи комил» Ибн ал-Асира³, «Установления и обычаи двора халифов» Хилала ас-Саби⁴, «Путешествие ибн-Фадлана на Волгу»⁵ и другие.

Ко второй группе источников мы отнесли исторические труды историков Мавераннахра и Хорасана. На наш взгляд, наиболее достоверными и ценными являются труды «История Табари» Абуали Балъами⁶, «История Бухары» Абубакра Наршахи⁷, «Таърихи Ямини» Абунасра Утби⁸, «Зайн-ул-ахбор» Абусаида Гардизи⁹, «История Масъуда» Абулфазла Бейхаки¹⁰, «Правила ведения войны и мужество» Шарифа Мухаммада Мансура Муборакшаха¹¹, «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави¹², «Салчукнома» Захириддина Нишапури¹³, «Таърихи Чахонкушо» Атомалика Джувайни¹⁴, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина¹⁵ и другие. Названные авторы являлись придворными историками либо, находясь

¹ Аль-Джахиз. Книга о скупых. Ибн Абд Раббихи. Чудесное ожерелье. Перевод с арабского. М.: Художественная литература, 1985. 480 с.

² Табарӣ М.Ҷ. Таърихи Табарӣ ё «Тарих-ул-русул вал мулук» (История пророков и царей). Чопи панҷум. Ҷилди 15. Техрон: Асотир, 1375.

³ Ибн ал-Асир. Таърихи комил: баргاردони Ҳамидризо Осир. Ҷ.11,12,13/ Ибн ал-Асир. Техрон: Асотир, 1370.

⁴ Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов: перевод с арабского, предисловие и примечания И.Б. Михайловой. М.: Наука, 1983. 144 с.

⁵ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика И.Ю. Крачковского. М.: – Л.: АН СССР, 1939. 228 с.

⁶ Балъамӣ А. Таърихи Табарӣ (История Табари). Ҷ.1. Техрон.1380/2001. 111 с.

⁷ Наршаҳӣ А. Таърихи Бухоро (История Бухары). Душанбе. 2012. 736 с. Он же: Таърихи Бухоро. Душанбе: Дониш, 1979. 120 с.

⁸ Ҷурфодиконӣ А.Н. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ: муқаддима, таҳия, таҳшия, таълиқот, луғот ва феҳристи Н.И. Гиёсов. Хучанд: Ношир, 2013. 420 с; Ҷурфодиконӣ А.Н. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ. Техрон. 1374. 626 с.

⁹ Гардезӣ А. Зайн-ул-ахбор (Таърихи Гардезӣ) «Украшение известий». Техрон: Дунёи китоб, 1363. 733 с

¹⁰ Бейхаки А. История Масъуда.1030-1041: вступительная статья, перевод и примечания А.К. Арндса. Ташкент: АН Узбекской ССР. 1962. 748 с; он же: История Масъуда.1030-1041: издание 2-е, дополненное. М.: Наука, 1969. 1009 с; он же: Таърихи Байҳақӣ. Душанбе: Бухоро, 2014. 774 с. (на тадж. яз.); он же: Таърихи Байҳақӣ: тасхеҳи Алиакбари Фаёз. Машҳад: Донишгоҳи Фирдавсии Машҳад, 1383. 814 с. (на пер. яз.)

¹¹ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат (Правила ведения войны и мужество). Душанбе.1997. 300 с.

¹² Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку: Элм, 1973. 450 с; Он же: Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны): перевод с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З.М. Буниятова. М.: ИВЛ, 1996. 798 с.

¹³ Нишопури З. Салчукнома (Салджукнаме). Техрон: Калодаи Ховар, 1332. 81 с.

¹⁴ Ҷувайни А. Таърихи Чахонкушо (Таърихи Хоразмшоҳиён) (История завоевателя мира). Ҷилди II. Техрон: Забор, 420с.

¹⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I, книга вторая. М.: -Л.: АН СССР, 1952. 316 с.

при дворе, были хорошо осведомлены о дворцовой жизни. Большую ценность имеют также сочинение безымянного автора «История Систана»¹, «Памятники минувших поколений» Абурайхана Бируни², «Дастур ал-вузаро» Хондамира³, а также трактат великого визира Сельджукидов Низам ал-Мулька «Сиасетнаме»⁴.

Немалую ценность для нашей работы представляют также научные сборники, где приведены извлечения из сочинений средневековых авторов. В том числе «Саманиды в зеркале истории»⁵, «Дурдонахои наср»⁶, «Материалы по истории туркмен и Туркмении»⁷ и «Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв.»⁸ и др.

В Мавераннахре в эпоху Саманидов историческая наука по сравнению с другими науками развивалась слабо. Одним из исторических сочинений, написанных в этот период, считается «История Табари». «История Табари» - перевод сочинения «История пророков и царей» Мухаммада Джарира Табари. Данный перевод с арабского на фарси-дари был осуществлён визирем Саманидов Абуали Балъами.

Историком Абубакром Наршахи была написана история столицы Саманидов – Бухары. Своё сочинение «История Бухары» Наршахи написал на арабском языке, однако позднее данный ценный труд был переведен на таджикский язык с осторожной оговоркой, что ныне в Бухаре мало кто читает на арабском языке. Наршахи в своём труде приводит сведения о некоторых особенностях этикета двора, прежде всего об этикете приёма придворных,

¹ Таърихи Систон («История Систана»): перевод, введение и комментарии Л.П. Смирновой. М.: ИВЛ, 1974. 574 с; Таърихи Систон: тахияи матн, тавзеҳот ва феҳристҳо аз Мухаммадҷусуф Имомов ва Абдушуқури Абдусаттор. Душанбе: Бухоро, 2014. 352 с.

² Беруни А. Осор-ул-бокия. Душанбе: Ирфон, 1990. 432 с; Бируни А. Избранные произведения. Т.1. Ташкент: АН Узбекской ССР, 1957. 488 с.

³ Хондамир. Дастур ал-вузаро. Техрон, 1317. 514 с.

⁴ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ: перевод, введение и примечание профессора Б.Н. Заходера. М.: -Л.: АН СССР, 1949. 380 с; Низомулмулк. Сиёсатнома. Душанбе: Адиб, 1989. 200 с.

⁵ Сомониён дар оинаи таърих. Ҷ.1.(мутуни форси тоҷикӣ) (Саманиды в зеркале истории). Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1998. 550 с; Сомониён дар оинаи таърих. Ҷ.2.(мутуни арабиасл). Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1998. 676 с.

⁶ Дурдонахои наср (Жемчужины прозы). Ҷ.1. Душанбе.1987. 560 с.

⁷ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1. М.: -Л.: Изд. АН СССР, 1939. 612 с.

⁸ Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. Ташкент: Фан, 1988. 416 с.

существовавшем при дворе бухарской правительницы до прихода ислама, а также при Саманидах.

Историография получила наиболее широкое развитие при Газневидах. Одним из значимых исторических сочинений того времени является труд Абунасра Утби «Таърихи Ямини», посвящённый султану Махмуду Газневи. Этот труд был написан на арабском языке. Именно в нём приведены некоторые сведения о церемониале, проводившемся при Махмуде Газневи. Утби также в общих чертах сообщает о некоторых церемониях двора Саманидов. В 1206 году «Таърихи Ямини» была переведена на персидский язык Абушшарафом Носехом ибн Зафаром Джурфодикони. В нашей работе мы пользовались переводом Джурфодикони.

Около 1050 г. было написано сочинение Абу Саида Абдалхая ибн Заххака Гардизи «Украшение известий» («Зайн ал-Ахбар»). Гардизи, как и Утби, в общих чертах сообщает о некоторых чертах этикета двора Саманидов. Но труд Гардизи характеризует, прежде всего эпоху Газневидов, особенно период правления Масъуда Газневи. Гардизи наряду с другими сведениями сообщает также о церемониале коронации Масъуда Газневи, о приёме послов Багдада, назначении визиря и т.д.

Труд Абулфазла Бейхаки имеет для нас особое значение. Бейхаки был чиновником двора Газневидов и принимал непосредственное участие в дворцовых церемониях, проводившихся весьма часто во время правления Масъуда Газневи (1030-1042). В своём труде Бейхаки обстоятельно и детально описывает церемониал, проводившийся двором Масъуда Газневи. Бейхаки обстоятельно описывает не только процесс проведения церемоний, но и интерьер, убранство двора. Он же подробно описывает одежду участников церемониала.

Великий визирь Сельджукидов Абуали Хасан ибн Али Туси, более известный как Низам ал-Мульк, написал сочинение «Сиасет-наме». Низам ал-Мульк прежде всего повествует о порядке и традициях управления государством. Он обращает внимание читателей на последовательность

проведения дворцового церемониала и приводит многочисленные рассказы из предыдущих эпох. Данное сочинение, безусловно, является одним из важных источников для изучения не только политического строя государств IX-XI вв., но и этикета двора.

Автором XII в. Шарифом Мухаммадом Мансуром Муборакшахом было написано сочинение «Правила ведения войны и мужество». В своем труде Муборакшах пишет также о правилах проведения смотра войск. Он пишет о правилах выбора и назначения визиря и посла. В сочинении Муборакшаха содержится ряд исторических рассказов, где описываются церемонии смотра войск, приём посла, а также назначение визиря государства.

Одним из крупнейших историков XIII в. являлся Атомалик Джувайни, которому принадлежит труд «История завоевателя мира». Значительная часть этого труда посвящена истории династии Хорезмшахов. В нём сохранились некоторые сведения об этикете двора Хорезмшахов.

Историку той же эпохи Шихаб ад-Дину ан-Насави, принадлежит сочинение «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны». Ан-Насави, как и Бейхаки, был придворным чиновником последнего Хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Ценность работы ан-Насави заключается в том, что он был свидетелем многих событий своей эпохи. Ан-Насави также детально описывает церемониал, проводившийся во время правления Мухаммада Хорезмшаха и его сына Джалал ад-Дина. О большинстве церемоний, проводившихся при дворе Джалал ад-Дина, ан-Насави пишет как непосредственный участник.

К третьей группе первоисточников можно отнести произведения придворных поэтов, философов Абуабдуллаха Рудаки¹, Абулкасима Фирдоуси², Унсурии Балхи¹, Манучехрии Дамгони², Фаррухии Систани³ и др.,

¹ Рудаки и поэты его времени: вступительная статья, составление и примечания Р. Ходи-заде. Л.: Советский писатель, 1985. 272 с; Афсахзод А. Одамушшуаро Рӯдакӣ (Царь поэтов Рудаки). 312 с; Таърихи Систон («История Систана»). С. 303-308.

² Фирдавси А. Шохнома (Шахнаме). Чилди 1. Душанбе: Адиб, 1987. 480 с; он же: Шохнома. Чилди 2. Душанбе: Адиб, 1987. 320 с; он же: Шохнома. Ч.3. Душанбе: Адиб, 2008. 477 с; он же: Шохнома. Ч.4. Душанбе: Адиб, 1988. 406 с; он же: Шохнома. Ч.5. Душанбе: Адиб, 1989. 591 с; он же: Шохнома. Ч.6.

которые были близки ко двору и осведомлены о придворной жизни. Они в своих трудах описали многие церемонии, проводившиеся при дворах Саманидов, Газневидов, Сельджукидов, Гуридов, а также Хорезмшахов. Особую ценность для нас представляют описания дворцовых пиршеств и праздников, проводившихся при дворах. Исключительно ценными источниками также являются сведения, содержащиеся в философских трактатах «Насихат-ул-мулук» Мухаммада Газзоли⁴, «Кабус-намэ» Унсурмаоли Кей-Кавуса,⁵ «Наврузнаме» Омара Хайяма⁶, «Собрание редкостей, или Четыре беседы» Низами Арузии Самарканди⁷, а также других авторов, в которых в той или иной степени сохранились описания дворцового церемониала.

Практическое значение работы. Положения и выводы, полученные диссертантом в ходе исследования темы, являются научной основой для дальнейшего изучения истории церемониала последующих эпох. Результаты исследования могут быть использованы при написании отдельных разделов и глав истории таджикского народа, могут быть использованы в вузах и общеобразовательных школах страны при изучении курса «История таджикского народа», составлении учебных и учебно-методологических пособий. Также результаты исследования могут быть использованы при чтении теоретических курсов по междисциплинарным предметам, таким как культурология, этнография, социология и философия.

Методологическая основа диссертации. При работе над диссертацией был использован ряд общенаучных и специальных методов и теорий, таких как

Душанбе: Ирфон, 1989. 552 с; он же: Шохнома. Ч.7. Душанбе: Адиб, 1989. 651 с; он же: Шохнома. Ч.8. Душанбе: Адиб, 1990. 612 с; он же: Шохнома. Ч.9. Душанбе: Адиб, 2009. 480 с.

¹ Баргузидаи ашъори устод Унсурии Балхӣ (Избранные стихи устада Унсурии Балхи). Техрон: Амири Кабир, 1365. 32 с.

² Дамғонӣ Манучехри. Гузидаи ашъори Манучехрии Дамғонӣ (Избранные стихи Манучехрии Дамғони). Техрон.1373.

³ Девони ҳақим Фарухии Систонӣ (Сборник стихов Фаррухии Систони). Техрон: Заввора, 1371. 524 с.

⁴ Газзоли Мухаммад. Насихат-ул-мулук. Душанбе: Ирфон, 2011. 175 с.

⁵ Кей-Кавус. Кабус-намэ. Второе издание. Перевод статья и примечания члена-корреспондента академии наук СССР Е.Э. Бертельса. М.: ИВЛ, 1958. 296 с; Кайковус У. Кобуснома. Душанбе: Маориф ва фарханг, 2007. 200 с.

⁶ Хайям О. Наврузнаме. Душанбе: Адиб, 2012. 250 с.

⁷ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы. М.: ИВЛ, 1963. 174 с.

принцип историзма, объективность, историко-сравнительный, сопоставительный, описательный, анализ и обобщение. В данной работе диссертант опирается на концепции и взгляды многих отечественных и зарубежных учёных, чьи работы имеют непосредственное отношение к теме диссертационного исследования.

Объектом исследования является история эволюции и развития дворцовых церемоний при дворах правителей Мавераннахра и Хорасана в период IX-начала XIII вв.

Предметом исследования является познание церемониала для раскрытия дворцовой жизни, её влияние на политическое и социально-экономическое положение страны, на всю структуру государственной власти.

Научная новизна работы:

1. В диссертации впервые предпринята попытка комплексного исследования дворцового церемониала при дворе феодальных правителей Мавераннахра и Хорасана до эпохи монгольского нашествия.

2. Дан сравнительный анализ основных источников по истории дворцового церемониала периода IX-начала XIII вв., дошедших до нашего времени, на персидско-таджикском и арабском языках.

3. Впервые дан научный анализ проблемы трансформации дворцового церемониала на протяжении более чем трёх столетий.

4. Исследовано значение дворцового церемониала в культурной и общественной жизни государства в целом.

5. Раскрыто объективное влияние дворцовых церемоний на политическую и социально-экономическую жизнь страны.

Апробация работы. Рукопись диссертации была обсуждена на расширенном заседании кафедры отечественной истории ХГУ им. акад. Б.Г. Гафурова и рекомендована к публичной защите.

По теме диссертации диссертантом опубликован 7 научных статей, а также сделаны научные сообщения на ежегодных научных конференциях аспирантов и соискателей ХГУ им. акад. Б. Гафурова.

Хронологические рамки исследования охватывают период с IX в. и до периода нашествия монголов. Данная периодизация соответствует историческим преобразованиям, происходившим в Мавераннахре и Хорасане до нашествия монголов. Именно в IX в. возвышается первое таджикское государство с правящей династией – домом Саманидов. Эмиры из этой династии положили начало новому периоду становления верховной, независимой от халифата, власти в Мавераннахре. С этого времени началось возрождение иранских традиций во всех сферах жизни, в том числе при дворе сформировался аппарат управления (диваны), заметно изменились и обычаи правящего двора. Появилась ранее не виданная пышность и сложные придворные церемонии. Завершился данный период нашествием татаро-монголов, повлекшим за собой существенное изменение дворцового церемониала.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исторические процессы, происходившие в IX-начале XIII вв., не могли не отразиться и на проведении дворцового церемониала. Местные династии Тахиридов, Саффаринов и особенно Саманидов, придя к власти в Мавераннахре и Хорасане, добились относительного равенства с аббасидскими халифами и политической независимости своей страны. Начиная со времени правления вышеназванных династий, формируется дворцовый церемониал. Дворцовые церемонии данной эпохи вобрали в себя как старые, так и новые элементы, присущие новой эпохе.

2. Саманидские эмиры считали себя преемниками Сасанидов. Они всячески старались подражать правителям этой династии. Это, в частности, отразилось на проведении дворцовых церемоний. При дворе Саманидов были возрождены народные праздники Навруз, Мехрган, Сада и другие, позднее это произошло и при дворах последующих династий. Данные праздники отмечались торжественно и с подражанием древним мифам и лигентам.

3. Местные дворы Мавераннахры и Хорасана всё же во многом подражали двору аббасидских халифов, особенно в церемониале приёма иностранного

посла, а также при ежедневном приёме придворных чиновников правителем Мавераннахра и Хорасана. Они имели много схожих черт с проведением этих же церемоний при дворе аббасидских халифов.

4. Дворцовые церемонии своими корнями уходят в глубь истории. Местные дворы находились в тесном контакте с другими, соседними дворами. Такое соседство и взаимодействие оказывали благотворное влияние на проведение церемониала в их качественной и содержательной форме.

ГЛАВА I

ЦЕРЕМОНИАЛ ОФИЦИАЛЬНО – УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

§1. Церемониал возведения на престол правителей

Мавераннахра и Хорасана

История церемониала возведения на престол правителей феодальных государств Мавераннахра и Хорасана своими истоками уходит в глубь веков. С незапамятных времён правители как знак власти и могущества носили корону. Трон считался другим важным атрибутом церемониала коронации. Среднеазиатские правители в VI-VII вв. по-прежнему восседали на тронах, поддерживаемых скульптурами животных или птиц. Так, правитель Уструшаны восседал на троне, поддерживаемом скульптурой коня¹, трон правителя Давана поддерживала скульптура барана, а трон правителя Бухары поддерживала скульптура верблюда².

При Ахеменидах (555-334 г. до н.э.) царь выбирался из определённого рода, считавшегося обладателем права на законную власть. Царя избирало собрание воинов, причём избранный был не просто царем, а царём царей. Дворцовый церемониал, особенно обычай простиранья перед царём, отражает божественный статус ахеменидского царя. День коронация царя считался днём его рождения, ибо он, принимая тронное имя, как бы «рождался заново». Когда царь умирал, нередко члены царской фамилии и слуги в знак траура наносили себе увечья или кончали жизнь самоубийством³.

Согласно сообщениям Табари, престол сасанидского шахиншаха Нуширвана был позолоченным. Нуширван имел золотую корону, которая висела на тонких золоченых цепях с потолка помещения. Когда Нуширван вставал с престола, корона оставалась висеть.⁴

¹ История таджикского народа. Т. II. С. 281-282.

² Донишномаи Сомониен. Чилди II. Н – Я. С. 317.

³ Фрай Р. Наследие Ирана. С. 136.

⁴ Балъмай А. Таърихи Табарӣ. Чилди I. 1380/2001. С. 564.

По словам Фирдоуси, древнеиранские правители проводили коронацию нового правителя лишь после церемониала оплакивания умершего правителя, и этот ритуал продолжался в течение 40 дней¹.

После падения Сасанидского Ирана помпезные церемонии коронации утратили свою значимость. Даже коронация аббасидских халифов не отличалась особой торжественностью. В день коронации халиф собственноручно прикреплял своё знамя к древку и принимал халифскую печать. Коронация правителей областей – эмиров проводилась куда торжественнее, в соответствии с древним языческим обычаем, когда на голову нового правителя водружалась диадема, усыпанная драгоценными камнями, а также нашейная цепь и два браслета из золота, обычно также усеянные драгоценными камнями².

С приходом арабов и исламизацией общества в VIII-IX вв. в церемониале местных дворов, как уже упоминалось, произошли существенные изменения. Например, правителей Хорасана и Мавераннахра назначал халиф Багдада. Начиная с IX в. правителей Хорасана стали назначать из представителей местных сословий аристократов. Одной из первых местных династий, правивших Хорасаном, явились Тахириды (821-873). Основатель династии Тахиридов – Тахир ибн Хусайн вступил на престол в 821 г.³ По установившейся традиции все иранские династии связывали свою генеалогию с предыдущими династиями, включая сюда полумифических правителей Пешдадидов, Киянидов и др. Например, Ахемениды связывали себя с Киянидами, Аршакиды с Ахеменидами, Сасаниды также следовали Ахеменидам. Династии Тахиридов и Саманидов связывали свою генеалогию с Сасанидами⁴. Традиция связывать свою генеалогию с правителями

¹ Фирдавси А. Шахнома. Цилди V. С. 415.

² Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 118.

³ Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. 2-я книга. Душанбе: Ирфон. С. 41.

⁴ Акбари Амир. Таърихи ҳукумати Тоҳирӣён (аз оғоз то анҷом). Машҳад, 1384. С. 63; о родстве Саманидов с Сасанидами смотрите также: Худуд-ул-олам. Душанбе: Бухоро, 2014. С. 53; Худуд-ул-олам, Ибни Ҳавқал. Сура-ул-арз, Мухаммад обиди Иршод. Чаҳорбоғи гулҳо. Душанбе: Адиб, 2008. С.138.

предыдущих династий считалась своеобразной легитимацией своей власти перед народом.

Средневековые источники умалчивают об имевшем месте церемониале восшествия на престол в период правления Тахиридов (821-873). Источники, сообщая о назначении и других правителей Хорасана в период владычества арабов, ограничиваются только указанием года и числа назначения. Лишь историк Хамзаи Исфакони сообщает, что после прихода к власти в Хорасане Абумуслима брат аббасидского халифа по имени Абуджаъфар, придя в Мерв, привел к присяге Абумуслима и его сподвижников¹. Это единственное свидетельство, которое указывает на то, что правителя Хорасана приводили к присяге на верность халифу.

Тахириды и Саффариды. В рассматриваемый период истории правители Хорасана и Мавераннахра носили титул эмира, и их власть получала официальный характер лишь после того, когда халиф Багдада отправлял им грамоту на управление областями. Вместе с грамотой халиф также посылал корону, стяг, почётные одежды и дары. Например, Гардизи сообщает, что Мутасим (833-842) после восшествия на престол халифата послал Абдаллаху ибн Тахиру (828-845) диплом на управление Хорасаном. Когда умер Абдаллах ибн Тахир, диплом на управление Хорасаном был послан его сыну Тахиру ибн Абдаллаху (845-862)². Это свидетельствует о том, что формально власть правителя Хорасана зависела от власти аббасидского халифа, и новый халиф после восшествия на престол халифата посылал новую грамоту правителю Хорасана.

По сообщению Бейхаки, когда Яъкубу ибн Лайсу принесли жалованную грамоту и халат от халифа, он сошел с престола, надел пожалованный халифом халат и, вступив на развернутый слугами молитвенный коврик, исполнил два ракаата молитвы³.

¹ Хамзаи Исфаконӣ//Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дуввум (мутуни арабиасл). С. 114.

² Гардезӣ А. Зайн-ул-ахбор. С. 302.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 76.

После смерти Яькуба ибн Лайса в 879 г. на престол Саффаридов претендовали сразу два его брата – Амр и Али. По сообщению безымянного автора «Истории Систана», споры между братьями и войском шли два дня, а на третий день перстень Яькуба, символизирующий власть Саффаридов, был передан Амру ибн Лайсу (879-900). Войско присягнуло на верность Амру. Амр в письме халифу Муьтамиду (870-892) заявил о своем послушании и покорности и попросил диплом на управление Хорасаном и теми областями, которыми правил его брат, на свое имя¹. По сведениям Бейхаки, Муьтамид после получения прошения Амра послал к нему своего посла и передал ему, чтобы Амр ждал грамоту в Нишапуре. После получения этой вести от посла халифа, Амр дал в качестве дара послу сто тысяч дирхемов и проводил его обратно в путь. По сообщению того же Бейхаки, когда в Нишапур явился посол халифа вместе с двумя слугами, он привез грамоту, два халата, стяг и подарки. На этот раз Амр выплатил послу 700 тысяч дирхемов². За то, что халиф Муьтамид признал власть Амра ибн Лайса, последний в свою очередь должен был высылать ежегодно в Багдад 20 млн. дирхемов³.

О том, как Амр принял посла халифа в 879 г. и какие церемонии он устроил в честь приезда посла, источники умалчивают. Подробно церемонию принятия Амром диплома на управление Мавераннахром от посла халифа в 899 г. описывает историк Ибн Халликан. По его свидетельству, в Нишапур халифом Багдада был отправлен посол с подарками и с дипломом на управление Мавераннахром. Амр торжественно принял дар аббасидского халифа. В день принятия посла положил гость перед Амром посланные халифом халаты; Амр надевал их, один за другим, причем надевание каждого халата сопровождалось выражением благодарности. Наконец посол положил перед Амром диплом на управление Мавераннахром. Амр взял диплом,

¹ Таърихи Систон («История Систана»). С. 229.

² Бейхаки А. История Масъуда. С. 278.

³ Таърихи Систон («История Систана»). С. 229-230; Табарй М.Ч. Таърихи Табарй ё «Тарих-ул-русул вал мулук». Ҷилди 15. С. 6482; Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Ҷилди 10. С. 4383.

поцеловал его, положил себе на голову, потом положил перед собой; после этого посол удалился. Амр велел дать послу и его спутникам 7000 дирхемов¹.

В 900 г. Амр был схвачен и пленён Исмаилом Самани². Его войска, собравшись, присягнули Тахиру ибн Мухаммаду (900-909) – внуку Амра³. Безымянный автор «Истории Систана» сообщает, что когда от Амра, находившегося в Самарканде, пришло письмо с просьбой выплатить выкуп для его освобождения из плена в размере 10 млн. дирхемов, то военачальники выступили против этого. Они в один голос сказали, что если Амр выйдет на свободу, то он никому не простит разграбления своего имущества и возведения на престол Тахира ибн Мухаммеда, принесения ему присяги войск и подношения высокопоставленным чиновникам даров из казны.⁴ Из этого сообщения следует, что в день церемонии возведения на престол Тахира ибн Мухаммада по устоявшей традиции придворным чиновникам дарили ценные дары.

Саманиды. В эпоху правления Саманидов (819-1005) и Буидов (932-1013) возведение на престол эмира проводилось с ещё большей роскошью и в торжественной обстановке. Данные династии считали себя преемниками Сасанидов и старались воссоздать их дворцовую роскошь. Например, во время правления буидского эмира Азудуддавла (949-982) в день его коронации на голову нового эмира водружал корону сам аббасидский халиф. Азудуддавла тем самым как бы возродил древнюю традицию Сасанидов. Источники сообщают, что буидские эмиры во время официальных церемоний надевали корону и восседали на золоченом троне, а придворные рабы стояли в один ряд для услужения им⁵.

Возведение на престол саманидских эмиров также проводилось торжественно. Согласно источникам, престол саманидских эмиров был

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 283.

² Негматов Н.Н. Государство Саманидов.(Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). Душанбе: Дониш, 1977. С.25.

³ Таърихи Систон («История Систана»). С. 247-248.

⁴ Там же. С. 248-249.

⁵ Захро Чахон, Имонпур, Махаммадтаки. Густариши оинҳои дарбори ва чашинҳои Ирони бостон дар аҳди оли Буя// Нимсолномаи мутолиъоти таърих ва тамаддуни миллали исломи, давраи 1, шумораи 1, тобистони соли 1391. (2012 мелоди). С. 40-41.

целиком изготовлен из золота¹. Власть саманидских эмиров получала официальный характер лишь после проведения церемонии присяги свиты, войск, придворных, а затем народа новому эмиру². Примечательно, что во время церемонии коронации эмира на площадь приводили определенное количество заключенных, которых затем амнистировали.

В источниках также сообщается, что власть Исмаила (892-907) и его сына Ахмада (907-914) признавалась халифатом путем отправления грамоты и стяга, и только после этого она получала религиозную и политическую легитимность. В частности Табари сообщает, что в 892 г. после смерти Насра, халиф Муътазид (892-902) отправил Исмаилу грамоту в Мавераннахр³. По сообщениям того же Табари, в 900 г. Муътазид послал Исмаилу грамоту и на управление Хорасаном с ценными дарами, а также золотую корону и меч, которые были украшены драгоценными камнями.⁴ Источники также сообщают, что после смерти Исмаила Самани халиф Муктафи (902-908) отправил грамоту на управление Хорасаном и Мавераннахром вместе со стягом на имя Ахмада ибн Исмаила (907-9014)⁵. Но о получении грамоты и стяга аббасидских халифов преемниками Ахмада ибн Исмаила (907-914) источники умалчивают. Это свидетельствует о том, что формальная подчинённость саманидских эмиров Багдадскому халифату настолько потеряла значимость, что историки не считали необходимым упомянуть о посланной грамоте и стяге аббасидского халифа.

Во время правления Саманидов (819–1005), как и при Саффаридах (873–903), власть аббасидского халифа признавалась условно. Одним из приоритетных условий признания главенствующей роли Багдада считалось чтение хутбы на имя аббасидского халифа во время пятничной молитвы, а также чекан монеты с упоминанием его имени.⁶ После того, как багдадский

¹ Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ. С. 191.

² Ночӣ М. Фарҳанг ва тамаддуни исломи дар қаламрави Сомониён. С. 62.

³ Табарӣ М.Ҷ. Таърихи Табарӣ ё «Тарих-ул-русул вал мулук». Ҷилди 15. С. 6650.

⁴ Там же. С. 6710.

⁵ Там же. С. 6772; Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Ҷилди XI. С. 4597; Гардезӣ А. Зайн-ул-ахбор. С. 325.

⁶ Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ. С. 160-161.

престол получила династия Буидов, бывали случаи, когда халиф, назначенный Буидами, не был признан Саманидами, от чего авторитет саманидского правительства несколько не был поколеблен¹.

Церемония возведения на престол нового эмира проводилась после обряда погребения усопшего правителя, а также завершения ритуала оплакивания. В эпоху Саманидов в случае неожиданной смерти эмира на престол возводили юного наследника. Так, Наср ибн Ахмад (914-943), Абдумалик ибн Нух (954-961) и Нух ибн Мансур (976-997) заняли престол в самом юном возрасте.

Например, когда в 914 г. Ахмад ибн Исмаил был убит, сподвижники, после проведения обряда оплакивания, возвели на престол его восьмилетнего сына – Насра ибн Ахмада (914-943)². Историк Ибн аль-Асир сообщает, что придворные и свита присягнули новому эмиру следующим образом: Наср был поднят на плечи Ахмада ибн Мухаммада ибн Лайса, который был правителем Бухары, а затем придворные и свита присягнули Насру. После чего, пишет Ибн аль-Асир, молодого Насра приближенные его отца на плечах вынесли к собравшемуся народу, чтобы он увидел эмира³. Сообщение Гардизи касательно возведения на престол Насра ибн Ахмада отличается от сообщения Ибн аль-Асира лишь тем, что Гардизи называет человека, поднявшего Насра на плечи и принявшего присягу называет Саъди Ходимом. Тот же Гардизи сообщает, что всеми этими мероприятиями руководил Абуабдуллах Чайхони, ставший затем визирем Насра⁴.

После Насра на престол Саманидского государства вступил его сын Нух (943-954). Источники, сообщая о возведении на престол Нуха, почему-то ограничиваются только годом его восшествия, а о церемониале его коронации ничего не сообщают.⁵ По сообщению тех же источников, Нух вступил на престол после смерти отца Насра. Но Низам аль-Мульк повествует о передачи власти Насром к Нуху, спешно состоявшейся вследствие намерения

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 285.

² Гардези А. Зайн-ул-ахбор. С. 329-330; Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Чилди XI. С. 4660.

³ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Чилди XI. С. 4661.

⁴ Гардези А. Зайн-ул-ахбор. С. 330.

⁵ Там же. С. 339; Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Чилди XI. С. 4947.

военачальников тюркской гвардии совершить переворот и свергнуть Насра за его симпатию к карматскому движению. По рассказам того же Низам ал-Мулька, заговорщики намеревались обезглавить Насра по окончании пира, устроенного в честь похода тюркской гвардии против неверных в Баласагун. Об этом заговоре был осведомлен Нух – сын Насра. По совету Нуха Наср обезглавил главного военачальника, руководившего заговором, и в разгар пира вошел во дворец, где и происходило пиршество. Военачальники, увидев входящего с сыном Насра, встали и пошли им навстречу, не подозревая о случившемся с главным военачальником. Наср ибн Ахмад, подойдя к престолу, воссел на нем, а его оруженосцы выстроились сзади. Нух встал по правую руку от Насра. Наср велел всем сесть и закончить трапезу¹.

По окончании трапезы убрали стол, после чего Наср обратился к присутствующим военачальникам и рассказал им о случившемся заговоре и о казни главного военачальника. В их присутствии Наср отрекся от престола в пользу своего сына Нуха, которого никто не мог заподозрить в симпатиях к карматам. Тут же по приказу Насра голова казненного главного военачальника была брошена перед военачальниками. Сам Наср после этого встал с престола и сел на молитвенный коврик, а Нух воссел на престол. Военачальники были удивлены происшедшим и не знали, чем оправдаться. Все они преклонили головы к земле и поздравили Нуха. Там же по приказу Нуха Наср был арестован и отправлен в Кухандиз².

К сожалению, Низам ал-Мульк сообщая эту историю, не указывает года и числа случившегося. Академик В.В. Бартольд анализируя данную проблему на основе письменных источников пришёл к выводу, что Наср умер 6 апреля 943 г. от туберкулёза лёгких. Другая дата смерти Насра 31 мая 942 г., которое приводится в некоторых источниках, В.В. Бартольд предположил, что это не дата смерти Насра, а дата фактического перехода власти от Насра к Нуху. Ссылаясь на Наршахи В.В. Бартольд указывает, что Нух вступил на престол 10

¹ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 215-216.

² Там же. С. 216.

апреля 943 г., т.е. после традиционного трёхдневного траура по усопшему правителю¹.

После правления Нуха в проведении церемониала возведения на престол саманидских эмиров все более и более усиливается влияние придворных чиновников, прежде всего военной аристократии. В этот период неотъемлемой частью церемониала возведения на престол становится церемония одаривания придворных вельмож, войск, а также народа, которые присягали на верность новому правителю. Данная церемония происходила после принесения присяги дворцовыми чиновниками новому правителю.² Например, Утби, сообщая о возведении на престол 13-летнего Нуха II ибн Мансура (976-997), пишет, что после того, как вельможи и военачальники присягнули ему на верность, он, восседая на престоле, приказал открыть двери казны и одарить каждого из них в соответствии с их достоинством. Причём размер даров был таким огромным, что, по словам Утби, они собирались десятилетиями саманидскими эмирами и их визирями³. Последний саманидский эмир Абдалмалик ибн Нух (999г.) был возведён на престол военачальниками Бектузуном и Фаиком. По словам Гардизи, последние, после присяги на верность Абдалмалику, потребовали от него дар за присягу, и он их одарил⁴.

Газневиды. В 999 г. территория Мавераннахра была завоевана Караханидами, а Хорасан – Газневидами⁵. Последние заимствовали церемонию коронации у Саманидов. В период царствования Газневидов церемониал коронации газневидских эмиров совершался как и при дворе Саманидов.

Основоположником династии Газневидов считается Сабуктегин, обеспечивший самостоятельность Газны от Саманидов и присоединивший к

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 304-305.

² Донишномаи Сомониён. Чилди II. Н – Я. С. 84; Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 36-37; Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Чилди XI. С. 5367; Гардзей А. Зайн-ул-ахбор (Таърихи Гардзей). С. 377.

³ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 36-37.

⁴ Гардзей А. Зайн-ул-ахбор. С. 377.

⁵ Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. - 2-я книга. С. 57.

ней земли в бассейне реки Кабул¹. Сабуктегин был зятем опального военачальника Саманидов – Алп-Тегина, захватившего в январе 963 г. власть в Газне². После смерти Алп-Тегина в сентябре 963 года власть перешла к его сыну Абуисхаку. Со смертью Абуисхака (965) кончилась правление рода Алп-Тегина. Затем один за другим страной правили два его бывших раба: Бильгатегин (965-972 гг.) и Пир-тегин (972-977). Последний в апреле 977 г. уступил престол зятю Алп-Тегина Сабук-тегину, который и стал основателем династии Газневидов³. По свидетельству Утби⁴ и Ибн аль-Асира⁵, Сабуктегин был объявлен военачальниками правителем. После объявления его правителем, в тот же день войска присягнули Сабуктегину в верности. По рассказам Низам аль-Мулка, после церемонии присяги войск Сабуктегин был приведён во дворец и посажен на трон, и вельможи тоже с поклонами присягнули ему, а затем осыпали его золотыми монетами⁶. Примечательно, что впоследствии историки генеалогию Сабуктегина связывали с древнеиранскими царями⁷, хотя он был родом из тюрков.

По сообщениям Утби⁸ и Ибн ал-Асира⁹, Сабуктегин при жизни составил завещание на престол не на старшего сына Махмуда, а на младшего – Исмаила. После смерти Сабуктегина армия, согласно завещанию, присягнула Исмаилу. В этот день Исмаил одарил войска и придворных.

Власть саманидских эмиров также получала религиозную и политическую легитимность после её признания аббасидским халифом. Когда Багдад в 945 г. был завоеван буидским эмиром Муизуддавлем – политическим соперником Саманидов, который назначил Мутеъ (945-974) новым халифом, то Саманиды не признали его и продолжали читать хутбу на имя предыдущего халифа

¹ Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. - 2-я книга. С. 107.

² История таджикского народа. Том III. С.49; Халили Ч. Салтанати Ғазнавиён. С. 1.

³ История таджикского народа. Том III. С.49; Халили Ч. Салтанати Ғазнавиён. С. 2-3; Шаббани Р. Краткая история Ирана. Санкт-Петербург. 2008. С.174-175; Ҳабибӣ А. Таърихи мухтасари Афғонистон. Кобул, 1346. С.140-141; Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён: тарҷумаи Ҳасан Ануша. Техрон: Амири Кабир, 1378. С. 37.

⁴ Чурфодиконӣ А.Н. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ. С. 25.

⁵ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Ҷилди XI. С. 5219.

⁶ Низам ал-Мулк. Сиасет-намэ. С. 122.

⁷ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. с. 322; Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С.38.

⁸ Чурфодиконӣ А.Н. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ. С. 120.

⁹ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Ҷилди XII. С. 5368.

Мустакфи (944-945) и чеканить монету с упоминанием его имени. Только когда в 954 г. аббасидский халиф Мутеъ отправил грамоту в Хорасан на имя мятежного саманидского военачальника Абу Али Мухточи Чагони, который завоевал Нишапур и некоторые провинции Хорасана, и велел читать хутбу на имя Мутеъ, Саманиды были вынуждены признать Мутеъ¹.

Когда в 991 г. другой аббасидский халиф, Тоеъ (974-991), был низложен буидским эмиром Бахоуддавлем, и по его распоряжению на престол был возведен Кадыр (991-1031), Саманиды воздержались от признания его власти и до самого прекращения существования своей династии не признавали его халифом.² Когда Махмуд Газневи в 999 г. разгромил саманидские войска под Мервом и овладел Хорасаном, он велел, чтобы впредь читали хутбу на имя халифа Кадыра³.

С приходом к власти Махмуда Газневи (998–1030) в проведении церемонии возведения на престол эмира Газны происходят некоторые изменения. Власть Махмуда Газневи и его сына Масъуда получила политическую и религиозную легитимность путём её признания халифом Багдада⁴.

Церемониал возведения на престол Махмуда произошёл весьма помпезно. По словам Утби, а также Гардизи, церемония возведения на престол Махмуда произошла по прибытии послов аббасидского халифа, которые привезли ему от халифа грамоту на управление Хорасаном, корону, флаг и халат. В день церемонии Махмуд, надев халат, воссел на троне. В это время правители областей Хорасана, вельможи, придворные и др. стояли в несколько рядов перед тронем. Все без исключения были одарены Махмудом ценными подарками. Некоторым Махмуд присвоил высокие чины⁵. Это торжественное вступление Махмуда на престол произошло примерно в октябре – ноябре 999

¹ Ночй М. Фарханг ва тамаддуни исломи дар қаламрави Сомониён. С. 77-78.

² Там же.

³ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Ҷилди XII. С. 5386.

⁴ Хусенов Ф. Церемониал коронации при Газневидском дворе и описание убранства их дворца//Учёные записки. -№2(39). Худжанд. 2014. С.184.

⁵ Ҷурфодиконй А.Н. Тарҷумаи Таърихи Яминй. С. 137; Гардезй А. Зайн-ул-ахбор. С. 381.

г.¹ По сообщению Гардизи, церемониал возведения на престол Махмуда был проведен в городе Балхе².

Махмуд Газневи завещал престол Газневидов младшему сыну Мухаммаду³. Согласно сообщениям Бейхаки, Мухаммад после смерти Махмуда был вызван из Гузганана хаджибом Али Карибом⁴. Через 40 дней после смерти отца Мухаммад прибыл в Газну и принял присягу у войск. В день возведения на престол Мухаммад осыпал военных монетами, а придворных, вельмож и военачальников одарил драгоценными дарами⁵. Этот факт подтверждает и Бейхаки. По его словам, деньги и дары Мухаммад передал также военным и придворным вельможам за их присягу на верность⁶.

Старший сын Махмуда Масьуд, находясь в Исфагане, узнал о кончине отца из письма своей тётки. Он решил выступить против Мухаммада, но перед этим, следуя традиции, исполнил обряд оплакивания⁷. По словам Бейхаки, обряд оплакивания проводился в течение трёх дней. На обряд оплакивания Масьуд являлся в белом кафтане, плаще и чалме. Вельможи и представители войска тоже являлись на поклон в белых одеждах⁸.

После некоторой проволочки на газневидский престол вступает старший сын Махмуда – Масьуд. Его вступление на престол было одобрено халифом Багдада. По случаю его коронации халиф прислал посла. Посла встретили в Нишапуре с большими почестями. Масьуд принял посла халифа после трёх дней⁹. По распоряжению Масьуда в день, когда он должен был принять посла халифа, ранним утром главнокомандующий войсками Гази построил из воинов и гулямов почетный караул, чтобы посол прошел между ними.¹⁰ Из сообщения Бейхаки следует, что в день коронации Масьуда халифский посол ехал на

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 332.

² Гардези А. Зайн-ул-ахбор. С. 381.

³ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Ҷилди XIII. С. 5644.

⁴ Бейхаки А. История Масьуда. С. 51; Халили Чалилаллох. Салтанати Ғазнавиён. С. 134.

⁵ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Ҷилди XIII. С. 5644.

⁶ Бейхаки А. История Масьуда. С. 247; он же: Таърихи Байҳақӣ (на тадж. яз.). С. 313.

⁷ Бейхаки А. История Масьуда. С. 52; он же: Таърихи Байҳақӣ (на тадж. яз.). С. 58.

⁸ Бейхаки А. История Масьуда. С. 53; он же: Таърихи Байҳақӣ (на тадж. яз.). С. 60.

⁹ Халили Х. Салтанати Ғазнавиён. С. 146.

¹⁰ Бейхаки А. История Масьуда. С. 75.

коне, а стяг, посланный халифом, вез всадник ехавший позади посла. Вслед за послом везли халифские дары на мулах и конях. Когда посол приблизился к саду Шадьях, где и произошла церемония коронации Масьуда, раздались звуки литавр и рогов. Бейхаки писал, что посла и вельмож везли до престола между двух рядов войск и осыпали монетами¹.

Далее Бейхаки пишет, что посол халифа сошёл с коня и его привели перед лицо эмира Масьуда. Затем посол, выступив вперёд, поцеловал руку Масьуда. По велению эмира Масьуда посол был посажен близ трона. Сев, посол приветствовал эмира Масьуда от имени аббасидского халифа, а затем, встав с места, положил на трон жалованную грамоту и послание халифа. Эмиром Масьудом был подан знак дворцовому чиновнику по имени Бу Сахль Завзани, чтобы он взял и прочёл грамоту и послание. Когда Бу Сахль Завзани прочитал послание до поздравления, эмир Масьуд встал, облобызал ковёр трона и снова сел. Грамота и послание халифа были прочитаны Бу Сахлем Завзани на арабском языке, а затем пересказаны на персидском. После этого были открыты сундуки и извлечены дары, посланные халифом. Затем эмир Масьуд, сойдя с трона, надел пожалованный халат и на развернутом молитвенном коврике исполнил два ракаата молитвы. После молитвы Масьуду поднесли привезённые венец, ожерелье, меч, перевязь и пр., которые были надеты на него. В это время представители династии и свита рассыпали перед престолом очень много монет².

По словам Бейхаки, после окончания церемониала коронации эмир Масьуд приказал раздать нищим двести тысяч дирхемов. Затем эмир Масьуд сходил в баню, и веселье продолжалось за праздничным столом. На этот пир пригласили и аббасидского посла и посадили его за стол Масьуда. После трапезы на посла был надет драгоценный халат, после чего его с почестями проводили. По словам Бейхаки, вечером посольский пристав доставил послу дар лично от себя: двести тысяч дирхемов, лошадь с золотым конским убором,

¹ Бейхаки А. История Масьуда. С. 75-76.

² Там же. С. 76.

пятьдесят отрезков некроенных тканей, мускус и камфору. После того, как эмир Масъуд дал позволение на отъезд, посол выехал в обратный путь в последний день месяца шаъбан¹. Об этом церемониале сообщает также и Гардизи². Но его сообщение отличается краткостью.

В 1040 г. Масъуд Газневи потерпел сокрушительное поражение от Сельджукидов. После этого поражения Масъуд собрал все свое богатство и, вопреки возражениям своего визиря Ходжа Бунабра Мушкана и других известных персон, направился в сторону Индии. Он взял в поход своего брата Мухаммада, находившегося в то время в заключении. По пути в местности Рабат близ Моригила военачальники устроили заговор и убили его, а на трон посадили его брата Мухаммада³.

Сын Масъуда – Мавдуд, узнав о казни отца, прибыл в Газну в апреле 1041 г. и объявил себя султаном⁴. По словам Гардизи, после прибытия в Газну Мавдуд провел обряд оплакивания⁵. Мухаммад после поражения в сражении с войсками Мавдуда был казнён вместе с детьми⁶.

После завоевания Хорасана сельджуками дипломатические связи с халифатом были прерваны. Через некоторое время важным атрибутом коронации эмира Газны вновь стала церемония присяги войск новому эмиру. Имелись случаи, когда эмира выбирали на совещании военачальников, как в своё время выбрали Сабуктегина. Например, Фаррухзад в 1053 г. был назначен эмиром военачальниками⁷, и т.д.

Сельджукиды. Первым из сельджукидских султанов, удостоившимся титула султана, был Мухаммад Тугралбек (1040-1063). По мнению знатока истории сельджукидов Агаджанова, скорее всего, титул султана был закреплён

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 76.

² Гардзй А. Зайн-ул-ахбор. С. 423.

³ История таджикского народа. Том III. С.61; Халили Ч. Салтанати Ғазнавиён. С. 198-199; Ҳабибӣ А. Таърихи мухтасари Афғонистон. Кобул, 1346. С.146.

⁴ Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. - 2-я книга. С. 112.

⁵ Гардзй А. Зайн-ул-ахбор. С. 441.

⁶ Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. - 2-я книга. С. 113.

⁷ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Ҷилди XIII. С. 5827.

за Тугралбеком в 1038 г., после покорения им Нишапура¹. Второй по значимости фигурой после Тугралбека был его брат Дауд Чагры-бек. Он еще в апреле 1037 г. был провозглашён властителем Мерва, и на его имя была прочитана хутба. Также, он принял древнеиранский титул «шаханшах» («Царь царей»)². Непосредственная церемония возведения на престол Туграла состоялась в 1040 г. после битвы у Данданекана, когда после разгрома газнийских войск на поле сражения был разбит шатер и поставлен престол для Туграла. Туграл воссел на этом престоле, и явились к нему все вельможи и приветствовали его как эмира Хорасана³.

Туграл оправдывая захвата власти от Газневидов, и в расчёте на признания его власти писал письмо багдадскому халифу. Получив послание, халиф отправил некоего Хибатуллаха ибн Мухаммада ал-Маъмуни с ответным письмом к Тугралу, в котором выразил ему свои добрые пожелания. Халиф просил, чтобы тот любым способом доставил Тугралбека в Багдад. На целых, на три года задержался посланник халифа при дворе Тугралбека⁴. В 1055 г. Тугралбек покорил Багдад и положил конец владычеству Буидов в Ираке. Он женился на внучке халифа ал-Каима, который присвоил ему титулы Рукн ад-Даула (Опора державы), и Малик ал-Машрик ва-л-Магриб (Царь Востока и Запада)⁵. Тугралбек был облачён в семь почётных чёрных одеяний, опоясан двумя мечами и получил два золотых венца, символизировавших его власть над покоренными странами.⁶

После Туграла на сельджукидский престол вступил его племянник Алп-Арслан, и впоследствии султанская корона передавалась от отца к сыну.

¹ Агаджанов С.Г. Очерки Истории Огузов и туркмен Средней Азии X-XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. С.211; он же: Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. С.64; он же: Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. С. 58; о сдаче Нишапура и прибитии Туграла, а также чтение хутбы на его имя см. также: Бейхаки А. История Масъуда. С. 490-491; История таджикского народа. Т.III. С. 56; Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С. 258-260.

² Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. С. 59; История таджикского народа. Т.III. С.56; о покорение Мерва Даудом Чанры-беком, а Нишапура Тугралбеком смотрите также: Аббос Иқбол. Вазорат дар аҳди салотини бузурги Салҷуқӣ. С. 36.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 554; он же: Таърихи Байҳақӣ (на тадж. яз.). С.662.

⁴ История таджикского народа. Т.III. С. 83; Нишопурӣ З. Салҷуқнома. С. 18-19.

⁵ История таджикского народа. Т.III. С. 84; Агаджанов С.Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. С.66.

⁶ Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. С.66.

Однако такой порядок наследования власти противоречил старинной традиции огузо-туркменских племен. Согласно их обычаям, верховный правитель должен был быть избран народным собранием (кан-каш) и утвержден советом беков. Бытовало также представление о том, что султанская власть, принадлежащая всей царской фамилии, должна переходить к старейшему члену правящего рода. В середине XI в. пережитки этого древнего обычая, восходящего к родоплеменному строю, были еще живы у племен сельджукского объединения. Противоборство двух идей о власти завершилось победой линии прямого наследования от отца к сыну¹.

Наследники престола в Сельджукском государстве назначались еще при жизни царствующего султана. Практиковался особый церемониал возведения на трон и присяги на верность будущему султану. Царевича сажали на лошадь, впереди которой шествовала знать, и одаривали присутствующих халатами и вышитыми попонами. По мнению знатока истории Сельджукидов С.А. Агаджанова, в этой торжественной церемонии отражались некоторые следы кочевых обрядов, существовавших у огузо-туркменских племен. У тюркоязычных народов средневековья конь олицетворял собой племя, и даже целое государство. Поэтому сажание наследника сельджукского престола на коня, вероятно, символизировало его возвышение над народом, получение государственной власти².

Согласно сообщению Ибн ал-Асира Алп-Арслан в 1065 г. в Радекане своего сына Маликшаха назначил приемником престола. В этот день Алп-Арслан принял от эмиров обязательства и заверения, что после него султаном будет Маликшах. Маликшах был посажен на коня, а сам Алп-Арслан шёл пешком перед ним, неся черпак. Эмиры были одарены почётными халатами, и им было приказано, чтобы во всех подвластных странах во время пятничной молитвы упоминалась имя Маликшаха. Также в этот день Алп-Арсланом

¹ Агаджанов С.А. Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. С. 64-65.

² Там же. С. 65.

распределил некоторые области империи между своими близкими и родственниками¹.

О назначении Маликшаха султаном сельджукидского государства при жизни своего отца Алп-Арслана свидетельствует также и сообщения Мирхонда. Но в его сообщении проводившая церемония во время назначения Маликшаха будущим султаном отличается от сообщения Ибн ал-Асира. Согласно сообщению Мирхонда войска специально были созваны в Радекане. В присутствии войск была поставлена золотой престол, украшённый драгоценными камнями. По велению Алп-Арслана на него взошёл Маликшах. После этого сановники по велению Алп-Арслана принесли присягу Маликшаху, а Алп-Арслан надел на него халат и обратился к нему с наставлениями². Таким образом, Мирхонд ни слово не упоминает о сажении Маликшаха на коня во время церемонии.

Непосредственная церемония возведения на престол Маликшаха произошло в 1073 г. В этом году Алп-Арслан после получения смертельного ранения в Мавераннахре приказал, чтобы войска присягнули Маликшаху. Согласно сообщению Ибн ал-Асира принесением присяги войск Маликшаху заведовал визирь Низам ал-Мульк. Маликшах послал требования в Багдад, чтобы хутба была посвящена ему³.

Сельджукидские султаны, подобно предыдущим династиям, получали от халифа диплом на управление государством, а также почетные одежды. Обряд посвящения сопровождался облачением в почетные одежды и другими церемониями⁴. Непосредственное восшествие на престол сельджукидских султанов сопровождалось водружением короны на голову. Например, Захириддин Нишапури сообщает, что в день коронации султана Баркиярука

¹ Извлечения из «ал-Камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира //Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 375.

² Извлечения из «Раузат ас-сафа» Мирхонда //Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 467-468.

³ Извлечения из «ал-Камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира //Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 376.

⁴ Агаджанов С.А. Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. С. 65.

(1094-1105), которая состоялась в Рее, правителем Рея на его голову была возложена корона, инкрустированная драгоценными камнями¹.

Церемония возведения на престол нового сельджукидского султана по традиции проводилась после погребения усопшего султана. Сельджукиды Малой Азии во время похорон правителя соблюдали домусульманские обычаи. Например, когда султан Сельджукидов Малой Азии Гияс ад-Дин Кей-Хусрав I погиб в битве с греками, он был погребён в столице государства – Конии. В день его похорон его сын и наследник Изз ад-Дин Кей-Кавус I устроил богатые поминки. В усыпальнице Гияс ад-Дина Кей-Хусрава I его сын поместил его лошадь².

Сельджукиды Малой Азии чтили некоторые старые родоплеменные традиции. Приемник престола также избирался по старинной родоплеменной традиции. Когда умирал, султан устраивался «курултай» - совет из представителей огузских племён, на котором избирался будущий султан. Огузские беки, стоя вокруг избранника, трижды преклонялись перед ним, а потом подносили ему «чаши», наполненные мёдом и кумысом³. Традиции, принесённые из Хорасана, тоже чтились при дворе Сельджукидов Малой Азии. В день возведения на престол султана брали в руки и неся на трон сажали. После этого его осыпали серебряными и золотыми монетами.⁴ Именно осыпания монетами, которое соблюдалось при дворах правителей Мавераннахра и Хорасана, была принесена сельджукидами и в Малую Азию.

Хорезмшахи. Хорезмшахи, или Ануштегиниды (1097-1231) назначались правителями Хорезма сельджукидскими султанами и считались их вассалами. Как правило, наследник престола Хорезма воспитывался в Мерве, в столице Сельджукидов. Новому Хорезмшаху Сельджукиды по традиции отправляли почётные одежды и грамоту на управление Хорезмом.

¹ Нишопурй З. Салчукнома. С. 26.

² Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 57.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 60; Райс Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. С. 38.

Хорезмшах Атсыз (1128-1156) период своего правления приложил все силы, чтобы стать независимым от Сельджукидов. В 1133 г. халиф Багдада аль-Мустаршид (1118-1135) даже отправил Атсызу почётные одежды. Но это ещё не означало признания власти Атсыза халифатом. Целью аль-Мустаршида было укрепление союза с Хорезмшахом Атсызом против Сельджукидов, так как халифат вёл против них борьбу за восстановление политической власти Аббасидов¹.

В 1141 г. Хорезмшах Атсыз попросил у халифа ал-Муктафи (1136-1160) признания его независимым правителем Хорезма и других областей, которые он намеревался подчинить себе. Прошение Атсыза было удовлетворено, и халиф Багдада отправил ему почётные одежды, подарки и указ о признании его полновластным владыкой его земель с титулом султана. С этого время Атсыз стал чеканить золотую монету со своим именем².

Атсыз, которого большинство историков по праву считают основателем независимого государства Хорезмшахов, до конца жизни не смог обеспечить полную независимость Хорезма и в 1156 г. умер вассалом сельджукидов.

После смерти Атсыза Хорезмшахом становится его сын Иль-Арслан (1156-1157). Когда умер Атсыз, Иль-Арслан находился в Хорасане, где заручился присягой эмиров и войска. Затем он отправился в Хорезм³. Торжественное вступление на престол Иль-Арслана произошло 22 августа 1156 г. Первым его распоряжением было увеличение жалования войску и размеров наделов иктаб⁴. Укрепив свою власть в Хорезме, Иль-Арслан отправил султану Санджару послание с выражением покорности и верности ему. Последний в свою очередь прислал Иль-Арслану указ (маншур) о признании его Хорезмшахом, а также почётные одежды⁵.

¹ Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 8.

² Там же. С. 12-13.

³ Чувайни А. Таърихи Чаҳонкушо. Чилди II. С. 9-10.

⁴ Там же. С. 10; Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 32; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 395.

⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 395; Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 32.

После смерти Иль-Арслана в 1172 г. по его завещанию на престол был возведён его сын Султаншах. Старший сын Иль-Арслана Текеш был правителем Дженда и находился там. Когда Текеш был вызван в Хорезм для принесения присяги новому Хорезмшаху, как того требовала традиция, он отказался придти и не признал власть брата. Когда его хотели силой привезти в Хорезм, Текеш отправился к кара-китаем, заручился их поддержкой против Султаншаха и его матери, которая управляла страной от имени Султаншаха. Взамен на помощь кара-китаев Текеш обещал выплачивать им ежегодную дань. Когда Текеш с армией кара-китаев подошёл к Хорезму, Султаншах вместе с матерью бежали из Хорезма в Хорасан, а Текеш в понедельник 11 декабря 1172 г. овладел Хорезмом и официально занял престол Хорезмшахов.¹ В честь Хорезмшаха Текеша (1172-1200) придворными поэтами были сочинены оды, которые в день его вступления на престол были прочитаны в торжественной обстановке².

Хотя в 1072 г. на престол Хрезма вступил Текеш, его брат, закрепившись в Хорасане, в течение многих лет боролся за власть Хорезмшаха, тем самым оспаривая легитимность нахождения Текеша у власти. В этой борьбе удача была на стороне Текеша. Весной 1188 г. при посредничестве знатных людей и эмиров Хорасана между Хорезмшахом Текешем и его братом Султаншахом было заключено перемирие. Согласно перемирию, Текеш пожаловал Султаншаху Джам, Бахарз и Зир-Пул. Взамен Султаншах освободил находившихся у него в плену трёх сановников Текеша³.

После заключения перемирия с Султаншахом и признания им права Текеша на престол Хорезмшахов, Текеш объявил себя полновластным правителем и 4 июля 1189 г. в городе Радекан повторно провёл церемонию восшествия на султанский престол. Согласно Атомалику Джувайни, торжества

¹ Чувайни А. Таърихи Чахонкушо. Чилди II. С. 11-12; Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 38-39; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 401.

² Чувайни А. Таърихи Чахонкушо. Чилди II. С. 12.

³ Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 42.

по этому случаю длились несколько дней, и по этому случаю придворные поэты читали панегирические стихи, посвящённые Хорезмшаху¹.

В рассматриваемый период истории династия Хорезмшахов была единственной династией, власть которой даже после обретения её представителями независимости и могущества, не была признана халифатом. Выше мы изложили факт, что в 1141 г. Хорезшаху Атсызу (1128-1156) халифом ал-Муктафи (1136-1160) была послана грамота на управление Хорезмом, а также почётные одежды, как этого требовали обычаи. Но в то время и до самой смерти Атсыз был вассалом Сельджукидов. Тем более после смерти Атсыза в церемонии коронации Хорезмшахов не отмечалось участия послов халифа или признания власти преемников Атсыза халифатом, как это было при Саманидах, Газневидах или тех же Сельджукидах. Когда Хорезмшах Текеш в 1194 г. завоевал северо-западный Иран², он мог бы заручиться поддержкой халифа и придать своей власти религиозную легитимность, как это делали предыдущие династии. Халиф ан-Насир даже отправил Текешу со своим визирем грамоту на владение, почётные одежды и подарки. Но военный отряд, сопровождавший визиря, по приказу Текеша был атакован³.

Решительный отпор Текеша действиям халифата историк Рашид ад-Дин объясняет тем, что до этого халиф требовал от Текеша передачи завоёванного им северо-западного Ирана халифату, на что Текеш ответил отказом. После этого халиф отправил к Текешу своего визиря с грамотой на управление, почётными одеяниями и дарами. Согласно Рашид ад-Дину, визиря сопровождали свыше 10 тысяч воинов – курдов и арабов. В этом сообщении Рашид ад-Дин явно намекает, что целью халифа было физическое уничтожение Текеша. Тем более, согласно тому же Рашид ад-Дину, визирь, прибыв в Астарабад⁴, послал Текешу извещение о своем прибытии и о цели прибытия. В этом извещении визирь также требовал, чтобы Текеш выехал ему

¹ Чувайни А. Таърихи Чаҳонкушо. Ҷилди II. С. 18.

² В источниках называется Персидским Ираком

³ Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 55.

⁴ Средневековый город иранского Курдистана, между Хамаданом и Кенговером на пути из Хорасана в Багдад

навстречу и после встречи шёл пешком впереди его коня. В этих словах Текеш заподозрил обман и вместо себя отправил отряд, который и напал на сопроводительный отряд визиря¹.

Хорезшах Ала ад-Дин Текеш скончался 3 июля 1200 г., а его сын Мухаммад (1200-1220) вступил на престол 3 августа. Задержка вступления на престол Мухаммада была вызвана его соперничеством с сыном его брата Мелик-шаха Хинду-ханом, за права которого выступили гурцы, которым удалось овладеть некоторыми городами Хорасана². Рашид ад-Дин отмечает, что Мухаммад был посажен на престол после выполнения обряда оплакивания. Мухаммад, носивший до этого прозвище Кутб ад-Дин, принял титул своего отца Ала ад-Дин (Возвышение веры)³. При этом вступление на престол Мухаммада происходило при стечении жителей Гурганджа и в присутствии вельмож и эмиров государства⁴.

Вступление на престол последнего Хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны произошло в скромной обстановке. Это было связано с нашествием монголов, когда Мухаммад Хорезмшах, бежав от них, укрылся на одном из островов Каспийского моря. До этого Мухаммад Хорезмшах благодаря вмешательству своей матери Туркен-хатун, минуя двух старших сыновей – Джалал ад-Дина Манкбурны и Рукн ад-Дина Гурсанджити, назначил наследником престола третьего сына, Кутб ад-Дина Узлаг-шаха, мать которого происходила из того же племени, что и Туркен-хатун.⁵ После того, как на острове усилилась болезнь Мухаммада Хорезмшаха и он узнал, что его мать попала в плен к монголам, шах вызвал трёх сыновей – Джалал ад-Дина Манкбурны, Узлаг-шаха и Ак-шаха, назначил Джалал ад-Дина наследником престола и обратился к сыновьям с наставлением, чтобы они были послушны и

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I, книга вторая. С. 101-102.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 413.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I, книга вторая. С. 138.

⁴ Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 62.

⁵ Там же. С. 129.

верны Джалал ад-Дину. По словам ан-Насави, на пояс Джалал ад-Дина Мухаммад Хорезмшах собственноручно повесил свой меч¹.

Джалал ад-Дин стал единственным независимым правителем из династии Хорезмшахов, власть которого была признана халифатом. Подобно своему отцу и деду, Джалал ад-Дин был во враждебных отношениях с халифом. После нескольких обменов посольствами халиф аз-Захир (1225-1226) согласился признать власть Джалал ад-Дина и отправил ему с послами почётные одежды. Но когда послы прибыли к Джалал ад-Дину, пришла весть о смерти халифа аз-Захира, и поэтому почётные одежды были возвращены в Багдад.² Новый халиф Мустансир (1226-1242) согласился признать власть Джалал ад-Дина с условием, что он не будет требовать подчинения себе правителей Мосула, Ирбила, Джибалия и Шихаб ад-Дина Сулейман-шаха - правителя туркмен, а будет считать эти владения владениями халифа. Также халиф требовал восстановления упоминания имени халифа Багдада во время пятничных молитв во всех владениях Джалал ад-Дина³. Джалал ад-Дин согласился на все условия, предъявленные халифом, и отдал приказ о том, чтобы во всех его владениях во время пятничной молитвы упоминали имя халифа Мустансира⁴.

После того, как Джалал ад-Дин согласился на все требования халифа, халиф вручил его послу в Багдаде верительную грамоту на имя Джалал ад-Дина и сопровождал его двумя своими послами – Фалак ад-Дином ибн Сункур ат-Тавилом («Длинный») и Саъд ад-Дином ибн ал-Хасаном ал-Хаджибом. С послами были отправлены подарки. Послы халифа были приняты Джалал ад-Дином в Хилате, когда он был занят его осадой. По словам ан-Насави, в день приёма послов халифа Фалак ад-Дин на коне проехал через коридор, и в это время играли на трубах. Другой посол, Хасан ал-Хаджиб, служил ему в качестве хаджиба, следуя этикету⁵.

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 100.

² Там же. С. 218.

³ Мухаммад Хорезмшах своё время отдал приказ не упоминать имени халифа во время пятничных молитвах

⁴ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 235.

⁵ Там же. С. 237-238.

Ан-Насави подробно перечисляет прибывшие дары, состоявшие из следующих вещей:

«1. Два набора почётных одежд для султана. Один из них включал джуббу, чалму и индийский меч с разукрашенной перевязью. Другой состоял из кафтана (кабаъ), шапки (кумма), верхнего платья (фарджнйа), караджульского меча, украшенного золотом, с поясом, сплошь украшенным динарами, и драгоценным, богато унизанным ожерельем.

2. Два скакуна со сбруей, седлами и бунчуками, самыми красивыми, какие бывают, и восемь подков, прибитых к их копытам во время их передачи, весом каждая в сто динаров.

3. Золотой щит, инкрустированный редкими самоцветами: всего там был сорок один камень – двадцать яхонтов, двадцать бадахшанов и один большой камень бирюзы.

4. Тридцать коней – арабских скакунов, которые были покрыты попонами из византийского атласа, подбитыми атласом багдадским. Все лошади имели шёлковые поводья, и на каждой было нанизано по шестьдесят халифских динаров.

5. Тридцать или двадцать мамлюков, вооружённых, на своих конях.

6. Десять гепардов с атласными накидками и золотыми ожерельями.

7. Десять соколов, увенчанных колпачками с маленькими жемчужинами.

8. Сто пятьдесят свертков (бокча), в каждом из которых было по десять комплектов платья.

9. Пять шаров из серой амбры, оправленных золотом.

10. Дерево алоэ (уд), длиной в пять или шесть локтей, которое переносили двое мужчин.

11. Четырнадцать почётных даров для ханов. Все они состояли из коней со сбруей и бунчуком, золотых подпруг и тифлисских застёжек (какбабиш ат-тифлисия).

12. Тридцать комплектов одежды для эмиров: каждый комплект состоял только из кафтана и шапки. Набор одежды для Шараф ал-Мулька состоял из

чёрной чалмы, кафтана, фарджийи, индийского меча, двух шаров амбры, пятидесяти рубашек и мулицы.

13. Двадцать комплектов одежды для чинов (султанского) дивана. Каждый комплект состоял из джуббы и чалмы»¹.

Во время приёма посла халифа список перечисленных даров и кому они были предназначены, был прочитан личным секретарём Джалал ад-Дина Шихаб ад-Дином ан-Насави. По словам ан-Насави, посол халифа хотел, чтобы султан посетил шатёр, где находились привезённые дары, и там облачился в почётные одеяния. Но Джалал ад-Дин приказал, чтобы поставили шатёр близ султанской сокровищницы, куда и перенесли одежды. В течение дня Джалал ад-Дин дважды подъезжал к шатру и облачился в обе почётные одежды, а после него их стали надевать и остальные².

Изученные материалы показывают, что традиция возведения на престол нового правителя в целом сохранял преемственность. Хотя после завоевания Хорасана и Мавераннахра арабами помпезные церемонии возведения на престол правителя утратила своё значение, в IX-X вв. пришедшие к власти местные династии вновь восстановили старинные обычаи и манеры этого церемониала. Даже была восстановлена легитимация власти путём связывания генеологии с древнеиранскими царями. Таким образом, проведение церемонии возведения на престол, прежде всего имело политический характер. Местные дворы получали религиозную и политическую легитимизацию своей власти путём признания халифом Багдада. Церемония возведения на престол нового правителя проводилась после завершения обряда оплакивания умершего правителя. Во время церемонии возведения на престол новому правителю присягали войска, а также вельможи.

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 238-239.

² Там же. С. 239.

§2. Церемония вступления в должность высших государственных чиновников

В рассматриваемый период истории назначение высших чинов при дворах правителей также сопровождалось роскошью. Обязательным считалось облачение в почётные одежды. Эти и другие элементы церемонии назначения высших государственных чиновников местными дворами были заимствованы ими у аббасидских халифов. Например, во время назначения визиря халифата халиф давал назначаемому визирю облачение придворного, кафтан (каба), меч и чёрную головную повязку (имама)¹. В гардеробной аббасидских халифов хранились трёх степеней почётные одежды. Самая почётная одежда стоила 300 динаров, средняя – 100, низшая – 30². При местных дворах Мавераннахра и Хорасана ответственный за гардеробным двора носил титул «джомадор»³. На торжественный акт назначения визира за будущим визирем следовала целая процессия придворных, военачальников, чиновников, которые по завершении церемонии сопровождали его и на обратном пути. Возвратившись к себе, визирь обычно принимал поздравления от вельмож и военачальников. Халиф посылал ему деньги, одежды, благовония, яства, напитки и лёд⁴.

При аббасидских халифах образовалась династия визирей. Сан визиря воспринимался как нечто наследственное. Например, род Хакан в течение 70 лет, а род Бану-л-Фурат – в течение 50 лет дали Аббасидам по четыре визиря⁵. То же самое мы наблюдаем и при Саманидах в Мавераннахре.

Чиновников двора назначали исключительно из лиц аристократического происхождения. Например, историк Муборакшах в своём трактате пишет: «Других, чьи отцы, и деды, и предки не были из числа людей пера и не служили у падишахов и эмиров, тоже нельзя допускать к службе в диване»⁶.

¹ Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 80-81; об дарение одежд назначенному чиновнику при дворе Аббасидов и при дворе Газневидов также смотрите: Анварй Х. Истилохоти девонии даврай Ғазнавй ва Салчукй. С. 35-37.

² Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. С. 69.

³ Анварй Х. Истилохоти девонии даврай Ғазнавй ва Салчукй. С.26.

⁴ Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 81.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 89.

Особенно серьёзно относились в выборе визиря. По словам того же Муборакшаха, назначаемый визирь должен был иметь следующие положительные качества: «Чтобы они происходили из династии визирей или из династии, имевшей известность и связи с правителями. Они непременно должны быть высоконравственными, не боящимися риска, приятными на вид, достаточно высокого роста, изящно одетыми, безупречной веры, с приятным характером, обходительными, щедрыми, уверенными в суждениях, сладкоречивыми, осторожными в делах, правдивыми в общении, с развитым тактом; в делах государства они должны быть проницательными и решительными, мужественными, отважными; проявлять твёрдость, обходительность, покорность властителю, великодушные; визиря должны быть не мстительными, милосердными, весёлыми, миротворцами, богобоязненными, опытными советчиками...»¹.

При дворе Саманидов вторым лицом в государстве после эмира, считался визирь. Его назначал сам эмир в день своего восшествия на престол. Власть визиря зависела от власти эмира, то есть после его смерти или отставки визирь тоже терял свою власть. Это не значит, что саманидские правители в период своего правления пользовались услугами только одного визиря. Во время правления некоторых Саманидов визирь менялся несколько раз. Например, в период правления Абдалмалика (954-961) за короткий срок, с 954 по 959 гг., должность визиря 4 раза переходила из рук в руки².

Некоторые саманидские эмиры были возведены на престол в очень юном возрасте. В таком случае обязанности регента до достижения правителем совершеннолетия исполнял визирь. По сообщениям Гардизи, в день церемонии восшествия на престол эмира Насра ибн Ахмада (914-943), ему было 8 лет. Вся полнота власти находилась в руках визиря Абу Абдаллаха Джайхони³. Тот же Гардизи представляет Джайхони как реформатора и знатока придворного этикета. Согласно словам Гардизи при Джайхони многие дворцовые

¹ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 93.

² Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. книга- 2-я. С. 55.

³ Гардези А. Зайн-ул-ахбор. С. 330.

церемонии и традиции, существовавшие в Византии, Хиндустане, Китае, Ираке, Сирии, Египте, Кабулистане, Синде и Аравии, были заимствованы у них саманидским двором¹.

Многие источники связывают порядок назначения визиров с восшествием на престол саманидского эмира. Новый эмир на другой день после восшествия на престол приступал к формированию своего двора. Например, по сообщениям источников, саманидский эмир Нух ибн Наср (943-954), воссев на престол, назначил визирем Абулфазла Мухаммада ибни Ахмада Хакима по прозвищу «Хокими Джалил»². Таким же образом источники сообщают о назначении и других визирей Саманидов, но о проведении специальной церемонии умалчивают. Скорее всего, при дворе Саманидов проводилась церемония назначения визиря, но изученные нами источники относятся в основном к периоду Газневидов, и поэтому они ограничиваются только сообщением года назначения. Наршахи, живший во времена правления Саманидов, тоже умалчивает об этом. Как явствует из сообщения Утби, когда эмир Мансур ибн Нух (961-976) назначил Абулхусайна Утби на должность визиря, то последним ему был подарен раб по имени Абулаббас Таш. Таш при дворе Саманидов был в чине хаджиба³. Хотя о проведении церемониала Утби умалчивает, но при Газневидах в день церемонии назначения визиря одному из его гулямов давали чин придворного хаджиба.

Несколько позже, при дворе Газневидов, все обстояло по-другому. Здесь назначение визиря и других государственных чиновников было обставлено весьма помпезно. Например, о том, как было обставлено назначение визиря Абулкасима Ахмеда ибн Хасана по прозвищу Майманди, мы узнаем со слов Утби. Историк Утби сообщает, что назначение Ахмеда ибн Хасана визирем прошло в торжественной обстановке с приглашением именитых людей Хорасана, вельмож, свиты и придворных. Пришедшие вельможи и придворная

¹ Гардезй А. Зайн-ул-ахбор. С. 330.

² Там же. С. 339; Наршахи А. Таърихи Бухоро. Душанбе. 1979. С. 82; Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Чилди XI. С. 4948.

³ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 40-41.

знать принесли Ахмеду ибн Хасану многочисленные дары. Султан Махмуд лично одарил Ахмеда ибн Хасана халатом визиря¹.

Однако визирь Ахмед ибн Хасан вскоре был отстранен от должности тем же Махмудом Газневи и заключен в крепость в 1021г.² По словам Ибн ал-Асира, визирь Ахмед ибн Хасан был обвинен султаном Махмудом в коррупции, и его имущество в размере 5 млн. дирхемов было конфисковано в пользу двора³.

После того, как Хасан ибн Ахмад был отстранён от должности визиря, султан Махмуд приказал своим сановникам составить список претендентов на эту вакантную должность. Сановниками был составлен список из нескольких высокопоставленных придворных, где значилось и имя Хасанака Микоили. Выбор султана Махмуда пал на Хасанака Микоили. Хасанак Микоили оставался на этой должности даже в период правления сына Махмуда Мухаммада⁴.

По информации Бейхаки, Гардизи, а также Ибн ал-Асира, султан Масъуд вскоре после своей коронации в Нишабуре в 1030 г. прибыл в Балх и первым делом занялся формированием состава своего двора. Его выбор пал на опального визиря Ахмеда ибн Хасана, который находился в заключении. По приказу Масъуда Ахмед ибн Хасан был освобожден из заключения и доставлен в Балх⁵. По свидетельству Бейхаки, Ахмед ибн Хасан, ссылаясь на свой преклонный возраст, отказался занять должность визиря. Однако султан Масъуд упорно настаивал, чтобы именно он занял эту должность⁶. В конце концов Ахмед ибн Хасан согласился стать визирем при условии, что эмир Масъуд даст согласие на его условия службы и скрепит эти условия своей

¹ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 236-237.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 354; Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Цилди XIII. С. 5646.

³ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. С. 5646.

⁴ Хондамир. Дастур ал-вузаро. С. 142-143; Бейхаки А. История Масъуда. С. 330-331.

⁵ Гардезй А. Зайн-ул-ахбор. С. 424; Бейхаки А. История Масъуда. С. 155; Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Цилди XIII. С. 5646; Хондамир. Дастур ал-вузаро. С. 140; подробнее о назначениях Масъуда на государственные посты смотрите: Халили Х. Салтанати Ғазнавиён. С. 149.

⁶ Бейхаки А. История Масъуда. С. 156-157.

печатью.¹ По случаю назначения Ахмеда ибн Хасана визирем придворный поэт Фаррухии Систани сочинил стихотворение, где тоже свидетельствует о подписании соглашения между эмиром Масьудом и Ахмедом ибн Хасаном². Это было совершенно новым явлением в придворной жизни газневидского двора.

Историк Бейхаки подробно описывает церемонию подписания соглашения между Ахмедом ибн Хасаном и эмиром Масьудом. По его словам, Ахмед ибн Хасан пришёл на приём к эмиру Масьуду и после приёма пошёл в терем³ и остался там один. Дворцовые чиновники Бу Сахль и Бу Наср отнесли соглашение эмиру Масьуду, а он постатейно написав ответы, поставил свою печать. Затем соглашение было отнесено к Ахмеду ибн Хасану, и тот, прочитав ответы, встал и облобызал землю. После этого Ахмед ибн Хасан вошёл в приёмный зал эмира Масьуда и, подойдя к престолу, поцеловал его руку и, отступив назад, сел. Бу Сахль и Бу Наср представили Ахмеду ибн Хасану присяжную грамоту. Ахмед ибн Хасан громким голосом прочёл присяжную грамоту и подставил подпись. Эмир Масьуд обратился к Ахмеду ибн Хасану с наставлениями и велел, чтобы все явились завтра на церемонию его облачения в одеяние визиря⁴.

Как явствует из сообщения Бейхаки, церемония облачения в одеяния визиря состоялась на следующий день. В этот день, 5 февраля 1031 г. Ахмед ибн Хасан явился ко двору. Он шёл впереди, а за ним следовали сановники, вельможи, серхенги, представители династии и свита, все они сотворили обряд поклонения эмиру Масьуду. Эмиром Масьудом были сказаны следующие слова: «Надобно (тебе) надеть одеяние везиря, ибо у нас много дел впереди. (Все)м) надлежит знать, что ходжа наш – наместник во всем, что обращается на пользу (нашей державы). Его распоряжения и указания имеют силу во всех делах, и то, что он решит – неоспоримо». После этих слов Ахмед ибн Хасан,

¹ Бейхаки А. История Масьуда. С. 158.

² Девони хахим Фарухии Систонӣ. С. 304.

³ Терем-деревянный дом, также называют и плоскую кровлю.

⁴ Бейхаки А. История Масьуда. С. 159-160; он же: Таърихи Байхақӣ (на тадж. яз.). С. 202.

облобызав землю, сказал: «Слушаюсь и повинуюсь». Эмиром Масъудом был сделан знак старшему хаджибу Бильга-тегину, и тот, подойдя к Ахмеду ибн Хасану, взял его под руки и провёл в вещевую палату. По словам Бейхаки, Ахмед ибн Хасан оставался в вещевого палате до позднего утра. Это Бейхаки объясняет тем, что астрологами был определен счастливый час, когда он должен был выйти¹. Т.е., старинная обычая прислушиваться к предсказаниям астролога, которая также воспета и в мифических сказаниях Фирдоуси, существовало и при дворе Газневидов, а возможно и при других династиях рассматриваемого периода.

При выходе из вещевого палаты на Ахмеда ибн Хасана были надеты следующие одежды: белый кафтан, чалма из длинного полотнища, плащ весьма тонкой вышивки, большая цепь, пояс с всажеными в него сорокомискалевыми бирюзовыми камнями. Когда Ахмед ибн Хасан находился в вещевого палате, старший хаджиб Бильга-тегин всё это время сидел у его дверей. Когда визирь вышел, старший хаджиб встал, поздравил его и вручил ему один динар, платок и два больших бирюзовых камня, вправленных в перстень. От дверей вещевого палаты до престола Ахмеда ибн Хасана проводил старший хаджиб Бильга-тегин с двумя хаджибами и множеством чиновников среднего ранга. Они, соблюдая этикет, шли перед Ахмедом ибн Хасаном. В это время одному из гулямов Ахмеда ибн Хасана был присвоен чин хаджиба и подарен цветной кафтан. Как известно, хаджибы двора одевались в чёрную одежду. Бейхаки одаривание хаджиба Ахмеда ибн Хасана цветным кафтаном объясняет тем, что шествовать впереди визиря его хаджибу в чёрных одеждах запрещалось этикетом двора. Когда Ахмед ибн Хасан дошёл до середины палаты, он был встречен другими хаджибами, подведён к эмиру и посажен на подобающее место. Когда его приветствовал эмир Масъуд, он встал, облобызал землю и вручил Масъуду в качестве подарка жемчужное ожерелье. По словам Бейхаки, это ожерелье стоило десять

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 160-161; он же: Таърихи Байнакӣ (на тадж яз). С. 203-204.

тысяч динаров. Эмир Масъуд вручил Ахмеду ибн Хасану бирюзовый перстень, на камне которого было начертано его имя. Этот перстень был символом власти визиря. Ахмед ибн Хасан, приняв перстень, облобызал руку Масъуда и землю перед ним и удалился к себе домой¹.

Как явствует из слов Бейхаки, после окончания церемониала в дом новоназначенного визиря приходили гости – родичи султана, свита, придворные вельможи и т.д. с ценными подарками и поздравляли его. Визирь не имел права брать к себе принесенные подарки, и эти подарки посылались в казну султана².

Церемония назначения визирем Ахмеда ибн Абдассамада, который был назначен на этот пост в 1033 г., после смерти Ахмеда ибн Хасана, Бейхаки описывает в том же порядке. Согласно его описанию, Ахмед ибн Абдассамад также написал условия для отправления должности визиря, и эмир Масъуд дал письменное согласие. Церемония облачения в одеяния визиря прошла так же, как мы рассмотрели выше. Ахмед ибн Абдассамад также подарил эмиру жемчужное ожерелье, а эмир в свою очередь дал ему перстень, символизирующий власть визиря³.

Более поздние авторы умалчивают, как протекала церемония назначения глав диванов в Саманидском государстве. К данной теме несколько позже обратился Кей-Кавус. Он кратко описал церемонию назначения сахибдивана⁴ города Самарканда. Такого рода чиновники, по его словам, назначались визирем, в данном случае визирем Абулфазлом Балъами. В день назначения визирь выдавал чиновнику грамоту, а также халат. В день отъезда к месту назначения назначенный чиновник должен был явиться во дворец, чтобы отдать прощальный поклон визирю и отбыть с его позволения⁵.

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 161; он же: Таърихи Байҳақӣ (на тадж яз). С. 204-205.

² Бейхаки А. История Масъуда. С. 161 и 337; он же: Таърихи Байҳақӣ (на тадж яз). С. 205.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 337.

⁴ Сахибдиван - начальник дивана. Сахибдиван в каком-либо городе ведал всеми поступлениями, всей отчетностью и имел очень большой вес.

⁵ Кей-Кавус. Кабус-намэ. С. 226-227.

Назначение глав диванов при Газневидах также проводилось в торжественной обстановке. В день назначения в собрание дворца кандидат подходил к престолу эмира, эмир давал ему наставления касательно его новой должности, а потом повелевал, чтобы его отвели в вещевую палату. Назначенный чиновник, облобызав землю перед эмиром, направлялся в вещевую палату в сопровождении двух хаджибов. После облачения в одеяние он вновь должен был явиться перед эмиром и отвесить поклон. Выслушав еще раз наставления эмира, чиновник направлялся в диван визиря, а после этого – домой. В дом нового главы дивана приходили вельможи, представители династии и светские с подарками и поздравляли его. В таком же ключе Бейхаки описывает церемонию назначения Бу Сахля Завзани на должность мухтасиба и Бу Сахля Хамдеви на должность мушрифа¹.

Назначения чиновников более нижнего ранга, например, начальников диванов областей и др., проходили менее торжественно, чем назначения визирей. По словам Бейхаки, во время общего приема эмир вызывал назначаемого человека, тот выходил из рядов, эмир объявлял его назначение, и он, облобызав землю, снова становился в ряд².

В Багдадском халифате термином «хаджиб» обозначали важного придворного чина вроде камергера в Европейских дворах. Главный среди хаджибов носил арабский титул «хаджиб ал-худжаб» (хаджиб хаджибов) или персидский – «ходжиби бузург» (великий хаджиб)³. Современные историки полагают, что во время правления Саманидов должность главного хаджиба, ведавшего всеми делами двора, являлась одной из важных должностей в структуре государства. На эту должность Саманиды всегда назначали людей из среды тюрков-гулямов, до этого верно служивших двору. По свидетельству Низам ал-Мулька, гулямы при дворе Саманидов служили сначала как слуги, и год за годом, в соответствии с их умениями и талантами, повышался их чин до хейлбаша и хаджиба. После присвоения очередного чина гуляму выдавали

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 164-165; он же: Таърихи Байхақӣ (на тадж яз). С. 208-209.

² Бейхаки А. История Масъуда. С. 150-151.

³ История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1960. С. 247.

одежду, соответствующую присвоенному чину. Впервые год гулям служил пешим и ему выдавали одежду каба из хлапчатобумажной ткани¹. После года службы по предложению висак-баши хаджиб двора приказывал выдать гуляму лошадь с уздой, а также ремень. На третий год гуляму выдавали меч. В пятый год гуляму выдавали седло, узду со звёздами, булаву и одежду каба из полушёлковой материи. На шестой год гулям получал одежду анван². На седьмой год службы гулям получал палатку и отряд из трёх гулямов. В этом же году гуляму присваивался чин висак-баши и выдавался чёрный войлочный головной убор, расшитый серебром, и гянджийская каба. В последующие годы также выдавались украшения, увеличивалась численность отряда и присваивались высокие чины, пока гулям не становился хейл-баши, а затем хаджибом. В возрасте 37 лет гуляма могли назначить правителем области³.

Профессором Б.Н. Заходером изучен порядок присвоения чина гулямам при дворе Саманидов, который несколько отличается от сообщения Низам ал-Мулька. Так, на шестом году гуляму после выдачи одежды анван, присваивали чин кравчего и давали кубок как признак этого чина. На седьмой год гуляму присваивался чин ведающего гардеробом правителя, а чин висак-баши гулям получал не на седьмом, а на восьмом году службы, и ему выдавали чёрный войлочный убор, расшитый серебром, кабу из гянджийской ткани и выделяли под его командование не трёх, а одного гуляма — новобранца⁴.

Алп-тегин, Абулаббас Таш, Фаик, в прошлом гулямы, были назначены правителями и военачальниками Хорасана. Во время назначения военачальника Хорасана ему присваивали почетный титул, а также выдавали грамоту и почетный халат. Так, Абулхасану Симджури был присвоен титул «Носируддавла»⁵, а Абулаббасу Ташу – «Хисомуддавла»⁶. Грамота на

¹ Каба – верхняя одежда типа рубахи. Зинданидж – тип материи, получивший своё название от бухарского селения Занданэ.

² Более роскошная одежда.

³ Низам ал-Мулька. Сиасет-намэ. С. 110-111; о присвоение новых чинов дворцовым гулямам также смотрите: Негматов Н.Н. Государство Саманидов. С. 30-31; Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С. 99-100.

⁴ Заходер Б.Н. Примечания// Сиасет-намэ. С. 327.

⁵ Гардезий А. Зайн-ул-ахбор. С. 361.

⁶ Там же. С. 363.

управление Хорасаном, а также флаг, халат и почетный титул из Бухары иногда отправлялись через посла. Так, например, по сообщению Ибн ал-Асира, эмир Нух ибн Наср (943-953) в 952 г. отправил правителю Чаганиана через посла грамоту на управление Хорасаном, почетный халат и флаг¹. Вероятно, назначенный правитель Хорасана после получения символов власти, надев почетный халат, – один из символов власти правителя Хорасана, входил в Нишапур, – столицу Хорасана. Во всяком случае, по сообщению того же Ибн ал-Асира, когда другой саманидский эмир, Нух ибн Мансур (976-997), в 994 г. отправил грамоту на управление Хорасаном и почетный халат хаджибу Фаику – правителю Герата, тот надел почетный халат и отправился в Нишапура².

По сообщению Утби, когда правителем и военачальником Хорасана был назначен Абулаббас Таш, то вместе с ним в Хорасан был отправлен также и его чиновничий аппарат, – свита, духовенство, чиновники, которые также были назначены в Бухаре.³ Хотя Утби, а также другие авторы, умалчивают о проведении специальной церемонии, но при Газневидах вместе с назначенным правителем из Газны также отправлялась группа вельмож, которые перед отъездом должны были предстать перед султаном.

В сообщениях Наршахи тоже сохранилась этикет назначения чиновника. Он сообщает, что когда Исмаил Самани в 874 г. по просьбе бухарцев Насром I ибн Ахмадом (892) был послан правит Бухарою, он, придя в Кармине, отправил посла в Бухару и при его посредничестве была достигнута консенсус с Хусайном ибн Мухаммадом Хавариджи, который в это время взял власть в Бухаре, по которой Исмаил считался правителем Бухары, а Хусайн ибн Мухаммад его заместителем. На таких условиях Исмаил отправил к Хусайну ибн Ахмаду грамоту на должность заместителя вместе со знаменем и почетной одеждой. По словам Наршахи Хусайн ибн Мухаммад со знаменем и почетной одеждой посланный Исмаилом был обведен вокруг Бухары⁴.

¹ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Чилди XII. С. 5036.

² Там же. С. 5337.

³ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 46.

⁴ Наршахи А. Таърихи Бухоро. Душанбе. 2012. С. 145.

В Газневидском государстве должность старшего хаджиба также являлась одной из главных, и церемониал назначения на эту должность также проводился торжественно. Об этом церемониале можно судить по сообщениям Бейхаки о назначении хаджиба Бильга-тегина старшим хаджибом двора: «В воскресенье одиннадцатого числа месяца сафара старшему хаджибу пожаловали очень большие знаки отличия: литавру, широкие значки, манджук, гулямов, несметную сумму дирхемов, ткани некроенные и прочие предметы по тому же перечню, как давали хаджибу Али Карибу под Гурганом. Когда прием кончился, эмир приказал проводить его в вещевую палату. (На него) надели кафтан; литавру поставили возле верблюдов, а значки у ворот дворца. Манджук, гулямов, несметные дирхемы и сундуки с тканями разместили посередине сада. (Бильга-тегин) предстал пред лицо эмира в пожалованном черном кафтане, в двурогой шапке, (опоясанный) золотым поясом. Он отправился на хазру и исполнил обряд поклонения. Эмир ласково с ним поговорил, и он вышел и явился в диван ходжи. Ходжа сказал ему много любезных слов, и он поехал домой. Вельможи и знать весьма достойным образом воздали ему, что полагалось, и должность старшего хаджиба тоже закрепилась за этим сановником»¹.

Церемония жалования чина хаджиба проводилась менее торжественно, чем назначение главного хаджиба двора. Согласно словам Бейхаки, когда на эту должность был назначен Мингетерак, он был вызван ко двору. Прибыв во дворец, Мингетерак был посажен в уединенном месте, а перед Масъудом находились только два его приближенных – дабир Тахир и Бу Сахль Завзани. По повелению султана Масъуда Мингетерака провели в вещевую палату и облачили в одеяния хаджиба. После этого Мингетерак предстал перед эмиром в черном кафтане и в двурогой шапке. Султан поздравил его с вступлением в должность в чине хаджиба, а он, облобызав землю, удалился. По повелению

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 165; он же: Таърихи Байхақӣ (на тадж яз). С. 210.

султана Масьуда вельможи и служители двора отправились в дом Мингетерака для поздравления¹.

Церемониал в честь назначения подвластных правителей областей при газневидском дворе, согласно сообщениям Бейхаки, также проходил торжественно и имел много схожих черт с церемониалом назначения визиря. Но некоторые элементы отличались друг от друга. Например, для назначения правителя Рея, согласно сообщениям Бейхаки, Масьуд и его приближенные провели несколько мероприятий. Как известно, Масьуд, который находился в Исфагане, после получения информации о кончине своего отца прибыл в Рей, а оттуда хотел идти в Хорасан, где и должна была состояться его коронация. Также он должен был устранить своего брата Мухаммеда от власти. Поэтому ему надлежало назначить правителя в Рей, где до этого правил он сам².

По сообщению Бейхаки, во время прощального приема Масьуд оповестил рейскую знать о своем решении назначить Хасана ибн Сулеймана правителем Рея и спросил их мнения. Этот прием, согласно Бейхаки, проходил следующим образом: «На следующий день вышла большая толпа знати – сейиды, казии, имамы, факихи и старшины с множеством простого народа разного рода, подчиненного им. Эмир, да будет им доволен Аллах, приказал устроить торжественное шествие и обставить все попышней. У (царского) шатра стояло множество гулямов, и множество конных и пеших в поле, утопая в оружии. Открыли прием. Вельможи и войсковой старшина сидели перед (эмиром), а прочие стояли. Потом привели рейских вельмож, человек пятьдесят-шестьдесят, самих именитых. Эмир подал знак, чтобы всех усадили поодаль, и затем начал речь...»³. Масьуд в своей речи, кроме прочего, спросил мнение знати Рея касательно назначения правителем Рея Хасана ибн Сулеймана. Но присутствующие были в недоумении и не знали, что сказать. Потом хатиб города взял слово и попросил эмира, чтобы им дали время, и они сообщили ему свое мнение посредством кого-то из доверенных лиц эмира. Эмир

¹ Бейхаки А. История Масьуда. С. 78.

² Там же. С. 55-56.

³ Там же. С. 56.

согласился, и рейская знать была введена в большой шатер, где заседал дабир Тахир, которого Бейхаки называет самым вельможным сановником. Хатиб города, взяв слово, долго хвалил дом Газневидов, а потом сказал, что, кого бы эмир ни назначил правителем, они его примут и будут ему подчиняться. Окончив речь, хатиб повернулся к народу и спросил: «Речь, сказанная мною, ваше слово?». И все присутствующие подтвердили его слова¹.

Ответ рейских вельмож Тахир доставил Масъуду, и он был рад такому ответу. По его приказу казию, реису, хатибу, главе сейидов и старшине газиев были приготовлены халаты, для реиса, главы сейидов и казия золотые, а прочим – с позолотой. Тахир, вернувшись к рейской знати, сообщил повеление Масъуда, и упомянутых пять человек дворцовые служители отвели в вещевую палату и надели на них халаты. После этого они были представлены эмиру, который свою очередь сказал много любезных слов, а потом провожены в сопровождении мертебедаров² в город. В городе их горожане засыпали дирхемами и динарами³.

По сообщению Бейхаки, церемония назначения правителя Рея состоялась на следующий день. В этот день после окончания приема у эмира к нему пришла на поклон рейская знать, и посмотреть на это зрелище собрались более десяти тысяч мужчин и женщин. Знать была усажена в нимтерге⁴, а к эмиру был вызван Хасан ибн Сулейман. Эмир сделал Хасану ибн Сулейману много наставлений, а Хасан ибн Сулейман выразил готовность служить эмиру. После этого по приказу эмира Хасан ибн Сулейман был отведен в вещевую палату и облачен в одежду из румского (византийского) шелка, а также на него был надет золотой пояс. Надев одежду, Хасан ибн Сулейман вновь предстал перед лицом эмира и отвесил поклон, и, выслушав похвалы, удалился. Он пошел в шатер Тахира, туда была приглашена и рейская знать. Оттуда Хасан ибн Сулейман в дарованной одежде отправился в город с большим отрядом войска.

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 57-58.

² Мертебедары – «обладатели чина» -придворные чиновники среднего ранга.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 58-59.

⁴ Нимтерг – тент, навес для защиты от солнца и дождя.

Город был украшен, и народу бросали много денег. После этого Хасан ибн Сулейман был размещен во дворце, куда приходили горожане с подарками и поздравляли его¹.

Впрочем, в сообщениях Бейхаки описания церемонии назначения подвластного правителя отличаются друг от друга. Например, церемония назначения заместителя Хорезмшаха, по словам Бейхаки, проходила следующим образом: 22 апреля 1032 г. Харуна был проведен церемониал облачения в одеяния назначенного заместителем Хорезмшаха, и стоимость халата, подаренного ему, составляла всего половину стоимости халата, подаренного его отцу Хорезмшаху Алтунташу. После этого он пошел домой, и к нему приходили посетители с подарками и поздравлениями. Церемония принесения присяги была проведена на следующий день в присутствии знати и вельмож, и только после этого Харун явился к эмиру Масъуду и попросил его разрешения на отъезд².

Бейхаки описывает церемонию назначения наместника Ирака в другом порядке: «Во вторник, в шестой день месяца джумада-л-ухра, после приема, Бу Сахль Хамдеви надел халат, предстал (перед лицом государя), облобызал землю и поднес эмиру жемчужное ожерелье. Его усадили. «В добрый час!» - промолвил эмир и дал Бу Сахлю перстень с начертанным на нем именем султаном, сказал: «Сей перстень – владение Ирак, отдаю его в твои руки...» Бу Сахль ответил: «Слуга (твой) повинуется, будет стараться и молить Господа Бога, велик он и всемогущ, о помощи, дабы оправдать доверие». Он облобызал землю и отправился домой. Все вельможи отправились к нему и прекрасно воздали ему должное»³.

Когда сын султана Масъуда, Мавдуд, в 1031 г. был назначен правителем Балха, то, по сообщению Бейхаки, вместе с ним были назначены Масъудом также его визирь, старший хаджиб и военачальник. Всем им перед придворными Масъуда в день приема были вручены халаты. Получив халаты,

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 59-60.

² Там же. С. 320-321.

³ Там же. С. 351.

названные особы перед султаном Масъудом исполнили обряд поклонения, а затем удалились. Мавдуду были даны две слона, самец и самка, барабан, дабдаба и прочее¹.

Когда сын султана Масъуда, Мавдуд, после его назначения правителем Балха, должен был отбыть туда, то в Газне, на поле Баг-и Фирузи, уходящее с ним войско, а также вельможи и рабы прошли перед Масъудом. Об этом Бейхаки пишет так: «Сначала шла свита эмира Мавдуда: несли зонт и широкие значки, двести человек гулямов, все в латах, с короткими копьями, множество поводных коней и верблюдов-сорокоходов, пехота и его семьдесят человек дворцовых гулямов в полном вооружении. Вслед за ними – дворцовые гулямы, отряд в пятьдесят (человек), и человек двадцать серхенгов, их вожаков, хорошо снаряженных, с множеством поводных коней и верблюдов, а след за ними вооруженные серхенги».² По словам того же Бейхаки, после смотра – парада по приказу Масъуда Мавдуд и его приближенные сели за стол, и, после того как поели, отвесили прощальный поклон и удалились³.

При дворе Караханидов, также как и при Саманидах, во время назначения на должность назначенного человека вводили в комнату, где хранились почетные одежды, и облачали в одежду, достойную его должности. Однажды таким образом Караханид Тамгач-хан Ибрахим (1025-1034) назначил одного разбойника своим палачом и пожаловал ему и его сыновьям почетные халаты. По приказу правителя разбойник, назначенный палачом, набрал отряд из 300 людей, занимавшихся воровством и разбоем. Правитель принял их к себе на службу и велел наградить их халатами. Их поочередно вводили в комнату, где хранились почетные одежды, а оттуда – в другую, где они все, один за другим, были схвачены и казнены⁴.

Не все правители областей при Газневидах назначались прямо из Газны с непосредственным участием в этой церемонии самого назначаемого человека.

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 579.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 375.

Вместо некоторых назначаемых правителей областей ко двору Газневидов приезжали их послы, чтобы получить от эмира грамоту и халат, которые выдавались назначенным правителям. Например, для получения грамоты для управления Исфаганом на имя Бу Джафара ибн Каку и халата из рук султана Масьуда приезжал его посол¹.

Другой пример: когда Газневиды после нескольких провальных походов против Сельджукидов согласились на назначение трех братьев правителями трех провинций в Хорасане, то, для принятия грамоты вместе с их общим послом по имени Сини, каждый из братьев направил в Нишапур к султану Масьуду своего посла. По свидетельству Бейхаки, Дауду был пожалован Дехистан, Тугралу – Ниса, а Ябгу – Феравы. Вместе с грамотами послам были переданы также стяги, халаты, двурогие шапки и прочие подарки², традиционно считавшие у ираноязычных народов символами власти. Сообщение Ибн ал-Асира также подтверждает о пожаловании сельджукидам Дехистана, Нисы и Феравы. Также Ибн ал-Асир сообщает, что Тугралу, Дауду и Ябгу Масьудом было пожаловано таджикский титул дихкана (феодал)³. Согласно сообщению Гардези достигнутое соглашение было скреплено клятвами и в этом приняли участие все предводители и военачальники Сельджукидов и обязались порукою⁴. В прочем сельджукидские предводители отнеслись пренебрежительно к грамоте и двурогим шапкам посланным Масьудом. Двурогие шапки были потоптаны ими⁵.

Сельджукиды тоже продолжали традицию Саманидов и Газневидов. Но степнякам не сразу удалось заимствовать слаженную традицию своих предшественников. Об этом свидетельствует сообщения Бейхаки о назначении Салара Бузгана Тугралом правителем Нишапура. Салари Бузган до этого руководив процессом передачи власти Сельджукидам и встретив с почестями

¹ Бейхаки А. История Масьуда. С. 54.

² Там же. С. 435.

³ Извлечения из «ал-Камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира //Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 368.

⁴ Извлечения из «Зейн ал-ахбар» Гардизи //Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1. С. 232.

⁵ Муллоджанов С. Тарих-и Масуди Абулфазла Байхаки о Дехистане//Очерки Истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе, 2010. С.24.

Туграла заслужил его доверия. После того как Туграл назначил Салари Бузган правителем Нишапура он надел халат, латы и кольчуги которые были сделаны им же за его счёт.¹ Это свидетельствует о том, что в этот период еще сельджукиды не придавали должного значения дворцовым церемониалам, а Салари Бузган, чтобы легитимировать свою власть должен был соблюдать традицию, но уже за свой счёт, а не за счёт двора, как это было раньше, сделать и надеть халат, один из почётных элементов назначенного правителя.

При дворе сельджукидов почётные одежды: шапки (кулах), золотая сбруя, пояса, инкрустированное драгоценными камнями оружие и т.д., которые выдавались в торжественном обстановке назначенному чиновнику, хранились в казне.² В Сельджукидском государстве тоже существовали династии визирей, которые вели между собой ожесточённую борьбу за право занять эту должность. В смутные времена сельджукидские султаны подчас не гнушались торговать должностью визиря. Например, историк Хондамир сообщает о том, что в 1118 г. должность визиря была куплена правителем Балха, эмиром Кумаджем для Мухаммада ибн Сулеймана³ за 1 млн. нишапурских динаров. В честь его назначения он был облачён в халат визиря и в его доме били в барабаны. Также в честь его назначения придворный поэт Муиззи сочинил поздравительные стихи, которые были прочитаны в этот день⁴.

Освобождение от должности при дворе Сельджукидов тоже было не просто. Так, Шараф ал-Мульк Муставфи, занимавший при Низам ал-Мульке должность главы дивана истифа⁵ (государственное казначейство), после убийства последнего и смерти султана Маликшаха захотел выйти в отставку.

¹ Извлечения из «Тарих-и Бейхаки» Абу-л-фазля Бейхаки// Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. С. 272.

² Агаджанов С.А. Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. С. 77.

³ Мухаммад ибн Сулейман прежде был торговцем и торговался в Туркистане, а впоследствии стал визирем правителя Балха

⁴ Хондамир. Дастур ал-вузаро. С. 191-192.

⁵ Подробно о диване истифа смотрите: Мусавӣ З. Шахсиятхо, гурӯҳҳои хоким дар асри Ғазнавиён бар мабноси «Таърихи Байхаки»//Кайҳони фарҳанги. №160, соли 16-ум. Баҳман, 1378. С. 55.

Он за своё освобождение от должности преподнёс новому султану сто тысяче динаров¹.

Комплект стандартных даров жалуемых правителем вассалу сельджукиды перенесли и в Малую Азию. Например, султан Сельджукидов Малой Азии Изз ад-Дин Кей-Кавус I, подтверждая клятвенной грамотой наследственные права Кир-Алексиса на Трапезундское царство, жалует ему халат, шапку и коня².

Визирь Хорезмшахов, как правило, принадлежали к арабо-персидской служилой чиновной среде. Решающее значение в выборе визира имели владение арабским и персидским языками, административные способности, знание правил придворного этикета, а не родовая принадлежность³. Визирь Хорезмшахов имели титулы садр, дастур, ходжайи бузург, их должностными знаками были чернильница и чалма из определённого сукна⁴.

При дворе Хорезмшахов назначенному чиновнику также выдавали почётные одежды. Например, историк ан-Насави сообщает о том, что когда Мухаммад Хорезмшах назначил кадием Нишапура человека по имени Садр ад-Дин ал-Дженди, то последний был награждён почётной одеждой вместе с полным убранством для коня. Тот же ан-Насави сообщает, что когда Садр ад-Дин ал-Дженди был отстранён от должности кадия Нишапура, то, по приказу Мухаммада Хорезмшаха, пожалованная почётная одежда была отнята у него и пожалована вновь назначенному кадию Нишапура⁵.

Назначенному чиновнику, особенно подвластному правителю Хорезмшахи, как и сельджукиды вместе с почётными одеждами также выдавали коня с полным убранством. Например, когда правитель Арзан ар-Рума – Рукн ад-Дин Джахан-шах прибыл ко двору Джалал ад-Дина с изъявлением покорности, ему и его приближённым было пожаловано двести

¹ Аббос Иқбол. Вазорат дар аҳди салотини бузурги Салчуқӣ. С.55.

² Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. С.82.

³ Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 94.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 74.

почётных одежд, а также восемнадцать лошадей со сбруей, седлом и бунчуком¹.

Как видно из изложенного материала, одной из особенностей проведения церемониала назначения высших государственных чинов считалось также облачение нового чиновника в почётные одежды. Причём стоимость выдаваемой одежды зависела от степени важности самого чина. Исследование показывает, что если до прихода к власти сельджукидов при назначении подвластного правителя ему выдавалась грамота, халат, стяг и двурога шапка, то в период правления Сельджукидов подвластному правителю также выдавалось конь и убранство коня, что было свойственно тюркским племенам. Опираясь на отдельные источники, как Наршахи и Бейхаки можно предположить, что назначенного правителя области вместе с символами власти – стягом и почётными одеждами обводили вокруг города, тем самым показывали подданным легитимность его власти.

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 234.

§3. Порядок проведения смотра войск

Еще Геродот, описывая воинственный нрав скифов, сообщал, что раз в год каждый их правитель в своем округе готовил сосуд с вином, и пить из этого сосуда имели право только те скифы, которые смогли убить врага. Этим скифам подносили по два кубка вина, а те, которым не довелось еще убить врага, должны были сидеть в стороне как опозоренные¹. Этот ритуал с некоторыми изменениями продолжал существовать в Согде до прихода арабов. Например, ежегодно в Самарканде весной выставлялся стол и на нем – яства и кувшин вина для храбрейшего витязя Согда; если кто-либо прикасался к яствам, он этим вызывал на бой витязя года; тот, из них, кто убивал противника, признавался храбрейшим героем страны до появления следующего претендента².

Фирдоуси описывает порядок проведения военного парада киянидским царем Кей Хусравом. Согласно поэме, на рассвете придворные барабанщики стали бить в барабаны, тем самым оповещая о приближении смотра войск, а войска подходили к дворцу и выстраивались шеренга за шеренгой. Царь Кей Хусрав, выйдя из дворца, садился под балдахин на специально подготовленного слона для него, и, сидя на нем и остановившись недалеко от войска, принимал парад. Согласно Фирдоуси, каждый военачальник в отдельности вел своих подчиненных. При этом каждый род войск имел свое знамя, которое нес за военачальником знаменосец. Когда военачальник приближался к царю, он восхвалял царя, а затем, получив от царя наставления и восхваления, кланялся и, облобызав землю, продолжал свой путь³.

Безымянный автор «Истории Систана» сообщает о церемониале осыпания военных монетами с крыши дворца, который имел место при дворе Саффаридов. Данная церемония проходила следующим образом: «Тахир поднялся на крышу кушка Йаькуба, перед которым на площади у дворцовых

¹ Геродот. История в девяти книгах. Л.: 1972. С. 203.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 240; Улуғзода С. Ривояти Суғди. Душанбе: Ирфон, 1977. С. 34-44.

³ Фирдавси А. Шоҳнома. Ҷилди 3. С. 323-334.

ворот стояло в полном сборе войско. Привезли мешки с дирхемами и рассыпали их с крыши среди войска. И воины монеты собрали. Воины монеты забрали и удалились»¹. Данное мероприятие устраивали ради усмирения войск. Насколько была слаба центральная власть, настолько часто проводилась подобная церемония.

При Амре Саффариде (879-900) вошло в привычку инспектирование войск в торжественной обстановке накануне праздника Навруз. Об этом оповещали ударами в барабаны. В этот день военный инспектор, в должности которого согласно Гардизи, состоял Сахл ибн Хамадан Аризи, сидел на специально отведенном месте. Перед инспектором лежал мешок с деньгами. Помощник инспектора держал перед собой список воинов и по команде читал его. Первым вызывали на осмотр самого Амра ибн Лейса. Амр выходил из среды воинов и, приблизившись к инспектору, демонстрировал свои обмундирование, оружие и коня. Инспектор, выразив ему одобрение, давал 300 дирхемов. Амр клал их на голенища своих сапог и говорил: «Хвала Богу, позволившему мне верно служить повелителю правоверных и сделавшему меня достойным его милостей». После этого он садился на возвышение и наблюдал за происходящим. Таким же образом все воины проходили инспекцию и после этого получали жалование². Историк Ибн Халикан указывал на сходство этой церемонии с порядком смотра войск в сасанидском Иране, при Хосраве Ануширване³. Сообщается, что во время правления династии Саффаридов и Саманидов жалование войскам выплачивали каждые три месяца после предварительного осмотра⁴.

Аналогичные церемонии смотра войск проводились и во время правления Исмаила Самани (893-907). Сообщая об этом, Низам ал-Мульк пишет, что в 908 г., когда в горной области Гур и в Гарджистане произошло восстание под предводительством Бу-Билаля, правитель Герата Мухаммад Харсам известил

¹ Таърихи Систон («История Систана»). С. 250.

² Гардезй А. Зайн-ул-ахбор. С. 315

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 280.

⁴ Там же. С. 289.

об этом Исмаила и попросил у него помощи. Узнав об этом, Исмаил приказал своему хаджибу Зикру, чтобы тот отобрал пятьсот доблестных гулямов-тюрок, и командующим над ними назначил Бигиша. Тому же Бигишу велели выдать десять тысяч дирхемов, пятьсот кольчуг и столько же верблюдов. С этим войском хаджиб Зикр должен был явиться на завтра в местность Джуи-Мулиан, чтобы Исмаил осмотрел его перед отъездом, и воины прошли перед ним боевым строем¹. Такого рода церемония перед отправкой войск существовала и во время правления преемников Исмаила. Например, когда в области Рей произошло восстание, то эмир Нух ибн Мансур (943-954) направил туда войско под предводительством Таша. Как явствует из сообщения Низами Арузи Самарканди, в день отъезда из Бухары Таш развернул знамена, ударил в барабаны и выступил в путь².

О порядке проведения смотра войск еще более подробно сообщает военный педагог XIII в. Муборакшах. По его словам, первым следовало осмотреть левый фланг, затем центр, а затем – правый фланг. Во время проведения осмотра ариз³ должен был находиться на возвышенном месте, откуда удобно было обозревать войска. Во время осмотра каждого рода войск его предводитель должен был стоять впереди колонны. Когда проводился осмотр вооружения и коней, то солдаты должны были произносить имя Бога. Во время осмотра первой следовало осмотреть тяжелую кавалерию, затем легкую кавалерию, затем пехоту, получающую жалованье, и последним нужно было осмотреть резерв – пехотинцев, прибывших для оказания помощи. Во время осмотра составлялся список с упоминанием коней, наименования снаряжения и прочих принадлежностей. Предводители отрядов тоже проходили смотр, и у каждого из них должны были быть свои барабаны и знамена, которые тоже осматривали⁴. Лишь после проведения смотра

¹ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 218-219.

² Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. С. 43.

³ Ариз-начальник войскового дивана, в его ведении находился учёт личного состава Вооружённых сил, снабжение и выплата жалования.

⁴ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 169-170; о порядке проведения смотра войск также смотрите: Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С. 122-123.

военачальники должны были провести войска перед правителем и главнокомандующим. Правитель держал речь перед войском и восхвалял свою армию. Во время речи правитель называл численность войск, и Муборакшах отмечает, что правителю нужно было назвать цифру, в два-три раза превышающую реальную численность солдат. Муборакшах объясняет это тем, что и среди войска могли быть вражеские шпионы, которые доносили об этом враждебным государствам¹. Смотр войск проводился ещё и для того, чтобы правитель страны мог лично удостовериться в боеспособности и верности своего войска и военачальника².

Инспектирование войска перед отправкой на войну проводили также и эмиры Газны. Например, эмир Масъуд производил осмотр войск перед их отправкой на войну с Караханидом Али-тегином. Данный смотр происходил 3 июня 1032 г. По словам Бейхаки, Масъуд выехал верхом в поле для проведения смотра войск. Конница и пехотинцы со снаряжением численностью 15 тысяч человек проходили перед Масъудом до предзакатной молитвы. После этого Масъуд обратился военачальникам с наставлениями. Военачальники, ответив послушанием, сошли с коней, облобызали землю и отправились в путь³.

Такого рода мероприятия газневидский двор проводил и во время отправки военачальников в подвластные им дальние страны. Бейхаки описывает церемониал отправки военачальника Индии Ахмеда Йинал-тегина, который состоялся 17 августа 1031 г. По его словам, в тот день эмир Масъуд выехал из дворца на слоне и прибыл в поле под названием Шабехар для отправки войск в Индию. Слон Масъуда был остановлен напротив дуккана⁴. Военачальник Индии Ахмед Йинал-тегин, придя, поклонился эмиру и оставался перед ним. Мимо стали проходить войска. Вслед за войском

¹ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 170.

² Хусенов Ф. Порядок осмотра войск при дворе средневековых правителей (X-XI вв.)//Усмончон Гаффаров – устод, олим, адиб ва ходими чамъияти. Хучанд: Ношир, 2015. С. 523.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 309-310.

⁴ Дуккан – постройка с плоской кровлей, возвышающаяся над окружающим пространством; с кровли можно было обозревать прилегающую окрестность, производить смотр проходящим войскам, обращаться к собравшимся людям и т.п.

прошли сто тридцать гулямов, которые были освобождены Масъудом и переданы под командование Ахмеду Йинал-тегину. Вместе с этими гулямами прошли и три дворцовых гуляма, которые тоже были переданы Ахмеду Йинал-тегину. Эти три дворцовых гуляма имели по значку со львом и дротиком. За ними пронесли литавры и знамя Ахмеда Йинал-тегина, манджук¹, провели семьдесят пять гулямов и много лошадей и верблюдов. После этого, согласно Бейхаки, эмир Масъуд сказал несколько слов касательно службы в Индии, а Ахмед Йинал-тегин, сказав, что исполнит все необходимое, поклонился, и ему выкликнули, как пишет Бейхаки, «коня салара Хиндустана». Затем Ахмед сел на коня и уехал².

В другом месте тот же Бейхаки сообщает о проведении церемониала отправки в Индию другого военачальника по имени Тилак, который был назначен на этот пост после Ахмеда Йинал-тегина в 1033 г. Тилак был гулямом-индусом, в прошлом работавший как переводчик в диване дабира³. Согласно словам Бейхаки, после назначения военачальником Индии Тилак по приказу эмира Масъуда был облачен в драгоценный халат со значком и получил литавры⁴. Церемонию отправки и прохождения войск мимо эмира Бейхаки описывает следующим образом: «...Тилак в полной готовности явился в (сад) Баг-и Пирузи и эмир выехал для того, чтобы мимо него прошло индийское войско, много конных и пеших в полном вооружении, а (также) дворцовая конница, которая была назначена (пойти) с ним – отряд хорошо снаряженных. Салар сошел с коня, облобызал землю и опять сел верхом. Коня ему выкликнули как салару индийцев»⁵.

В другом месте Бейхаки описывает порядок осмотра индийского войска после их прибытия из Индии. По его словам, эмир Масъуд стоял на высоком постаменте и мимо него прошли строем кавалерия и пехотинцы индийского

¹ Манджук – золочёный или медный полумесяц на острие древка знамени. Знак власти важного военачальника

² Бейхаки А. История Масъуда. С. 259.

³ Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С. 98.

⁴ Бейхаки А. История Масъуда. С. 365.

⁵ Там же. С. 365.

войска. Вслед за войском прошли также пятьдесят слонов, которые были получены в Мекране в качестве хараджа¹.

Газневиды отправляли войска не только в Индию, но и в другие дальние края своего государства. Например, о церемониале смотра войск перед отправкой в Ирак, состоявшемся 25 сентября 1031 г., Бейхаки сообщает следующее: «Поздним утром раздался бой литавр и барабанов и звук рогов; то сегодня Ташферраш уходил в Хорасан и Ирак дорогой через Буст. Сначала появился джамедар Ярук-Тугмиш, снаряженный, с изрядной толпой сопровождающих. Люди его прошли мимо, а он отвесил (султану) поклон и остановился, вслед за ним серхенг-махмудовец, (награжденный) тремя золотыми поясами и семью серебряными, в полном вооружении. За ними следовали Говхараин, казначей сего государя, который возвысил мервца и поставил высоко, и несколько хаджибов и серхенгов² нашего государя с хейлями³. Хейли следовали мимо, а начальники останавливались. Затем прибыл сипахсалар Таш с литаврой и знаменем, хорошо вооруженный и снаряженный, с полутора сотнями гулямов и сотней султанских гулямов, коих отпустили на волю и препоручили ему. Таш сошел наземь и совершил обряд поклонения. Эмир приказал посадить его (снова) верхом; выкликнули коня сипахсалара Ирака. Ему поднесли вина, а также предводителям, коих назначили с ним»⁴. После этого, согласно Бейхаки, эмир Масъуд, обратившись к Ташу, дал ему наставления касательно службы, и он, ответив покорностью, вместе с серхенгами облобызает землю и, получив позволение на отъезд, сев верхом, уехал⁵.

Как явствует из сообщений того же Бейхаки, во время инспектирования правителем военизированных округов, его встречали с большими почестями и демонстрировали боеспособность войск. Бейхаки описывает случай приема эмира Масъуда хорасанским военачальником Гази. Тогда Масъуд в 1030 г.

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 437.

² Серхенг – командир конного отряда.

³ Хейл – дружина; конный отряд, не превышавший, по-видимому, 100 человек.

⁴ Бейхаки А. История Масъуда. С. 268.

⁵ Там же. С. 268.

проездом из Исфагана в Нишапур осмотрел войска Хорасана, расположенные в округе Бейхак, хорасанский сипахсалар Гази с большим войском, как следовало выехал для торжественной встречи, все украсил и приготовил. Эмир стоял на холме, Гази выступил вперед и троекратно облобызал землю. Эмир приказал оказать ему честь, и его поддерживали под руки, пока он всходил на холм. Он поцеловал стремя эмира. Эмир сказал: «То, что лежало на тебе, ты совершил, то, что лежит на нас, сделаем мы. Сегодня мы жалуем тебя сипахсаларом, а когда здоровы и невредимый прибудем в Нишабур, ты будешь награжден достойным халатом». Гази еще три раза облобызал землю, и сипахдары (громким голосом) вызвали коня сипахсалара и посадили (его) верхом»¹. Далее Бейхаки пишет, что Гази, расположившись подальше от эмира Масьуда, при посредничестве своих накибов² приказал войску приготовиться к смотру и пройти мимо эмира. Смотр войск, согласно описанию Бейхаки, прошел следующим образом: «Раздался барабанный бой, звуки труб и громкий клич воинов. Сначала многочисленные коноводы вели (заводных коней) с полным вооружением, в конских боевых доспехах, (за ними) шли гулямы в снаряжении, со значками и короткими копьями, собственный хейль (эмира) из множества конных и пеших, а вслед за ними, один за другим, хейли серхенгов, весьма хорошие и сполна вооруженные. Хейль за хейлем проходил мимо, а серхенги лобызали землю и останавливались. Покуда не прошли все, заняло время от позднего утра до пополуденной молитвы. Потом эмир милостиво обратился к сипахсалару Гази и серхенгам, сказал им любезные слова и спустился с холма»³.

В том же государстве Газневидов существовало строгое правило раздела военной добычи. При этом соблюдались каноны ислама. По устоявшемуся правилу пятая часть добычи доставлялась в казну правителя. Оставшееся распределялось между воинами. Раздачей военной добычи занимался сам

¹ Бейхаки А. История Масьуда. С. 68-69.

² Накиб – «предводитель» - здесь в значении «командир военной части».

³ Бейхаки А. История Масьуда. С. 69.

правитель¹. По правилу кавалеристы получали два раза больше чем пехотинцы². Поэт Фаррухии Систани в одной из газелей описал раздел военной добычи самим Махмудом Газневи. Согласно Фаррухи, Махмуд раздавал добычу воинам, сидя на шатре, а перед его шатром в почетный караул были выстроены боевые слоны³. В другом стихотворении тот же Фаррухи пишет, что Махмуд раздавал военную добычу, сидя на террасе своего дворца⁴.

Для подбадривания солдат и их командиров газневидские султаны во время пиршеств периодически одаривали придворных и военачальников подарками и наличными деньгами. В другом месте поэт Фаррухии Систани сообщает, что во время пиршеств Махмуд Газневи одаривал своих военачальников дорогими халатами, а некоторых – даже доходами с определенного рудника⁵. Муборакшах, говоря о пользе такого одаривания военных, пишет: «Ему (царю) следует оказывать почести и одаривать наградами, лошадьми, оружием, давать пропитание и подбадривать словами, чтобы других (воинов) заинтересовать в службе и исполнении приказов»⁶.

Тюркским племенам в качестве знака созыва войск служила стрела лука. Например, согласно сообщению Мухаммада ибн Наджиба Бекрана, когда Махмуд Газневи принял предводителя Сельджукидов Исраила, он спросил его о том, что в случае нужды, сколько и по какому условному знаку прибудить к нему войска от них. В ответ Исраилом было сказано, что если Махмуд пошлёт одну стрелу, как условный знак к его племени прибудет 100 000 всадников. Дав Махмуду другую стрелу сказал, что если он пошлёт её в горы Балхан, то на помощь прибудет 50 000 всадников, а если отправит лука в Туркестан, то

¹ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 238; Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С. 125.

² Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С. 125.

³ Девони ҳақим Фарухии Систонӣ. С. 226.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Там же. С.57.

⁶ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 266.

прибить до 200 000 всадников¹. Похожее сообщение сохранилась и в труде Захаруддина Нишапури².

Хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны перед уходом в поход отправлял своим военачальникам красные стрелы. Красная стрела была знаком готовности и, получив стрелу, военачальники должны были со своими отрядами собраться в назначенном месте. Например, согласно сообщению ан-Насави, Джалал ад-Дин в 1229 г. решил выступить против правителей Сирии и ар-Рума, и именно таким образом собрал свои войска. Также, согласно этикету, во время похода каждый день предводители войск должны были собираться у дверей султана, ожидая его приказа³.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что войсковой смотр проводился правителем по установившимся правилам, которые передавались из поколения в поколение. В IX-X вв. местными дворами была возрождена древняя традиция смотра войск. По завершении смотра войск воины получали жалованье. Знамя и барабан служили символами для военачальников, которых также осматривали во время смотра. Смотр войск в рассматриваемый период проводился в определённом месте. Например, Саманиды проводили смотр войск в Джуи-Мулиане, а Газневиды в Баги Фирузи и Шабехар. По установленной традиции, по окончании смотра правитель произносил тронную речь перед войском.

Церемонии возведения на престол, назначения высших государственных чинов, а также смотр войск имели в высшей степени политический характер. В рассматриваемую эпоху отмеченные церемонии являлись частью системы государственного управления.

В рассматриваемый период местные дворы, с тем чтобы придать религиозную и политическую легитимность своей власти, признавали верховенство Багдада. Власть правителей Мавераннахра и Хорасана обретала

¹ Извлечения из «Джехан-намэ» Мухаммеда ибн Наджиба Бекрана //Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 351.

² Нишопурй З. Салчукнома. С. 13.

³ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 255.

официальный характер лишь после того, как халиф Багдада признавал их и отправлял грамоту с флагом и корону. Местные дворы, с тем чтобы получить полное одобрение населения, согласно традиции, связывали свою генеалогию с древнеиранскими династиями.

В день церемониала возведения на престол новый правитель по традиции одаривал придворных, а также военачальников драгоценными подарками, а в некоторых случаях присваивал им высокие чины. В период правления династии Хорезмшахов в этот день устраивали пышные приёмы, где придворные поэты читали заранее сочинённые стихи, восхваляющие нового Хорезмшаха.

Церемония назначения на высшие государственные должности во многом была заимствована у двора Аббасидов Багдада. По этикету двора, в день церемонии придворный, получивший новый чин, облачался в почётную одежду соответствующую его чину.

ГЛАВА II
ЦЕРЕМОНИАЛ ПРИЁМОВ ПРИ ДВОРЕ ПРАВИТЕЛЯ
МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА

**§1. Порядок делового приема правителем дворцовых чиновников,
гостей, а также разбора жалоб подданных**

Приём правителя с древних времён проводился согласно этикету двора. Один из особенностей приёма правителя была то, что пришедшие на приём располагались согласно своему рангу. Например, при дворе Сасанидов служащие были разделены на три сословия. Во время приёма сасанидского правителя каждое сословие располагалось по отдельности. Первое сословие состояло из царевичей и представителей знатных родов. Это сословие располагалось на расстоянии десяти зирю¹ от занавеса. Второе сословие состояло из приближенных правителя, и они располагались на расстоянии десяти зирю от первого сословия. Третье сословие состояло из остроумных людей и рассказчиков. Музыканты, певцы, надимы также были разделены по этим три сословиям, и их первая группа, состоявшая из певцов первой степени, была приравнена к первому сословию двора. Вторая группа, состоявшая из придворных музыкантов, была приравнена ко второму сословию. Музыканты, которые играли на чангах и танбурах, были приравнены к третьему сословию².

Согласно письменным источникам, среднеазиатские монархи, восседая на троне, в установленное время принимали придворных на поклон. Прием, как правило, происходил помпезно, с большой роскошью и определёнными церемониями. Наршахи пишет, что еще до воцарения ислама царица Бухары установила правила, согласно которым она каждый день выезжала за крепостную стену Бухары и останавливалась у ворот Регистана. Она садилась

¹ Зирю – мера длины от локтей рук до кончиков пальцев.

² Орёнур А. Рӯзгори Борбади Ромишгар. С. 15-16.

на трон, а перед ней стояли в ряд рабы, придворные, а также придворные чиновники. Царицей было установлено также правило для сельского населения. Согласно этому правилу, каждый день к ней должны были являться на службу 200 молодых людей из дехкан и из потомков царских родов. Эти молодые люди являлись опоясанными золотыми поясами, с саблями, привешенными к поясу, и становились в отдалении. Когда являлась царица, они становились в два ряда и приветствовали ее. Так с раннего утра и до позднего утра царица, восседая на троне, управляла государственными делами, а затем ее работа прерывалась завтраком. Вечером царица вновь таким же образом выезжала за крепостную стену и садилась на трон. Дехкане и потомки царских родов вновь становились перед ней в два ряда и продолжали стоять до заката солнца. После заката солнца царица вставала, садилась на лошадь и отправлялась домой, а те возвращались по домам в селения. На другой день приходили другие люди из другого племени и исполняли службу тем же порядком. В течение года каждому племени, таким образом, приходилось служить четыре дня¹. Данная информация свидетельствует о том, что Бухара располагала большим количеством деревень.

Приемы поклонов от знатных людей происходили и при владычестве арабов. Например, Наршахи сообщает, что в 782 г. после назначения халифом Багдада Махди (775-785) Абулаббаса ибн ал-Фазла (782-783) правителем Хорасана, по его прибытии в Мерв знатные люди, вельможи и военачальники из Бухары и Согда направились к нему на поклон².

Проведение приёмов правителями Хорасана и Мавераннахра во многом было похоже на проведение приёмов аббасидскими халифами. Как отмечает американский иранист Р. Фрай: «Провинциальные дворы копировали Багдад во многих аспектах и превращались в миниатюрное подражание столице халифата»³. Правители Хорасана и Мавераннахра во многом подражали

¹ Наршахи А. Таърихи Бухоро. Душанбе. 2012. С. 32-33.

² Там же. С. 73.

³ Фрай Р. Наследие Центральной Азии. С. 254.

халифам Багдада. Вначале обратимся к дворцовым приёмам аббасидских халифов.

Эмир, визирь и другие почётные лица двора, войдя к халифу, первыми приветствовали его. При приближении эмира или визиря к халифу тот протягивал для целования руку, покрытую рукавом. Рука халифа прикрывалась с тем, чтобы её не касались ртом или губами. По истечении времени от целования руки было отказано в пользу целования земли. Наследники престола, дети халифов, хашимиты, судьи, факихи, аскеты и чтецы Корана не целовали ни руку, ни землю, а ограничивались только приветствием. Более низкие сословия населения не допускались к целованию земли¹. Придворные во время приёма халифа должны были сосредоточить всё своё внимание на халифе. Придворные должны были стоять с того момента, как вошли, и до того, как уйти на соответствующем их сану месте². Также в присутствии халифа запрещалось называть человека по имени, если его имя совпадало с именем халифа³.

Согласно сообщению арабского историка Хилала ас-Саби, приём аббасидского халифа протекал следующим образом: «Когда случался день церемоний, хаджиб ал-худжаб присутствовал в парадном одеянии, (состоящем) из чёрного кафтана, который носят простолюдины, чёрной чалмы, меча и перевязи. Перед ним хаджибы с их помощниками – все они сидели в галерее за занавесом. Прибывали вазир, эмир войска и те, кому предписывалось участвовать в церемонии. Когда все были в сборе, хаджиб докладывал об этом халифу, и, если повелитель желал назначить общую аудиенцию, хадим харами расаили⁴ выходил и вызывал главного хаджиба; тот входил, доходил до центра (зала) и целовал землю, затем ему надлежало расставить людей по рангам. Потом он выходил и вызывал наследника престола, если он был (провозглашён) к этому времени, и сыновей халифа,

¹ Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. С. 33-34.

² Там же. С.35.

³ Там же. С.49.

⁴ Хадим харами расаили — слуга, чаще всего евнух, которому был разрешен вход в гарем и через которого осуществлялась связь гарема с внешним миром.

если они у него были. Затем входил вазир, а хаджибы шли перед ним, пока не достигали трона. Как только они достигали (трона), то отступали от него назад. Вазир, поцеловав землю перед халифом, подходил и, если повелитель оказывал ему честь, протянув ему руку, брал её, целовал и отступал, пятась, пока не останавливался справа в пяти локтях от трона. За ним входил главнокомандующий, целовал землю и останавливался слева от трона, за ним (становились) главы диванов и катибы. (Следом) вводили каъидов, перед которыми шли помощники хаджибов, которые расставляли их соответственно их званиям, и они выстраивались справа и слева на (заранее) предназначенных для них (местах). (Затем) провозглашали (появление) хашимитов и тех, кто носил даннийу¹ и усердно предавался молитвам. Они подходили к краю ковра, приветствовали (повелителя) и становились обособленной (группой), затем звали судей. Сначала шли куда ал-кудат, или главные судьи столицы. После этого разрешалось войти всем остальным. Входили воины и выстраивались в два ряда между двумя канатами, натянутыми в зале приёмов. А натянуты они (были) с той целью, чтобы воспрепятствовать толчее, тесноте, беспорядку и давке и чтобы халиф созерцал тех, кто входит, на некотором расстоянии и (в то же время) мог узнать, кто это. Так было великолепнее и торжественнее»².

Приём визиря аббасидским халифом для доклада халифу имел особую специфику. Как правило, халиф принимал визиря по понедельникам и четвергам. Во дворце у визиря было особое помещение, где до приёма халифа придворные свидетельствовали ему своё почтение. Начиная с 924 г. визирь ожидал приёма халифа в доме верховного главнокомандующего – это было признаком упадка значения его сана. Во время доклада визирь садился перед халифом, как это делали более низкие по сану перед более высокопоставленными, держа при этом в левой руке красивую чернильницу, которую он носил на цепочке. Возросшая в более поздние времена склонность

¹ Даннийа — головной убор конической формы, высотой около двух пядей, изготовлявшийся из листового серебра, унизанного черными серебряными бусинами, с медными пластинами, спускавшимися на грудь. Предназначался для знати, судей и духовенства

² Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. С. 59-60.

к более особым церемониям требовала, начиная примерно с 913 г., чтобы при этом стоял камергер и держал чернильницу визиря¹.

В рассматриваемый период истории, особенно в IX-X вв., как в Мавераннахре и Хорасане, так и в Западном Иране прослеживается тенденция подражания местным дворам древнеиранским традициям, особенно традициям, существовавшим при дворе Сасанидов (224-651). Например, зияридский эмир Мардовидж (928-935) хотел восстановить персидскую империю и упразднить власть арабов. Подражая древнеиранским царям, он носил усыпанную драгоценными камнями диадему, восседал на позолоченном помосте, на котором высился массивный трон, а перед ним было устроено серебряное возвышение, застланное коврами, где стояли позолоченные стулья для вельмож его государства. Также он намеривался захватить Багдад, заново отстроить дворец Хосроев в Ктесифоне и править оттуда всем миром как великий император². Другой правитель из династии Буидов, Азудудавла (949-982), и вовсе восстановил титул шахиншаха – «царя царей», ранее воспринимавшийся как кощунственный³.

Буидский эмир Азудудавла (949-982) каждый день принимал своих чиновников. Азудудавла первым принимал своего визиря и расспрашивал о выполнении его приказов. После визиря на прием входил казначей двора, а затем прибывала государственная почта от наместников⁴.

Об одном церемониале приёма саффаридским эмиром Яькубом ибн Лейсом (873-879), имевшем место в 873 г., сообщает безымянный автор «Истории Систана». Поводом для этого приёма стало то, что Яькуб ибн Лейс после завоевания Нишапура – столицы Тахиридов, не смог заручиться поддержкой халифа Багдада. Когда нишапурцы возмутились из-за отсутствия грамоты халифа у Яькуба - фактического правителя Хорасана, и об этом было доложено Яькубу, то он поручил своему хаджибу известить знать, улемов и

¹ Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 82.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 31.

⁴ Н.В.Пигулевская, А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский, Л.В. Строева, Л.М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: 1958. С. 141.

факихов Нишапура, чтобы они завтра утром собрались во дворце, чтобы он предъявил им полномочия халифа Багдада¹. Автор «Истории Систана» пишет об этом скандале: «Назавтра утром вся нишапурская знать собралась во дворце. Яькуб приказал, чтобы две тысячи гулямов надели оружие и встали в ряд. У каждого в руках – щит, меч и палица из золота или серебра – из числа оружия, захваченного в Нишабуре из казны Мухаммеда ибн Тахира. Сам Яькуб сел по обычаю шахов на трон, а перед ним в два ряда встали гулямы. Затем он приказал, и вошли приглашенные и остановились перед ним. «Садитесь», - предложил им Яькуб. Затем он обратился к хаджибу: «Принеси грамоту повелителя верующих, дабы я прочел им». Хаджиб ушел и принес йеменский меч в египетском платке. Платок он снял, а меч положил перед Яькубом. Яькуб поднял его и потряс им в воздухе. Присутствующие в большинстве лишились чувств, думая: «Может быть, он покушается на жизнь нашу?». Яькуб отвечал им: «Не потому я принес меч, что собирался кого-либо из вас убить. Вы жаловались, что у Яькуба нет полномочия повелителя верующих. Я лишь хотел, чтобы вы знали, что они у меня есть!». И присутствующие пришли в себя. «Не этот ли меч посадил повелителя верующих на престол в Багдаде?» - продолжал спрашивать Яькуб. «Этот», - отвечали все. «Меня на правление здесь поставил тот же меч, - подтвердил Яькуб. – Полномочия повелителя верующих и мои – одинаковы!». После этого он приказал связать всех членов династии Тахиридов и выслать их в горы Испахбад. Остальным пояснил: «Я выступил вместе с народом всевышнего и всесвятого Бога ради справедливости и ради истребления отклоняющихся от истинного пути. В противном случае разве всевышний даровал бы мне столько побед? Ваших интересов это не затрагивает. Возвращайтесь с миром»»².

Если верить Мухаммаду Газзоли, у основателя саманидского государства Исмаила Самани было обыкновение перед приемом подданных объявлять об этом с помощью глашатаев. Во время приема подданных у дверей дворца

¹ Таърихи Систон («История Систана»). С. 220-221.

² Там же,

стража отсутствовала, а также убирали занавес, и подданные без труда могли прийти до эмира и свободно разговаривать с ним¹.

Эмиры из династии Саманидов, пышно одетые, во время дворцовых приёмов восседали на троне, а придворные гулямы стояли для их услужения. По свидетельству источников, саманидские эмиры принимали придворных на поклон два раза в неделю². На одном из таких приемов вокруг эмира Насра ибн Ахмада (914-943) стояли свыше 10 тысяч гулямов³. Иметь десяти тысячную охрану было не новшеством, возникшим при Саманидах. Ещё в древности при Ахеменидах личная охрана царя состояла из 10 тысяч воинов, которые назывались «бессмертными»⁴.

В источниках сообщается также, что во время придворного приема саманидских эмиров каждое сословие двора имело свое место. Например, по свидетельству Утби, хаджиб Фаик при приеме саманидским эмиром, облобызав землю, располагался на месте, отведенном для хаджибов⁵, а Низами Арузии Самарканди сообщает, что придворный поэт Рудаки, придя на прием, также сидел на своем месте.⁶ Также, по сообщению Низам ал-Мулька, в придворных приемах саманидских эмиров участвовали 20 надимов; кто сидя, а кто стоя⁷.

Согласно словам арабского географа Макдиси, при дворе Саманидов учёных не заставляли кланяться и лобзать землю перед эмиром⁸. Даже подвластные правители во время приема поклона должны были облобызать землю. Например, по свидетельству Утби⁹, правитель Газны Сабуктегин во время приема саманидским эмиром Нухом ибн Мансуром (976-997) в 992 г. облобызал землю.

¹ Фаззолй М. Насихат-ул-мулук. С. 72.

² Ночй М. Фарханг ва тамаддуни исломи дар қаламрави Сомониён. С. 285; Наршахй А. Таърихи Бухоро. Душанбе. 1979. С. 69.

³ Ночй М. Фарханг ва тамаддуни исломи дар қаламрави Сомониён. С. 285.

⁴ Фрай Р. Наследие Ирана. С. 152.

⁵ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 119.

⁶ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы. С. 63.

⁷ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 95.

⁸ Абӯабдуллох Мухаммад ибни Аҳмад Макдисй. Аҳсан-ул-такосим фи маърифат-ил-ақолим. Техрон, 1361. С. 492.

⁹ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 84.

Тахириды тоже имели уважительные отношения к науке и учёным. Например, арабский географ и путешественник Ибн Хордадбех сообщает, что он и его спутники по возвращении из Мавераннахра в Нишапуре были приняты Абдуллахом ибн Тахиром (828-844). Ибн Хордадбех был награждён Абдуллахом ибн Тахиром восемью тысячами дирхемами, а его сопроводители получили по пятьсот дирхемов. Также каждый всадник из спутников Ибн Хордадбега получил по пять дирхема, а каждый пеши по три дирхема¹.

Макдиси сообщает, что в месяце рамазан, после вечернего намаза, Саманиды устраивали собрание, где дискутировали по разным вопросам. Эти собрания открывались эмиром определенным вопросом, на который все участники дискуссии давали свои ответы. Эмир непосредственно со своими подчиненными не контактировал, и хаджиб или визирь служили для него как бы посредниками в этом деле. Тот же Макдиси сообщает, что всегда на приемах саманидского эмира на почетном месте было отведено место для одного из старых факихов, и эмир при необходимости запрашивал фетвы от этого старца².

По словам Низам ал-Мулька, саманидские эмиры имели ещё особый обычай: если кто-либо держал речь перед эмиром или показывал талант, который приходился ему по душе, в таком случае эмир немедленно приказывал казначею, чтобы такому человеку выдавали тысячу дирхемов³.

Как при дворе аббасидских халифов, так и при дворе Саманидов запрещалось называть эмира по имени. Историк Ибн ал-Асир сообщает, что однажды во время смотра войск Наср ибн Ахмад (914-943) спросил имя одного из солдат. Тот не ответил на вопрос. Тогда Наср заново спросил его, а тот опять не ответил. Тогда один из его приближённых сказал эмиру, что этот солдат не отвечает на вопрос, потому что его имя совпадает с именем эмира.⁴ Это свидетельствует о том, что не только запрещалось называть эмира по

¹ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку: Элм, 1986. С. 133.

² Макдиси. Ахсан-ул-такосим фи маърифат-ил-аколим//Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дуввум (мутуни арабиасл). С. 157.

³ Низам ал-Мулька. Сиасет-намэ. С. 138-139.

⁴ Ибн ал-Асир. Таърихи комил. Чилди 11. С. 4948.

имени, но и в его присутствии запрещалась называть собственное имя или имя другого человека, совпадающее с именем эмира.

Одним из привилегированных сословий саманидского двора и последующих дворов считались поэты. Поэты преимущественно жили при дворах. Во главе придворных поэтов стоял так называемый «царь поэтов» (малик аш-шуаро). В обязанности царя поэтов входила организация всей поэтической «канцелярии». Иногда во время приёмов придворные поэты читали свои стихи, чаще всего восхваляющие деяния правителя или чиновников его двора, и за это получали большие награды в виде денег, драгоценностей и даже скота. Востоковед Е.Э. Бертельс предполагал, что стихи, предназначенные для оглашения на больших придворных приёмах, подвергались предварительному просмотру царя поэтов, а возможно, и редактированию¹.

По свидетельству Низами Арузи Самарканди, во время правления Караханида Хизр-хана (1080-1089), в зале, где проходила аудиенция, ставили пять подносов и на каждый из них насыпали по 250 динаров. Во время приема Хизр-хан пригоршнями раздавал монеты с этих подносов. На одном из приемов за экспромтом написанные стихи все пять подносов были вручены придворному поэту Рашиди². По свидетельству того же Низами Арузи Самарканди, газневидские, гуридские и сельджукидские правители клали в рот наиболее одаренным поэтам монеты или драгоценности. Причем рот поэта должен был наполниться 2-3 раза. В зависимости от того, сколько вмещал рот поэта, столько он и получал³. Об участии поэтов в приемах газневидского султана свидетельствует также стихотворение придворного поэта газневидского двора Фаррухии Систани. Он в одном из стихов благодарит султана Махмуда за то, что присутствовал на его приемах и за прочитанные стихи получил много денег и скота⁴.

¹ Бертельс Е.Э. Избранные труды: история персидско-таджикской литературы. С. 125.

² Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. С. 78-79.

³ Там же. С. 66, 75 и 102.

⁴ Девони ҳақим Фарухии Систонӣ. С. 81.

При дворе правителей Мавераннахра и Хорасана, как и при дворе аббасидского халифа, функцию церемониймейстера исполняли главный хаджиб и хаджибы двора. Хаджибы двора местных правителей, как и хаджибы халифа, носили чёрную одежду. Это отмечено также и в стихах придворного поэта Газневидов – Фаррухии Систани, посвящённого смерти Махмуда Газневи, где он описывает хаджибов, одетых в чёрные одежды¹.

Газневиды, придя к власти, переняли дворцовую роскошь тех же Саманидов. Как уже упоминалось выше, саманидские эмиры имели 20 надимов. Во время придворных приемов некоторые надимы сидели, а некоторые стояли. Эту традицию Газневиды заимствовали у Саманидов².

По свидетельству Бейхаки, после смерти султана Махмуда, во время правления его сына Мухаммада (1030-1031) прием чиновников осуществлялся главным хаджибом двора Али Карибом. Это объясняется тем, что Мухаммад имел большое пристрастие к вину и, возможно, из-за этого не мог исполнять свои обязанности. Также известно, что Мухаммад пришел к власти с помощью главного хаджиба Али Кариба, и фактическая власть находилась в его руках. Прием главным хаджибом Али Карибом проводился не во дворце, а на открытом поле. Он ежедневно выезжал туда ранним утром. Вельможи, придворные сановники, военачальники и главы диванов тоже выезжали на поле для приема главным хаджибом. Придя на прием, все останавливались, сидя верхом, и до позднего утра обсуждали государственные дела³.

Один из придворных приемов султана Масьуда, который он провел, прибыв в Нишапур в 1030 г., описывает Бейхаки: «На другой день в Венечной суффе⁴, посередине сада, эмир воссел на престол и открыл прием, прием очень торжественный. Множество гулямов стояли начиная от края суффы до отдаленного места, бесчисленные сипахдары и мертебедары стояли до ворот сада, а в поле – много конных. Явились на поклон родичи и свита, (некоторые)

¹ Девони хаким Фарухии Систонӣ. С. 90.

² Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 95.

³ Бейхаки А. История Масьуда. С. 46.

⁴ Венечная суффа – почётное место для трона эмира.

сели, (некоторые остались) стоять. (Эмир) приказал, чтобы сипахсалара посадили. Вошли казии, факихи и улемы, принесли поздравления, (выразили) соболезнования и похвалу эмиру, да будет им доволен Аллах»¹.

Масъуд Газневи каждый день принимал поклоны придворных. По словам Бейхаки, каждый день на приём к Масъуду являлся хаджиб Гази. Перед Гази шли дайламцы, и щитоносцы несли около тридцати золотых и серебряных щитов. Во главе их шли несколько хаджибов в чёрных шапках и поясах. Позади их шли тридцать гулямов, и каждый из них нёс какую-либо из разнообразных вещей.² При этом до открытия приема хаджиб Гази сидел на тереме дивана, а представители династии и важные военачальники сидели в весьма длинном помещении по дороге к дворцу эмира, и, когда хаджиб Гази шествовал, он проходил мимо них, а те, вставая, кланялись ему³.

Однако не все придворные приемы Газневидов проводились так помпезно. Например, приемы, где обсуждались важные государственные дела, проводились без излишней помпезности. Бейхаки, сообщая об одном таком приеме, пишет, что Хорезмшах Алтунташ сидел по правую руку от престола, дядя султана Масъуда Азуд ад-давле Юсуф сидел напротив престола, а вельможи и прочие сидели и стояли. При этом вокруг престола находились многочисленные вооруженные телохранители. Как явствует из сообщения Бейхаки, пришедшие на прием 2-3 раза облобызали землю перед султаном не только во время прихода, но и когда уходили⁴.

По наиболее острым вопросам при дворе проводилось совещание. На придворные совещания выносились острые вопросы государственной жизни. Например, когда султан Масъуд в 1037 г. захотел пойти походом в Хиндустан и завоевать крепость под названием Ханси, он провел совещание двора, где запросил мнения придворных вельмож. По словам Бейхаки, на совещании эмир Масъуд оповестил присутствующих о своём намерении, а затем визирь

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 69-70.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 82-83.

стал спрашивать мнение присутствующих. Визирь вначале спросил мнение главнокомандующего войск, затем хаджибов, затем ариза и прочих. Все присутствующие отвечали, что они согласятся на любое решение, которое примут визирь и эмир¹. В конце совещания визирь предостерег султана и напомнил, что в Хорасане продолжают восставать тюрки-сельджуки. Но все-таки он был вынужден согласиться с походом Масъуда в Хиндустан².

Прием важных особ при дворе Газневидов проходил также весьма помпезно. Пришедший ко двору сановник не имел права явиться на прием эмира без приглашения, и он ждал своего приглашения у дворца или сидя в одном из помещений дворца. Только после того, как эмиру объявляли, что прибыл такой-то и эмир приказывал ему явиться, тот входил на прием. По сложившейся традиции, пришедший на прием должен был, войдя, облобызывать два-три раза землю и стоять. По велению эмира главный хаджиб двора или по приказу главного хаджиба один из хаджибов двора должен был подвести гостя к определенному месту, поближе к престолу эмира, и усадить. По обычаю двора гость и эмир обменивались подарками, и эти подарки они передавали друг другу при посредничестве главного хаджиба двора. Гость непосредственно сам не имел права вручить подарок эмиру. Эти и другие церемонии при визитах частных гостей ко двору эмира Масъуда Газневи хорошо описаны историком Байхаки³.

Историки газневидского двора Бейхаки и Гардизи⁴ также оставили лаконичное описание роскоши газневидского двора. В частности, заслуживает внимания необыкновенное техническое устройство трона и свисающая на него с потолка корона, которая была сделана в 1038 г. неизвестным умельцем. По словам Бейхаки, дворец с золоченым тронem и короной строили больше трёх лет. С потолка помещения свисала золочёная цепь, и к ней была прикреплена корона. Голове сидящего правителя дискомфорта от венца не было, так как

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 470.

² Там же. С. 470-471.

³ Там же. С. 336.

⁴ Гардези А. Зайн-ул-ахбор. С. 431-432.

цепочки придерживали ее и она свисала над шапкой правителя¹. По описанию того же Бейхаки, переезд эмира Масьуда в новый дворец прошел в торжественной обстановке. В день переезда Масьуда вокруг нового дворца стояло множество вооруженных и пышно одетых гулямов-телохранителей. Внутри дворца по правую и левую руку от престола стояли десять гулямов в пышных нарядах. В центре дворца в почетный караул в два ряда были выстроены гулямы. Также дайламцы держали десять лошадей с украшенными драгоценными камнями сбруями и двадцать лошадей украшенных золотом, пятьдесят золотых щитов².

По словам Бейхаки, после переезда Масьуда в новый дворец и открытия приема по этому случаю, придворные и представители династии осыпали его монетами. Ближе к полудню на прием явились также надимы, и они тоже после проведения обряда поклонения эмиру стали осыпать его монетами³.

Ритуал осыпания монетами имел особый смысл и проводился во время важных событий. Тот же Бейхаки сообщает, что 22 января 1037 г. по случаю выздоровления эмира Масьуда был открыт общий прием, на котором он был осыпан монетами⁴. Этот факт еще раз подтверждает важность осыпания монетами.

В 1042 г. скончался султан Масьуд. Трон газневидского двора занял его сын Мавдуд (1042-1048). Он, также как и его предшественники, по утрам давал прием придворным. По словам Кей-Кавуса, при Мавдуде имелся штат личных надимов. Они участвовали во всех приемах и пиршествах двора независимо от того, были ли при этом другие надимы или нет. По установленной дворцовой традиции утром султан Мавдуд первым принимал поклоны военачальников, затем являлся на поклон визирь, а спустя некоторое

¹ Бейхаки А. История Масьуда. С. 479; смотрите также: Халили Х. Салтанати Ғазнавиён. С. 182; Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С. 135-136.

² Бейхаки А. История Масьуда. С. 479-480.

³ Там же. С. 480.

⁴ Там же. С. 458.

время появлялся дворцовый соглядатай, который передавал эмиру через слугу записки с донесениями¹.

Вышеперечисленный порядок приема посетителей эмирами Газневидов неукоснительно соблюдался всеми последующими эмирами.

Духовенство занимало большое место в жизни газневидского двора. Историк Муборакшах приводит рассказ, согласно которому однажды на прием к газневидскому эмиру Хусравшаху (1152-1160) пришел босой дервиш в изношенной одежде. В таком виде он прошел вперед и, произнеся восхваление эмиру, сел. Затем его попросили подойти поближе вперед, усадили и спросили о цели его прибытия на прием. Дервиш, который представлял дервишское братство, попросил у эмира Хусравшаха через посредников денег в размере трех тысяч дирхемов для их пропитания. Хусравшах удовлетворил просьбу дервиша и выдал ему нужную сумму².

В 1038 г. в Хорасане к власти пришли Сельджукиды. Все богатства газневидского двора достались им. Тюрки-сельджуки были людьми степи. Им были совершенно чужды дворцовые порядки. В первые годы их правления при проведении дворцовых приемов четкий порядок не соблюдался. Например, Бейхаки, который, сообщая о приеме духовенства Нишапура в 1038 г. Сельджукидом Тугралом, сообщает о беспорядочном размещении и вольном поведении его приближенных. В частности, он пишет: «...к Тугралу на поклон отправился Кази Саъид с сыновьями, внуками, учениками и с большим поездом сопровождающих. Глава алийцев тоже явился со всеми сейидами. Приемный шатер (хана) был без всякого блеска, горстка бродяг (сидела) вперемешку, никакого порядка не было; всякий, кто хотел, совершал вольность и заговаривал с Тугралом, а он сидел на престоле государя султана в пишгахе суффы»³. Впрочем, Сельджукиды, как и их предшественники, с уважением относились к представителям духовенства. Об этом

¹ Кей-Кавус. Кабус-намэ. Второе издание. С. 240.

² Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 263.

³ Бейхаки А. История Масъуда. 1030-1041. С. 490-491.

свидетельствует слова того же Бейхаки, который сообщает, что при виде Кази Саьида Туграл встал с престола и поздоровался с ним¹.

Сельджукиды с первых дней прихода к власти старались адаптироваться и соответствовать местным традициям. Об этом свидетельствует, в том числе и слова Тугралбека, который обращаясь к Кази Саьиду с просьбой, чтобы он в дальнейшем давал советы говорил: «Мы люди новые и чужие, с обычаями тазиков не знакомы, пусть Кази не откажет подавать нам советы, сообщая их устно»².

Об уважительном отношении Сельджукидов к духовенству, особенно к дервишам свидетельствует сообщение Мухаммада ибн ал-Мунаввара. Мухаммад ибн ал-Мунаввар после побега султана Санджара из плена гузов направился из Сарахса в Мерв с группой шейхов, казиев и имамов для поздравления с прибытием и попросить милостыню для обители шейха. По словам ал-Мунаввара когда он прибыл в Мерве то там не оказалось раиса Мейхане и после того как он прибыл, вместе они были приняты Санджаром. В день приёма при виде ал-Мунаввара Санджар пошёл к нему на встречу, чего не делали правители во время приёмов. Сев, ал-Мунавваром была произнесена приветствие. Султаном Санджаром было приказано выдать тысячу харваров зерна на семена Хабарана и 100 харваров³ на семена владений священной обители. Раис Мейхане стал просить еще, но Санджар ссылаясь на ограбление Хорасана гузами и скудности казны отказал. Но Санджар приказал выдать еще 100 динаров наличными для пропитания дервишей⁴.

Великий визирь Сельджукидов – Низам ал-Мульк (1063-1092) ввел совершенно новые порядки в дворцовые приемы Сельджукидов. Низам аль-Мульк был сторонником того, чтобы при дворе держали 200 человек, которых он называет муфридами. Эти служащие двора должны были иметь приятную внешность, высокий рост и быть храбрыми. Сотня из них должна быть

¹ Бейхаки А. История Масъуда. 1030-1041. С. 491.

² Там же; Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С. 261.

³ Харвар – «ноша осла», мера веса, равная 100 манам.

⁴ Извлечения из «Асрар ат-Тавхид фи макаमत шейх Аби Саид» Мухаммеда ибн ал-Мунаввара Мейхани //Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 347.

хорасанцами, а другая сотня-дайламцами. Они должны были жить при дворе и во время несения службы красиво одеваться, и хорошо прилаживать оружие. Каждыми пятьюдесятью из них командовал накиб. Кроме того, 4 тысячи пехотинцев должны были составлять охрану дворца. Тысячу из них должно было составлять особое войско государя, а остальные 3 тысячи – служить в отрядах эмиров и военачальников¹.

Низам ал-Мульк в своем трактате также установил порядок приема посетителей при дворе Сельджукидов. По его убеждению, первым на прием к правителю должны были входить его родственники, затем именитые люди и свита, затем другие люди. Причем на приеме посетители из низких слоев общества должны были располагаться отдельно от вельмож. По словам Низам ал-Мулька, если в приемном дворце была снята завеса, это значило, что прием состоится, но если завеса была опущена, это означало, что приема не будет². Нужно отметить, что ответственный за царской завесой имел чин «пардадор»³. Низам ал-Мульк считал обязательным, чтобы на приемах правителя присутствовали гулямы, несущие службы кравчего, отведывателя яств, оруженосца и т.п.⁴

В трактате Низам ал-Мулька также говорится о порядке службы рабов во время дежурств, а также во время приемов султана. По словам Низам ал-Мулька, во время приема у сельджукидского султана именитые придворные, как и оруженосцы, кравчие и т.д., должны были стоять или сидеть поблизости от трона. Порядком приёма ведал хаджиб двора, и он не позволял никому стоять или сидеть в не соответствующем его чину месте⁵.

В период правления Сельджукидов в церемониале приёма подвластных правителей появляется новый элемент этого этикета. Вернее подвластный правитель во время приёма сельджукидским султаном, как знак признания его

¹ Хусенов Ф. Порядок делового приёма в феодальных дворах Мавераннахра и Хорасана в X-XI вв. // Вестник Университета (Российско-таджикский (славянский) Университет). - №2(49). Душанбе. 2015. С. 56.

² Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 124.

³ подробнее о чине пардадор смотрите: Анварй Х. Истилохоти девонии давраи Ғазнавӣ ва Салҷуқӣ. С.23-24.

⁴ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 124.

⁵ Там же. С. 128.

главенства должны были целовать его ногу. Например, согласно сообщению Мирхонда в 1065 г. когда Алп-Арслан объявил поход в Дженд, то правитель Дженда узнав об этом сильно испугался. Он после совещания отправил свою мать в лагерь Алп-Арслана с драгоценными подарками, состоявшими из платьев из муляма, лошадей с таврами, болгарских бобров и татарских гулямов. Она должна была просить Алп-Арслана о покровительстве своему сыну. В день приёма мать правителя Дженда подошла к престолу Алп-Арслана и поцеловала его ногу, как пишет Мирхонд «выполнив этикет самоунижения и мольбы о покровительстве».¹ Сельджукиды начиная со времени, правление Туграла часто воевали с Византии и наверняка данный этикет был заимствован сельджукидами из Византии, так как во время приёма императором Византии вассал в знак покорности целовал туфли императора².

Другой пример: тот же Мирхонд сообщает, что после очередного набега султан Алп-Арслан возвратился в Хорезм встречать его вышли правитель Ахваза и Хузистана, эмиры и сановники и удостоились «целования султанских ног»³.

О хаотичном приёме, проведенном правителем иракских Сельджукидов – Мухаммедом ибн Махмудом⁴ (1153-1159) перед своей смертью, сообщает Рашид ад-Дин. Согласно его словам, Мухаммед ибн Махмуд перед кончиной велел, чтобы эмиры войска сели верхом и представили ему все богатства государства, такие как драгоценности, деньги, ценные вещи, рабов и рабынь и прочее. Сам он наблюдал за показом с вышки, а после показа велел всё показанное разделить между присутствующими⁵.

Сельджукиды принесли дворцовые этикеты, существовавшие в Хорасане и в Малую Азию. В этикете двора Сельджукидов Малой Азии рассматриваются как этикеты Восточных стран, так и заимствование от Византии. Востоковед Гордлевский рассматривая покорность феодалов к

¹ Извлечения из «Раузат ас-сафа» Мирхонда //Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 467.

² Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. -М.: -Л.: Изд. АН СССР, С.60.

³ Извлечения из «Раузат ас-сафа» Мирхонда //Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 467.

⁴ Мухаммед ибн Махмуд был болен воспалением лёгких.

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I, книга вторая. С. 80-81.

султану, выражавшая в церемониале пишет: «Покорность феодалов, признание над собой верховных (сюзеренных) прав султана, символизируется «поклонами на челобитьем», «преклонением колен», «сложением рук на плечах», «целованием руки» - церемониями сохранившимися и у дервишей».¹

При дворе Хорезмшахов во время дворцовых церемоний особое место отводилось личности визиря. Согласно словам историка ан-Насави, при дворе Хорезмшахов вошло в привычку титуловать визирей словом «ходжа» и во время общих приёмов сажать их по правую руку от Хорезмшаха. Только визирь последнего Хорезмшаха Джалал ад-Дина – Шараф ал-Мульк садился там, где находились хаджибы двора. Если прежние визири Хорезмшахов садились на специально отведённое место, т.е. рядом с султаном, то Шараф ал-Мульк садился на общий коврик. По тому же этикету двора Хорезмшахов их визири, носившие прозвище «Низам», в здании дивана восседали на специальном чёрном кресле, и если кто-нибудь, входил, не вставали, чтобы приветствовать его, даже если это был наследный принц. Однако последний визирь Хорезмшахов Шараф ал-Мульк всё же вставал с места перед видными должностными лицами². Ан-Насави, сообщая об этих и других особенностях этикета двора Хорезмшахов, не объясняет, с чем были связаны изменения в этикете двора относительно визиря.

Как и во времена прежних династий, за соблюдением церемониала при дворе Хорезмшахов наблюдал главный хаджиб. Как и прежде, хаджибами становились представители тюркской знати³.

Приёмы владетелей областей и краев при дворе Хорезмшахов проходили торжественно и во многом напоминали приём иностранного посла. Например, ан-Насави сообщает о приёме владетеля Арзан ар-Рума – Рукн ад-Дина Джахан-шаха⁴. По поручению султана Джалал ад-Дина Рукн ад-Дин Джахан-

¹ Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 79.

² Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 148-149.

³ Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 98.

⁴ Рукн ад-Дин Джахан-шах ибн Тогрул-шах ибн Кылыдж-Арслан II в 1030г. перешёл на сторону Джалал ад-Дина после взятия им Хилата в надежде захватить Конию у своего двоюродного брата Кей-Кубада. Рукн ад-Дин и Кей-Кубад являлись представителями династии Сельджукидов Малой Азии.

шаха встретил визирь Шараф ал-Мульк вместе со свитой чиновников двора на расстоянии одного дня пути до Хилата. По обычаю двора, в этот вечер в честь прибытия Рукн ад-Дина было устроено пиршество. Согласно словам ан-Насави, во время пира Рукн ад-Дин преподнёс Шараф ал-Мульку подарки на сумму десять тысяч динаров¹.

Историк Ан-Насави следующим образом описывает приём Рукн ад-Дина Хорезмшахом Джалал ад-Дином: «Ханы встретили его в день прибытия в Хилат согласно их рангам, а султан ожидал его на площади, под балдахином. Когда Джахан-шах въехал на площадь, он спешился, поцеловал землю и прошёл несколько шагов, затем его встретил ал-хаджиб ал-хасс Бадр ад-Дин Тутак ибн Инандж-хан, который от имени султана приказал ему сесть на коня. Он сел в седло и стал кланяться в знак службы, пока не подъехал к султану, который обнял его, а Джахан-шах поцеловал его руку. Султан показал ему место под балдахином, и он встал по правую сторону султана...»².

Рукн ад-Дин Джахан-шах гостил при дворе Джалал ад-Дина несколько дней. Приближённым Рукн ад-Дина султан Джалал ад-Дин подарил двести почётных одежд, а также восемнадцать лошадей со сбруей, седлом и бунчуком, и после этого гостю было позволено вернуться в своё владение³.

Одной из главных особенностей в церемониале двора Мухаммада Хорезмшаха было введение «наубы» Зул-Карнайна⁴. Как пишет ан-Насави, прежде для исполнения наубы было установлено производить в день пять науба, соответственно времени пяти молитв. В зените своей славы Мухаммад Хорезмшах предоставил право на пять науба своим сыновьям, чтобы они исполнялись в странах, которые он определил царевичам. Мухаммад Хорезмшах выбрал для себя наубу Зул-Карнайна. Это науба исполнялась два раза в день, во время восхода и заката солнца. Для исполнения наубы Хорезмшах определил 27 пленных правителей областей. Они отбивали наубу

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 233.

² Там же.

³ Там же. С. 234.

⁴ Зул-Карнайн – «Двуруги», т. е. Александр Македонский.

на двадцати семи золотых литаврах, палочки для которых были украшены различными самоцветами¹.

Хорезмшахи, будучи мусульманскими владыками, как и их предшественники, придавали исключительное значение религиозным традициям, а также праздникам. Ан-Насави сообщает, что Хорезмшах Джалал ад-Дин в священный месяц рамазан в 1028 г. велел воздвигнуть кафедру в султанском дворце в Табризе. Джалал ад-Дин велел тридцати богословам из различных областей государства 30 дней читать проповедь. Во время чтения проповеди сам Хорезмшах сидел напротив кафедры².

По словам Низам ал-Мулька, каждый государь должен был лично, без посредников два раза в неделю разбирать жалобы подданных³. По рассказу Мухаммада Авфии Бухорои, эмир Исмаил Самани имел обычай в снег и дождь сидеть на площади и выслушивать жалобы нуждающихся. После пребывания в течение некоторого времени на площади, он выходил за городские стены и раздавал милостыню нуждающимся⁴. Какими бы мифологизированными не были вышеприведённые рассказы, они чётко излагают традицию двора Сасанидов, когда в праздничные дни их цари похожим образом разбирали жалобы подданных.

Приемы саманидских эмиров проходили по специальным правилам. Саманидские эмиры во время разбора жалоб подданных вставали с золоченого престола и садились на серебряный. Для выслушивания ими жалоб подданных были установлены определенные дни. При получении чести быть принятыми правителем по обычаю двора подданные, войдя в зал, должны были облобызать ковер или землю перед правителем⁵.

По сообщениям Бейхаки, который свою очередь ссылается на слова Хорезмшаха Алтунташа, правитель Газны Сабук-тегин при посещении

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 65; Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 76.

² Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 162.

³ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 16.

⁴ Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ. С. 58.

⁵ Там же. С. 193.

подвластных ему владений сидел во время разбора жалоб в шатре. У него было десять гулямов, которые по очереди по двое стояли снаружи шатра как часовые. Сам Сабук-тегин находился в шатре, за занавесом. Приходящих жалобщиков по приказу Сабук-тегина один из гулямов-часовых заводил внутрь к эмиру¹.

Газневиды, так же как и Саманиды, лично разбирали жалобы подданных. Иногда для разбора жалоб правитель выезжал за пределы дворца. Выезд правителя торжественно сопровождался шествием придворных гулямов, воинов, родичей и вельмож. Об одном таком выезде султана Масьуда для разбора жалоб подданных, Бейхаки описывает следующим образом: «В воскресенье, в пятый день месяца шавваля², эмир Масьуд, да будет им доволен Аллах, сделал выезд. Сидя в балдахине, он явился на поле Шабехар. Его сопровождали весьма пышно убранные слоны и заводные кони: тридцать коней в сбруе, осыпанной жемчугом, бирюзой, яшмой и другими драгоценностями; человек триста гулямов, утопающих в золоте и серебре, все в кафтанах из scarlatinного сукна и румского шелка; еще пятьдесят заводных коней в золотой сбруе; все гулямы дворцовые шествовали впереди со стрелами, луками и золотыми и серебряными булавами, (а также) мервские щитоносцы и три тысячи человек пехоты из Систана, Газны, Герата, Балха и Серакса, множество военных, вельможи, родичи и столпы царства».³ По свидетельству того же Бейхаки, слон, на котором сидел султан Масьуд, по его повелению был остановлен у дуккана⁴. Около слона находились визирь Ахмед ибн Хасан, ариз и начальник почтового дивана Бу Наср Мишкан. Султан начал разбирать жалобы и выслушивать местное население⁵.

По свидетельству Низами Арузи Самарканди, выезд караханидского правителя Хизра также сопровождался торжественностью. Когда Хизр верхом

¹ Бейхаки А. История Масьуда. С. 399.

² 25 сентября 1031 года.

³ Бейхаки А. История Масьуда. С. 267.

⁴ Дуккан – постройка с плоской кровлей, возвышающаяся над окружающим пространством; с кровли можно было обозревать прилегающую окрестность, производить смотр проходящим войскам, обращаться к собравшимся людям и т.п.

⁵ Бейхаки А. История Масьуда. С. 267.

выезжал из своего дворца, перед его конем несли семьсот золотых и серебряных палиц, не считая другого оружия¹.

Изложенное сведениям письменных источников свидетельствуют о том, что церемония приёма служащих двора имела место при дворах местных правителей ещё с глубоких времён. Но в рассматриваемый период данный церемониал имел много схожих черт с церемониалом приёма дворцовых чиновников, проводившемся при дворе аббасидских халифов. Одна из особенностей данного церемониала заключалась в том, что при её проведении каждое сословие располагалось в соответствии со своим чином. Изученные материалы показывают, что такой этикет, т.е. размещение пришедших согласно чину, существовало с древних времён. Как и при дворе Аббасидов, при местных дворах функцию церемониймейстера исполнял главный хаджиб. Пришедшие на приём должны были лобзать землю или ковёр перед правителем. Только духовенство имело право не лобзать землю перед правителем. Духовенства считались опорой государства и в рассматриваемый период пользовались уважением и поддержкою двора.

¹ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы. С. 77.

§2. Церемониал приёма и проводов послов

С древних времен прибытие посла иностранного государства ко двору правителя сопровождалось многочисленными церемониями. Эти церемонии отражены в памятниках письменности и архитектуры. Например, Фирдоуси в бессмертной эпосе «Шахнаме» особо помпезно описывает приезд послов императора Византии ко двору Нуширвана (531-573). По его рассказам, из Византии были посланы послы с подношениями. Когда послы удостоились приема Нуширвана, то главный из них, выдвинувшись вперед, приветствовал его и оповестил о целях приезда посольства. После этого послы передали Нуширвану подношения царя Византии. В свою очередь Нуширван приветствовал послов и, в знак уважения, велел, чтобы на них надели халаты, а также поднесли шапку, перстень и пояс¹.

В поздеарабском предании точнее в «Китаб-ал-махасин уа-л-адад» сохранилась известие об обмене посольств Сасанидов с Византии. В этом предании нас заинтересовал дары отправленные шахиншахом Хосравом Парвизом (590-628). Согласно преданию шахиншах Хосрав Парвиз борющийся в это время с Бахрамом Чубином, чтобы заручиться поддержкою императора Византии, несмотря на соперничества с этим государством, отправил посольства с драгоценными дарами. В качестве подарков были отправлены сто тюркских гулямов на верховых животных с золотыми седлами, усыпанными драгоценными камнями. Также был отправлен стол размером три локтя, кругом обделанный жемчугом. Стол имел три ножки. Одна ножка представляла собой ногу льва, на лапе которого держался зелёный яхонт. Другая, представляла ногу оленя, под копытом которого имелась красный яхонт. Третья ножка представляла ногу орла в лапе державшего куропатку с глазами из красных, ярко блиставших яхонтов. Посередине стола стояли чаша наполненная красными яхонтами и золотая корзина с сотней больших и малых жемчужин и сотня золотых колец украшенные драгоценными камнями. В

¹ Фирдавси А. Шохнома. Чилти 8. С. 128-130.

ответ император Византии тоже послал ответные дары, а также войско.¹ Хотя вышеприведённый источник не считается прямым историческим источником, но как замечал своё время русский Востоковед Иностранцев «...усматриваем в нём черты, характерные для истории быта: мы видим в нём имеющие известное реальное основание и довольно распространённые в народе предания о диковинках в сокровищницах Хосроев»².

Другой пример. В 1965 г. в результате археологических раскопок в Самарканде были обнаружены остатки здания дворцового комплекса, который датируется VI-VII вв. В одном из обнаруженных зданий дворца сохранились росписи, свидетельствующие о приходе чаганианских послов ко двору самаркандского правителя. Так, на южной стене зала показана процессия, движущаяся в сторону дворца. На переднем плане – четверо мужчин в богато украшенных кафтанах. Возглавляет шествие медленно идущий белый слон. Его хобот закручен, бивни выступают вперед. Мерно покачиваются подвешенный к шее колокол и тяжелые синие кисти, прикрепленные к сбруе. На спине слона – попона, украшенная большими кругами из перлов, в середине круга – крылатый лев. На слоне находится балдахин, под которым сидит знатная женщина, предположительно царица. За задней стойкой балдахина, на специально отведенном месте за госпожой сидела прислужница. За слоном на лошадях едут три женщины³. За женщинами едут двое мужчин на верблюдах. Первый – старый, второй мужчина – молодой. Двумя пальцами правой руки мужчина постарше указывает на замок. В его левой руке – палица, увенчанная головой животного. Оба мужчины вооружены длинными мечами, висящими на ремнях с левой стороны. На поясах короткие кинжалы, ручки которых украшены головами хищных птиц⁴.

В первом ряду серая лошадь, покрытая попоной, на её ногах развеваются разноцветные ленты. Взяв лошадь под уздцы, идет мужчина с густой черной

¹ Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. С. 75-76.

² Там же. С.75.

³ История Самарканда. С. 134-135.

⁴ Там же. С. 136.

бородой. На его лице – повязка, прикрывающая рот и нос. Над лошадьёю находится изображение четырех белых птиц¹.

На третьем плане, на самом веруу, показана кавалькада. За этой группой движется всадник на желтом коне. Этот всадник, представляющий собой, очевидно, главу делегации – центральная фигура композиции. Он в два раза крупнее остальных фигур, этим художник подчеркнул его высокое положение².

На западной стене помещения изображена не менее интересная многоплановая сцена. На переднем плане показаны девять персонажей – дароносцев, трое из которых одеты в богатые кафтаны. В их руках дары – гривны, украшенные золотом, ожерелье, рулон ткани, раскрашенный кругами с крылатыми львами. Дароносцы подпоясаны золотыми поясами с подвешенными к ним кинжалами и мечами. С правой стороны на поясе – платки, кошельки³.

Выше на южной стене изображены фигуры двух стоящих мужчин. Один – в красном, другой, повернувшийся спиной, – в белом кафтане, на поле которого начертана согдийская надпись. Она сохранилась почти полностью. Эта своего рода верительная грамота состоит из 16 строк вертикального текста, выполненного писцом – профессионалом. В переводе надпись гласит: «Когда прибыл посол хунского царя, он открыл рот (и сказал): «Я чаганианский начальник канцелярии по имени Бур-Затак (сын Бура), прибыл от чаганианского государя Туранташа в Самарканд с выражением почтения к самаркандскому царю, и вот я пребываю перед (самаркандским) царем, преисполненный почтения. И вы не имейте никаких подозрений относительно меня – я хорошо осведомлен о самаркандских богах и самаркандской письменности, и я преисполнен уважения к могуществу (вашего) царя, и вы пребывайте в полном благополучии. И также хунский царь...(разрушено). Так сказал чаганианский начальник канцелярии». Перед фигурой в белом кафтане

¹ История Самарканда. С. 136-137.

² Там же. С. 137.

³ Там же,

на втором плане композиции изображены четверо мужчин, сидящих на ковриках попарно друг против друга¹.

Композиция росписи стен зала может быть объяснена следующим образом. На южной стене представлено посольство чаганианского правителя. В центре процессии на желтом коне изображен глава делегации, а впереди на слоне – царевна. Посольство везет самаркандскому правителю подарки. На западной стене изображена сцена подношения даров самаркандскому правителю. Чаганианское посольство, прибывшее ко двору, преподносит подарки и вручает «верительную грамоту»².

Когда Самаркандские правители посылали посольства в Китай, а, возможно, и в другие иностранные государства, то в качестве дара среди прочих товаров посылали жёлтые персики, которые были крупные, как гусиные яйца. Такие диковинные жёлтые персики в VII в. дважды были посланы самаркандским двором в Китай³.

Порядок приёма иностранного посла правителями Мавераннахра и Хорасана во многом был похож на порядок приёма посла аббасидским двором. Чтобы не быть голословными приведём один пример. В 917 г. аббасидский двор принял послов Византии. Согласно сообщению Хилала ас-Саби, до прихода послов дворец халифа был устлан красивыми крашеными коврами. Хаджибы и их заместители были выстроены у дверей, в коридорах, галереях и проходах. В залах и местах аудиенции согласно рангам стояла знать. Войска в праздничных одеждах были выстроены в два ряда, по народностям. Кони всадников имели золотую и серебряную сбрую. Также перед ними находились запасные лошади, убранные так же, как основные. Всадники в полном вооружении стояли на пути от северных ворот до резиденции халифа. Базары, улицы, крыши и дороги были заполнены жителями Багдада. На реке Тигр стояли празднично убранные и украшенные корабли различного типа. Посол и его свита прошествовали до резиденции, вошли внутрь и были встречены

¹ История Самарканда. Т. 1. С. 138.

² Там же. С. 138-139.

³ Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. С. 24.

главным хаджибом. Затем они были проведены в помещение визирата и были встречены визирем Ибн ал-Фуратом. После приветствия посол был посажен в павильоне для приёмов. Через несколько часов византийский посол был принят халифом Муктадиром (908-932). По словам Хилала ас-Саби, при дворе Аббасидов и раньше послов принимали в таком же порядке¹.

По мнению историка С. Абдуллаева, правители Мавераннахра и Хорасана заимствовали традицию приёма и отправки послов у древнеиранских династий – Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов. При Саманидах посла иностранного государства встречала на границе государства группа военных и сопровождала его до столицы. Перед приёмом послов аббасидских халифов украшали город. При приеме гостей в городе жители бросали им монеты. Встречать посла у городских ворот выходили военачальники, казии, улемы и факихи². Все это было заимствовано Газневидами у Саманидов.

Низам ал-Мульк, который в управлении государством опирался на опыт Саманидов, в одном из разделов своего трактата пишет о традиции встречи послов на границе и сопровождении их до дворца правителя. По его словам, на границе государства посла должен был встречать уважаемый человек и сопровождать его до ближайшего города, затем передать посла другому уполномоченному, который в свою очередь должен сопровождать послу до другого города и передать его другому доверенному лицу, и таким образом посол должен был доехать до дворца правителя. Уполномоченные лица, сопровождавшие посла, заранее получали приказ позаботиться о том, чтобы везде, где бы они ни проводили время, с ними обращались благородно и, удовлетворив их, провожали дальше в путь³. Посла сопровождали не только, когда он приезжал к дворцу правителя, но и когда он уезжал обратно. Например, Бейхаки сообщает, что, когда посол халифа в 1030 г. получил позволение Масьуда на отъезд, спешной почтой были посланы письма во все владения, лежавшие на пути посла, с тем, чтобы ему оказывали достойную

¹ Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. С. 26-27.

² Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ. С. 193-194.

³ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 101.

встречу и содержали как можно лучше.¹ Данная традиция сопровождения посла до столицы или до места встречи с правителем сохранялась и в период правления последующих династий. Например, в период правления Тимура (1370-1404), как и прежде послов встречали на границе и сопровождали до Самарканда. Когда посольство подъезжало к какому-нибудь поселению, его встречал староста этого поселения, и по приказу сопровождающего, послам предоставляли съестное, лошадей и людей для услужения. Если жители исполняли это недостаточно быстро, то подвергались избиению сопровождающих².

Отношение к послу приравнивалось к отношению к его правителю. По словам Муборакшаха, если бы посол на приеме иностранного правителя подвергся унижению и бесчестью, то это можно было бы приравнять к унижению его правителя³. Эти слова Муборакшаха в рассматриваемый период истории имеют фактическое подтверждение. Например, бывали случаи, когда послу сбрасывали бороду. Это приравнивалось к оскорблению не только посла, но и его правителя и страны в целом. Такое оскорбление по отношению к послу не раз в истории становилось предлогом для войны. Согласно сообщению безымянного автора «Истории Систана», когда правитель Систана Бу Джаъфар отправил посла к правителю области Рей Макану, то он принял посла хорошо. Но однажды во время пира, устроенного в честь посла Систана, Макан под воздействием вина разгорячился и приказал, чтобы послу сбрили бороду. Протрезвев, Макан раскаялся в содеянном, пожаловал послу почетный халат, поднёс много разных ценностей и просил извинения. Посла держали во дворце Макана, пока у него не отросла борода, и только после этого он был отправлен в Систан. Но, узнав о случившемся, Бу Джаъфар собрал в Систане войска и пошел войной на Рей. Он схватил Макана и привез его в Систан, забрав его казну и ценности, а после, обласкав его, отпустил на волю и устроил в его честь пир, где в состоянии опьянения переменялся к нему и приказал

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 279.

² Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М.: 1990. С. 62.

³ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 102.

сбрить ему бороду. Потом принес извинения и содержал его с почетом, пока у Макана не отросла борода, тем самым отомстив за своего посла¹. Известен и другой случай: после того, как Хорезмшах Мухаммад обезглавил посла Чингисхана и отрезал бороды его спутникам, Чингисхан объявил войну против Хорезмшаха².

Основатель династии Саффаридов – Яъкуб ибн Лайс (873-879), которого источники описывают как скромного правителя, принимал послов в торжественной обстановке. При приеме послов он был окружен гвардией, набранной из лучших воинов и разделенной на два отряда, по 1000 человек в каждом; в первом отряде воины держали в руках золотые палицы, во втором – серебряные³. Эти оружия были отобраны в 873 г. в Нишапуре из казны Мухаммада ибн Тахира⁴.

Правители Хорасана и Мавераннахра поддерживали дипломатические отношения со своими соседями. Для Саманидов самым непримиримым политическим соперником при владении Табаристаном и Реем считалось государство Буидов. В 972 г. стараниями саманидского военачальника Абулхасана Симджури и визирей Саманидов и Буидов: Абу Джаъфара Утби и Абулфатха бин ал-Амида между Саманидами и Буидами был подписан мирный договор. При подписании этого договора присутствовали высокочтимые люди из Хорасана, Фарса и Ирака, и они также в знак свидетельства поставили подписи на договоре. В соответствии с этим договором буидские эмиры должны были каждый год выплачивать саманидскому двору 150 тысяч динаров. Саманидский эмир Мансур ибн Нух, взяв в жены дочь буидского эмира Азудуддавла, послал ему драгоценные дары⁵.

¹ Таърихи Систон («История Систана»). С. 302-303.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 466-467.

³ Там же. С. 277.

⁴ Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён. С. 96.

⁵ Ночӣ М. Фарҳанг ва тамаддуни исломи дар қаламрави Сомониён. С. 212-213.

Из сообщения историка Ибн Зубайра мы узнаем о прибытии послов китайского императора ко двору Саманидов. По его свидетельству, император Китая послал ко двору Насра ибн Ахмада послов с письмом, в котором потребовал от него уплаты дани за 27 лет (вероятно, за время его правления), и в случае неуплаты дани угрожал войной. Посланцы Китая, состоявшие из четырех послов и 40 всадников, остановились в одном из городов Ферганы. Правитель Ферганы Молик по поручению Насра ибн Ахмада принял их, разместил, как полагалось размещать иностранных гостей. Каждому послу был предоставлен рабов для услужения. Затем эмир Наср отправил письма правителю Ферганы и правителям других областей, чтобы они явились в Бухару с вооруженными отрядами и гулямами. По поручению того же Насра были покрашены дворцы замка. Местными мастерами для самого эмира Насра были изготовлены золоченый трон и корона, а также золоченый стол. Сорок видов разноцветной одежды, вышитой серебром и золотом, были приготовлены для послов. Перед приемом послов эмир Наср осмотрел воинство. Послам до Бухары сопутствовало самаркандское войско. В Кармине и Тавовисе располагалось многочисленное воинство, во главе с военачальником Бухары, и послы прошли мимо него и достигли Бухары. Город был полностью украшен, и народ – женщины и мужчины – приходил, чтобы наблюдать за зрелищем. Делегация послов прошла пешком от ворот города и до Регистана, пока не достигла дворца повелителя. Наср ибн Ахмад заранее приставил 40 хаджибов к каждой тысяче тюркских рабов, которые были одеты в кольчуги и кожаные головные уборы, и еще десять рабов стояли с золочеными мечами, поясами и копьями. На площади были протянуты десять занавесей, и между каждой из занавесей были размещены по 50 хищных животных, и делегация послов должна была пройти между ними. Дозорные стояли рядом со зверями, и по сторонам от каждых десяти зверей на небольших табуретках (сандали) сидели по два хаджиба. Двести тюркских рабов с мечами и золочеными поясами, а также двести высокочтимых людей в черных одеждах и серебряных поясах стояли вокруг эмира. Также двадцать

мужей, одетые в кольчуги, сидели по двум сторонам от престола. Послов повели между занавесей, дозорных, рабов, хаджибов и разместили во дворце послов. Там послы проживали в течение сорока дней, после чего их принял эмир. В день приема эмиром послы вручили ему письмо своего императора, а эмир Наср, прочитав письмо, велел написать ответ на обратной стороне письма китайского императора. По приказу Насра было написано, что ему до сих пор халиф Багдада нечего не приказывал насчёт уплаты дани китайскому императору. Теперь он непременно напишет об этом халифу и попросит его повеления, и если халиф прикажет ему воевать с Китаем, то он (эмир) сам дойдет до дворца императора и не обременит его¹.

После этого послов пригласили за золоченый стол, разукрашенный драгоценными камнями, на котором находились различного вида еда и питьё в украшенных сосудах, и после этого послов проводили с почестями в обратный путь².

Замысел посольства китайцев можно объяснить следующим образом: китайцы считали себя и свою страну культурным и экономическим центром мира. Такое положение ещё в древности породило высокомерную китайскую государственную идеологию, согласно которой Китаю не было равных в мире и миром должен править Китай. Китайские императоры не соглашались разговаривать с окружающими народами на равных. Страны, хоть раз посылавшие к китайскому двору посольство с дарами, включались в реестр областей, признававших над собой сюзеренитет Китая.³ Так, находясь в соседстве с Китаем, самаркандские правители ещё в доисламский период истории отправляли к китайскому двору посольство с дарами⁴ и, наверное, с этих времён китайский двор включил владения самаркандского царства в реестр вассальных областей.

¹ Ночй М. Фарханг ва тамадуни исломи дар қаламрави Сомониён. С. 288-290.

² Там же. С. 290.

³ Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. С. 8.

⁴ Каримов О., Холджураев Х., Мирбабаев А. История таджикской дипломатии. С. 119.

Как бы то ни было, но во второй раз император Китая послал своего посла ко двору Насра ибн Ахмада с выражением желания установить родственные отношения. Наср ибн Ахмад был против брака своей дочери с сыном императора Китая. Он согласился только на брак сына с одной из китайских принцесс. В 943 г. Наср ибн Ахмад отправил с китайским послом известного путешественника и географа Абу Дулафа в качестве сопровождающего посла. Абу Дулаф по возвращении из Китая должен был привезти с собой китайскую принцессу. Но когда китайская принцесса прибыла в Бухару, эмир Наср уже скончался. Сын Насра заключил брак с китайской принцессой, которая стала матерью принца Абдулмалика (954-961)¹

Правители Хорасана и Мавераннахра придавали важное значение дипломатическим отношениям. Послы, которые отправлялись в иностранные государства, выбирались по определенным критериям. Эти критерии, по словам автора XIII в. Муборакшаха, состояли из следующего: посол прежде всего должен был быть представителем духовенства и иметь именитых предков, он должен был иметь красивую внешность, быть красноречивым и обаятельным. Посол не должен был быть безбородым, хромым, многословным, пьяницей, хохотуном и т.п. Муборакшах отмечает, что с послом нужно было отправлять ученых богословов и гонцов². Муборакшах также пишет о соблюдении этикета общения во время приема у иностранного правителя. По его словам, послу нужно было вступать в дискуссию только после того, как ему дадут слово. Послу не полагалось слишком часто смотреть по сторонам и попусту смеяться³. Во время произнесения речи послу следовало говорить смело и храбро⁴.

Муборакшах также пишет, что с послом нужно было отправлять богатые и достойные подарки. По его словам, в числе посылаемых подарков должно было быть следующее вещи: Коран, рабы и рабыни, халаты, шитые серебром и

¹ Эзатуллах Хоодади Голамреза. Международные связи государства Саманидов (IX-Xвв.): диссерт. на соис. учён. степ. канд. истор. наук. Душанбе, 2015. С. 88-89.

² Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 99-100.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 101.

золотом, кони, хорошие верблюды, ястребы, слоны, соколы, охотничьи собаки, украшения для седла, мечи, щиты, стрелы и луки, кольчуги, шлемы, латы, кафтаны, стальные панцири, музыкальные инструменты, рубины, бирюза, ковры разных видов, браслеты, мускус, камфара и т.п.¹

Заключение межгосударственных договоров тоже проходило по сложившейся традиции. По словам Муборакшаха, составленный текст договора читался обеими сторонами в присутствии свидетелей с обеих сторон. Этими свидетелями являлись имамы, сеиды, военачальники и вельможи из обоих государств.² Описанные выше этикет выбора посла, этикет поведения посла во время приема, перечень посылаемых подарков, а также этикет заключения договора в рассматриваемый период истории существовал при всех царивших династиях, и это подтверждается фактами, приведёнными историками того периода, которые мы изложим ниже.

Газневиды имели особые отношения со своими соседями Караханидами. Как сообщает Бейхаки, при Махмуде и Масьуде аббасидские халифы не имели прямого диалога с Караханидами. Почетные звания и подарки халиф посылал Караханидам при посредничестве Газневидов³. Газневиды с самого начала прихода Караханидов к власти в Мавераннахре поддерживали с ними дипломатические отношения и периодически посылали к ним послов. Об одном из первых посольств Газневидов ко двору Караханидов сообщает Утби. По его сообщению, Махмуд в 1001г. послал посольство во главе с шафеитским имамом Абутайибом Сахлом ибн Сулаймоном ас-Саьлуки, вместе с ним был послан правитель Сарахса – Тугонджук. Перед отправкой им вручили ценные подарки, которых они должны были передать караханидскому хану Насру. По сообщению Утби, были посланы следующие подарки: рубины, ценные ожерелья, стопка одежд и редкостная амбра, золотые сосуды, наполненные камфорным маслом, другие индийские товары: алойное дерево, клинки из

¹ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 102.

² Там же. С. 102-103.

³ Бейхаки А. История Масьуда. С. 276.

высококачественного металла, наряженные боевые слоны, кони с золотой сбруей и др.¹

Эликхан дружелюбно принял послов в Узгенде и, в свою очередь, послал с ними Махмуду драгоценные подарки: чистое серебро, мускусные благовония, хуттальских коней, гулямов, китайских рабынь, белых соколов, черные меха, китайские драгоценности и прочие вещи.² По итогам этого посольства Махмуд взял в жены дочь Насра, и границей между обоими государствами была установлена река Амударья³.

Тот же Утби сообщает об удивительной церемонии при газневидском дворе с участием послов иностранных государств. Утби сообщает, что Махмуд после одного из своих походов в Индию возвратился с большой добычей. Придя в Газну, Махмуд дал аудиенцию послам иностранных государств и приказал, чтобы добычу, состоявшую из драгоценных камней, рубинов, изумрудов, алмазов и пр., разложили в центре дворца. Послы были удивлены увиденным. Среди послов был также посол Туганхана, владельца Кашгара⁴.

Когда между караханидскими братьями: Туганханом – владельцем Кашгара и Илекханом – правителем Мавераннахра, разразилась вражда, то султан Махмуд принял на себя роль посредника. Он в 1011 – 1012 гг. принял послов обоих государств у себя во дворце⁵. Согласно информации Утби, Махмуд дал послам караханидских правителей торжественную аудиенцию в Газне. Здесь Утби подробно описывает построение гвардии Махмуда во дворце и её блестящие одежды: «Это собрание прошло таким образом: 2 тысячи тюркских гулямов стояли в один ряд в раскрашенных одеждах, 500 гулямов из разных стран в румских одеждах и в поясах, украшенных драгоценными камнями, и с индийскими мечами в золотых ножнах, возложенных на плечо, присутствовали на его аудиенции. Сорок слонов в

¹ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 176; см. также: Муллоджанов С. Духовенство и его роль в социально-политической истории X-XI вв.//Вестник Таджикского национального университета. С. 6.

² Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 176.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. I. С. 334.

⁴ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 202-203.

⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. I. С. 335.

изящно украшенных пополах, оружием и с золототкаными головными повязками, украшенные червонным золотом и камнями, держали для защиты его собрания. Позади обоих рядов держали семьсот шайтанообразных слонов-великанов с румийскими попонами и массу войск – все в золоченых одеждах добровольцев и с шлемами на голове... Впереди султана, словно луна и солнце, стояли хаджибы с вытянутыми руками на рукоятках мечей, охраняющие вход к нему, у которых глаза и уши были сосредоточены на нем»¹. По словам Утби, когда послы увидели дворец, то от его внушительного вида они пришли в изумление. Послы максимально возможно приблизились к трону султана и исполнили обязательное церемониальное поклонение. После этого они были посажены за стол с угощением². Утби сообщает, что перед тронем султана имелись перила и что каждое помещение дворца было наполнено одним из видов драгоценных камней, так что их блеск слепил глаза³. Тот же Утби описывает церемонию питья вина на этом пиру. Согласно словам того же Утби, вино разносили слуги и служанки дворца, они обходили гостей, наливая им из кувшина. На этом пиру послы были опьянены и в конце пира попросили у султана позволения на отъезд, и султан с учётом достигнутой цели дал им разрешение и согласно дворцовому этикету проводил гостей. Таким образом, сообщает Утби, было достигнуто соглашение, что каждый из братьев должен довольствоваться своими владениями⁴.

Дружественные отношения с Караханидами продолжались и при царствовании Масъуда Газневи. Масъуд после коронации в Нишапуре в 1030 г. прибыл в Балх и оттуда направил послов к Караханиду Кадыр-хану, которые должны были заключить договор о дружбе и попросить руки дочери Кадыр-хана для Масъуда и руки дочери Богра-тегина, сына и наследника Кадыр-хана, для сына и наследника Масъуда, Мавдуда. Перед отправкой послов Масъуд направил письмо с гонцом к Кадыр-хану, в котором известил его о своем

¹ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 220.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 221.

⁴ Там же.

вступлении на газневидский престол. Посольство возглавляли Абул-Касим Ибрахим ибн Абдаллах Хусейри и казий Абу Тахир Абдаллах ибн Ахмед Таббани. Законовед Таббани должен был в случае заключения договора привести статьи договора в соответствие с требованием шариата. Перед отправкой эмир Масъуд несколько раз беседовал с послами и объяснял им цель посольства. Послам были даны устные сообщения для Кадыр-хана. Послам были вручены образец письменного договора и дары, которые они должны были доставить Кадыр-хану¹.

По словам Бейхаки, Масъуд перед отправкой дал послу Абул-Касиму Ибрахиму следующие наставления: чтобы, когда он прибудет в собрание хана, передать приветствие путем величания и изъявления почтения. Когда хан согласится заключить обязательства, то посол должен был попросить у хана назначить день для заключения обязательств и попросить, чтобы в ханское собрание явились все вельможи, приближенные великого хана, дяди, братья, его сыновья, казии и улемы. В этот день Абул-Касим Ибрахим должен был прийти вместе с казием Абу Тахиром Таббани и представить в собрании образец письменного обязательства. Если в ходе переговоров предлагаемые Караханидами условия могли нанести ущерб интересам Газневидов, то посол должен был срочно отправить гонцов в Газну и запросить мнение эмира Масъуда. Когда дело с обязательствами разрешится, казий Абу Тахир должен был попросить хана громко прочитать условия и клятвы обязательства при свидетелях. Вельможи должны были свидетельствовать это и поставить подпись под обязательством. После этого Абул-Касим Ибрахим должен был сказать хану о необходимости заключения ещё двух договоров, уже о вступлении в брак: один с султаном Масъудом, а другой – с его сыном Мавдудом. Брачные договоры должны были заключаться на следующий день, и после этого казначеи, отправленные с послами, должны были передать подарки и подношения хану, наследнику престола, матерям обеих наречённых,

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 208-209.

дядям хана, родственникам и свите по отдельности. После завершения дел послы должны были попросить позволения хана на отъезд и взять с собой назначенных Караханидами послов¹.

Со слов того же Бейхаки мы узнали, что послы Масъуда прибывали при дворе Караханидов почти четыре года. Причиной задержки посольства стали смерть Кадыр-хана и восшествие на престол его сына Богра-тегина, которому присвоили почетное прозвище Арслан-хан. После заключения обязательств и брачных договоров Арслан-хан отпустил газневидских послов и вместе с ними отправил в Газну своих послов, которые везли нареченных. Сообщается, что девушка, просватанная за царевича Мавдуда, умерла по пути в Газну. Казий Абу Тахир Таббани также умер, доехав до Первана. Накануне прихода послов Газна была пышно разукрашена. Придя в Газну, посол Абул-Касим тотчас прибыл во дворец султана и отчитался обо всем².

Из рассказа Бейхаки мы смогли получить общую характеристику встречи послов в Газне: «На другой день, - пишет Бейхаки, - в понедельник, когда оставалось восемь дней (месяца) шавваля³, мертебедары, начальник стражи, посольский пристав с заводными конями поехали и привезли ханских послов. Весь город от края до края убрали и украсили и все чин чинном устроили. Завидев послов, их осыпали в Афган-Шали, на площади Расуле и на базарах динарами, дирхемами и всякой всячиной, так что послы остались в изумлении. Их разместили и, приготовив яства, угостили. В час предзакатной молитвы все жены вельмож со слугами отправились встретить нареченную. В Шаджгаве тоже отправился народ большим поездом, так что говорили, такого никто не помнил. Кушк столь красиво убрали, что Ситти Заррин и Анделиб рассказывали, будто никогда эмир такого великолепия не устраивал и не приказывал. Несколько дней город находился в убранстве, раияты ликовали, а знать устраивала разного рода игрища и пиновала, покуда торжество не кончилось. Через некоторое время после того послы несколько раз побывали в

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 209-212.

² Там же. С. 378-379.

³ 9-сентября 1034г.

султанском собрании и были установлены обязательства нашей стороны. По оказании им чести присутствовать на угощениях, пиршествах и играх в човган, послов подобру отпустили обратно в Туркестан, вполне ублаготворив»¹.

В прошлом посольства отправлялись и принимались не только в мирные времена, для разрешения мирных вопросов, но и во время войны для обсуждения вопросов войны и мира. Как известно из источников, вассал Газневидов Хорезмшах Алтунташ по приказу Масъуда Газневи в 1032 г. вторгся в пределы владения Караханидов. Хорезмшах овладел Бухарой, но битва около Дабусии победителя не установила. Тем временем Хорезмшах Алтунташ был смертельно ранен². После этого Али-тегин направил к Алтунташу своего посла. Бейхаки следующим образом описывает церемонию приема посла Али-тегина: «Хорезмшах надел сапоги и шапку и пришел в большой шатер. Стояли гулямы, большая свита и вельможи. Вошел посол и облобызал землю. Его посадили как можно ближе к Хорезмшаху. Начались переговоры о мире»³. Посол Али-тегина предложил Алтунташу отвести войска до Амударьи и для достижения мира между Караханидами и Газневидами быть посредником между Али-тегином и Масъудом. Хорезмшах одобрил мысль посла. Посла увели и разместили в другом шатре, а Алтунташ, посоветовавшись со своими военачальниками, решил принять условия Али-тегина. Он распорядился, чтобы визирь Ахмед ибн Абдассамад проводил посла в обратный путь. Ахмед ибн Абдассамад дал послу прекрасный халат и вознаграждение и отправил его обратно⁴.

Этикет приема и проводов послов соблюдался и при других газневидских эмирах. Даже после того, как Газневиды потеряли свою политическую и экономическую значимость, эмиры Газны посылали со своими послами политическим оппонентам дорогостоящие подарки. Об одном из таких посольств Газневидов ко двору Сельджукидов повествует Муборакшах. По его

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 379.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. I. С. 357-358.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 316.

⁴ Там же. С. 317.

словам, когда Маликшах (1063-1092) собирался в поход на Газну, то эмир Газны Ибрагим (1059-1099) отправил к нему посольство с целью заключения мира. В выборе посла Ибрагим также соблюдал сложившуюся традицию. Его выбор пал на представителя духовенства, некоего Мехтар Рашида. С послом были посланы несколько верблюдов подарков. Из сообщения того же Муборакшаха следует, что в Нишапуре султан Маликшах принял посла сразу по прибытии, так как Муборакшах сообщает о приеме и принятии даров Сельджукидом Маликшахом и далее сообщает, что Маликшах приказал угостить посла Мехтара Рашида и принести фураж для его коней. По словам Муборакшаха, Маликшах на другой день после приема отправил послу Газневидов тысячу нишапурских динаров и прочие нужные для бани вещи¹.

В наставлениях Низам ал-Мулька говорится, чтобы в казнохранилище дворца Сельджукидов постоянно хранилось двадцать наборов особого оружия, целиком изукрашенного драгоценными камнями. Когда прибывали послы иностранных государств, то двадцать гулямов в хороших одеяниях, взяв это оружие, выстраивались в почетный караул вокруг трона султана².

В «Истории Систана» сохранились сведения о прибытии ко двору правителя Систана в 1056 г. послов Сельджукида Дауда. Целью посольства было подчинение Систана Сельджукидам. Согласно названному источнику, послов Дауда встретили в городе и провели до дворца правителя следующим образом: «В тот день их ввели в дом мира Ирташа, находившийся в шахристане Систана на берегу реки Бузбан. По обочине дороги сидели три тысячи мужей в шлемах, латах, кольчугах, наколенниках, со щитами, копьями, пиками, кинжалами...

Как только послы с того берега подошли к реке, к ним подвели суда, и их на судах переправили с берега канала Бузбан в ту часть города на берегу реки Хирманд, которая вела к воротам города. Их встретил хаджиб в сопровождении около пятидесяти конников. И они шли с ними до ворот

¹ Шариф Мухаммад Мансур Муборакшах. Правила ведения войны и мужество. С. 103.

² Низам ал-Мулька. Сиасет-намэ. С. 100.

города шахристана. Когда послы и хаджиб, что пришел с ними с берега, вошли (в шахристан), ворота закрыли и остальных не впустили»¹.

Далее автор «Истории Систана» описывает церемонию встречи с правителем Систана: «Послы направились к августейшему эмиру Абу-л-Фазлю в Обезьяний сад. Он сидел в сводчатой постройке, а перед ним в поклоне (склонились) около ста пятидесяти малолетних гулямов и человек двести из личной гвардии в полном вооружении. Послы вошли и низко поклонились. Когда собрались уходить, рассыпали около тысячи золотых динаров и крупный дорогостоящий жемчуг и ушли. Оставались в доме Ирташа»².

Согласно той же «Истории Систана», до пятницы 18 июня, то есть до проведения церемонии прочтения хутбы на имя Дауда, город был украшен. По пути следования послов до самой мечети было рассыпано множество дирхемов и динаров с чеканом имени Дауда. Когда была прочитана хутба на имя Дауда, то было рассыпано такое множество монет, что из присутствующих в мечети не было никого, кто бы получил менее 20-30 динаров³.

Хорезмшахи имели тесные отношения с Кара-Китаями. Хорезмшахи еще со времён Атсыза (1127-1156) платили дань Кара-Китаям. Но обмен посольствами между этими двумя державами часто приводил к убийству посла и войне. Это прежде всего было связано с тем, что придворный этикет, который соблюдался при дворе Хорезмшахов, веками формировался при дворах мусульманских династий, передаваясь от одной династии к другой, и основывался на религии ислама и восточном гостеприимстве. Послы Кара-Китая, которые не были мусульманами, часто нарушали этот этикет, чего не могли терпеть Хорезмшахи и их двор. Например, когда при Хорезмшахе Текеше (1193-1200) к его двору прибыли послы Кара-Китая с требованием выплаты дани и во время приёма стали вести себя распутно, а посол, который был родственником кара-китайских владык, стал требовать немедленной

¹ Таърихи Систон («История Систана»). С. 354-355.

² Там же. С. 355.

³ Там же. С. 355-356.

выплаты дани, Текеш не смог стерпеть этого и собственноручно прикончил посла, а своим сановникам приказал убить по одному кара-китаю.¹ Во время правления Мухаммада Хорезмшаха, когда в 1209 г. за очередным взносом дани в Гургандж прибыло посольство Кара-Китая и во время приёма глава посольства Туши, нагло нарушая этикет, уселся рядом с Хорезмшахом на султанский престол, Хорезмшах приказал изрубить Туши на куски, перебить всех его спутников и выбросить их тела в реку Джейхун².

Если приём послов Кара-Китаев из-за их незнания или небрежного отношения к дворцовому этикету Хорезмшахов оканчивался враждой двух держав, то в приёме послов монголов, вследствие чего произошла кровопролитная война двух держав, прежде всего были виновны сами Хорезмшахи. Чингисхан отправлял ко двору Хорезмшаха Мухаммада в качестве послов мусульман, выходцев из Хорезма или Мавераннахра. Эта политика Чингисхана объясняется тем, что он с уважением относился к традициям двора Хорезмшахов. Поэтому он отправлял в качестве послов выходцев из Хорезма и Мавераннахра, которые состояли у него на службе и хорошо знали дворцовый этикет Хорезмшахов.

Одно из первых посольств монголов возглавлял выходец из Хорезма Махмуд Ялавач. С ним также прибыли в качестве послов Али Хаджа ал-Бухари и Юсуф Кенка ал-Оттари. Послы прибыли в Самарканд, когда Мухаммад Хорезмшах находился в походе с целью захвата Багдада. После возвращения из похода Мухаммад Хорезмшах принял послов Чингисхана. По словам ан-Насави, послы Чингисхана привезли собой дары, которые были свойственны тюркам. Среди даров были слитки драгоценных металлов, моржовый клык, мешочек с мускусом, куски яшмы и одежды, называемые тарку, которые изготавливались из шерсти белого верблюда. Одежда из этой шерсти, по словам ан-Насави, продавалась за пятьдесят и более динаров. Целью посольства монголов было установление добрососедских и торговых

¹ Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 40; Чувайни А. Таърихи Чахонкушо. С. 13.

² Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 75.

отношений. Во время приёма послов Чингисхана Мухаммедом Хорезмшахом, послы прочли послание Чингисхана к Мухаммаду Хорезмшаху, где он изъяснял свои дружеские намерения об установлении добрососедских и торговых отношений. Так же в этом письме Чингисхан называл Мухаммада Хорезмшаха дорогим сыном, что на языке дипломатии означало, что Чингисхан считает себя выше Мухаммада Хорезмшаха¹.

Мухаммад Хорезмшах, считавший себя вторым Александром Македонским, не смог смириться с тем, что Чингисхан назвал его сыном. Ночью Мухаммад Хорезмшах велел привести Махмуда Ялавача одного, без других послов. В разговоре наедине Мухаммад Хорезмшах предложил Махмуду Ялавачу быть его шпионом при Чингисхане и сообщать обо всех его действиях. По словам ан-Насави, «по доброй воле или из страха он дал согласие». Также Мухаммад Хорезмшах спросил у Махмуда Ялавача о численности войск Чингисхана и о его владениях, на что, конечно, ответы Махмуда Ялавача были ложными. По итогам переговоров на все предложения послов Чингисхана Мухаммад Хорезмшах ответил согласием².

Когда произошел Отрарский инцидент и об этом узнал Чингисхан, он отправил к Мухаммаду Хорезмшаху посла Ибн Кафраджа Богра с требованием выдать ему наместника Отрара – виновника инцидента. Но Мухаммад Хорезмшах не только отказался выдать наместника Отрара, но и приказал обезглавить Ибна Кафраджа и его спутников, после чего война стала неизбежной³.

После завоевания Мавераннахра и Хорезма монголами остатки двора Хорезмшахов перекочевали в Западный Иран, где их столицей стал город Тебриз. В период правления Хорезмшаха Джала ад-Дина послов иностранных государств принимали в этом и в других значимых городах Западного Ирана. Например, в 1226 году посол Египта был встречен в Гяндже. По словам ан-Насави, посол Египта был встречен с почестями и в его честь были устроены

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 77-78.

² Там же. С. 78-79.

³ Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 136.

приёмы и чествования. В Гяндже посол находился около года, и сумма, предоставленная ему за это время, составляла около десяти тысяч динаров. Египетский посол раздавал эти деньги и даже у некоторых купцов взял большую сумму денег взаймы¹.

Также ан-Насави сообщает о приёме послов правителя ар-Рума Ала ад-Дина Кей-Кубада ибн Кей-Хосрова. Среди даров, привезённых послами, были тридцать мулов, полностью нагруженных вьюками с атласом, тканями хатаби, бобрами, соболями и прочим; тридцать или двадцать мамлюков² с лошадьми и снаряжением; сто коней и пятьдесят мулов с седлами. Когда послы явились на приём Хорезмшаха Джалал ад-Дина со всеми дарами и подношениями, то их обязали преподнести их так, как преподносят подвластные эмиры, что не могло не задеть послов. Так, посол ар-Рума Шамс ад-Дин Алтун-Аба должен был встать на колени на месте просителей возле главного хаджиба двора, а затем хаджиб подробно перечислял всё, что было поднесено на глазах у многочисленных людей. Кроме того, просьбе посла о руке дочери Джалал ад-Дина для сына правителя ар-Рума было отказано³.

При дворе Джалал ад-Дина Манкбурны во время его отсутствия иностранных послов принимал его визирь Шараф ал-Мульк. Например, в 1226 году посол ар-Рума по прозвищу Имад ад-Дин был принят визирем Шараф ал-Мульком. Посол был встречен торжественно и через несколько дней принят Шараф ал-Мульком. Посол ар-Рума был одарен визирем Шараф ал-Мульком почётной одеждой, бунчуком, конской сбруей, высокой шапкой, а также тысячей динаров⁴.

В 1229 г. личный секретарь Джалал ад-Дина Манкбурны Шихаб ад-Дин ан-Насави был отправлен послом в Аламут. Об этом более обстоятельно сообщает сам ан-Насави. По его сообщению, в Исфахане, который находился в подчинении Джалал ад-Дина, он был встречен почётным эскортом,

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 173-174.

² Мамлюк - раб

³ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 246.

⁴ Там же. С. 202-203.

состоявшим из правителя, кадия, раиса, эмиров, и многочисленной толпой. Правитель Исфахана отправил ан-Насави с войском в Казвин, который находился по соседству с Аламутом, а из Казвина ан-Насави уже без войска вошёл в Аламут¹.

Сам ан-Насави называет свою миссию миссией демонстративной требовательности. По его словам, султан Джалал ад-Дин перед его отправкой в Аламут поставил условие, чтобы он не входил в крепость Аламут, если его не встретит сам правитель Аламута Ала ад-Дин Мухаммад. Также он не должен был, в нарушение этикета, целовать руку правителю Аламута. Во время переговоров он также должен был нарушить все правила этикета и уважения.² Об этом ан-Насави рассказал правителю Ирака³ Шараф ад-Дину, но тот предостерег ан-Насави от того, чтобы ставить условия о встрече его самим Ала ад-Дином, так как он всё равно бы не вышел и посольство не достигло бы своей цели⁴.

Когда ан-Насави вошёл в крепость Аламут, он был встречен вельможами Аламута во главе с визирем Имад ад-Дином ал-Мухташамом. Встретив ан-Насави, визирь Имад ад-Дин попросил у него послание, чтобы он ответил от имени своего правителя, но ан-Насави отказал ему. Послание было передано правителю Аламута Ала ад-Дину через три дня, во время приёма у него. Этот прием, по словам ан-Насави, произошел ночью на вершине горы. Во время приёма визирь Аламута Имад ад-Дин ал-Мухташам сидел справа от Ала ад-Дина, а ан-Насави был посажен слева. На все разделы послания Джалал ад-Дина отвечал визирь, а Ала ад-Дин, выслушав, повторял, «ничего не прибавляя и не убавляя». В числе требований, содержащихся в послании, было провозглашение хутбы на имя султана Джалал ад-Дина, как это было при Мухаммаде Хорезмшахе, уплата дани в казну Джалал ад-Дина и т.д. По окончании посольства правитель Аламута Ала ад-Дин щедро одарил ан-

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 261.

² Там же. С. 262.

³ Ираком называется западная часть нынешнего Ирана

⁴ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 262.

Насави, причём количество подарков и почётных одежд, которые обычно давались послу, было удвоено. Стоимость всех подарков и денег, полученных ан-Насави, составила около трёх тысяч динаров¹.

По словам ан-Насави, правителем Аламута в качестве посла с ним был отправлен человек по имени Асад ад-Дин Маудуд. Султан Джалал ад-Дин предупреждал ан-Насави, что если правитель Аламута направит с ним этого человека, то следует отказаться и не брать его с собой. Ан-Насави, ссылаясь на слова Джалал ад-Дина, отказывался брать с собой Асад ад-Дина, но всё-таки он был отправлен вместе с ним².

Ан-Насави по прибытии из Аламута в Тебриз был принят Хорезмшахом Джалал ад-Дином. По сообщению ан-Насави, во время его приёма Хорезмшахом присутствовал также посол ал-Малика ал-Ашрафа, правителя Джазиры. По приказу Джалал ад-Дина и в присутствии посла Аламута и при свидетелях деньги и дары, привезённые из Аламута, были продемонстрированы Джалал ад-Дину³.

Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что местные дворы благожелательно относились к иностранному послу, даже если они имели враждебные намерения. Именно поэтому посланники иностранных государств встречались и провожались с большими почестями. Посла иностранного государства встречал эскорт всадников у границы города. Эскорт состоял из религиозных деятелей, военачальников и вельмож. Эскорт сопровождал посла до места, где он проживал до аудиенции у правителя. В установленный день посол в сопровождении главного хаджиба двора удостоивался приёма правителя. Заключенный договор прочитывался в присутствии свидетелей на персидском языке и на языке представляющего страну посла. Межгосударственный договор подтверждался правителем и послом произнесением слов «я слышал». Также заключенный договор подписывался эмиром и присутствующими в знак свидетельства.

¹ Ан-Насави Мухаммад. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны. М., 1996. С. 254-256.

² Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 265.

³ Там же. С. 269.

§3. Церемониал приёма и проводов посланников Аббасидского халифа

В Саманидском государстве в связи с прибытием послов аббасидских халифов город украшался согласно старинной восточной традиции, под копыта лошадей стелили драгоценные материи, и народ бросал монеты прибывшим гостям. У городских ворот встречать послов выезжали военачальники, казии, улемы и факихи.¹ При саманидском дворе имелось специальное помещение для размещения послов иностранных государств, которое называлось дору-р-русул. Это помещение было декорировано и украшено, в нем находились различные сосуды, украшенные драгоценными камнями². В день приема послов саманидским эмиром военачальники и дворцовые рабы выстраивались в великолепии и роскоши. Посол в сопровождении церемониймейстера удостоивался приема правителя. Посол халифа читал письмо только тогда, когда стяг находился в руках знаменосца за его спиной и переводчик переводил прочитанное на персо-таджикский язык³.

На следующий день в диване визирата проводились переговоры с послом, и согласовывался проект договора. В заранее назначенный день во дворце, в присутствии эмира и его приближенных в торжественной обстановке зачитывался проект договора. Договор зачитывался на персо-таджикском и арабском языках. Проект договора устно подтверждался послом (я услышал). Наконец посол и его спутники принимались эмиром, им вручались щедрые дары, и после этого посол мог отправиться в обратный путь⁴.

Послы аббасидских халифов, которые отправлялись в дальние зарубежные государства, в случае, если их путь следования лежал через территорию Хорасана и Мавераннахра, принимались местными правителями и обеспечивались жилищем и продовольствием. Об одном таком посольстве к царю славян сообщает Ахмед ибн Фадлан, который входил в состав

¹ Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ. С. 194.

² Ночӣ М. Фарханг ва тамаддуни исломи дар каламрави Сомониён. С. 287.

³ Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ. С. 194.

⁴ Там же. С.194.

посольства халифа аль-Муктадыра (908-932)¹. Согласно словам ибн Фадлана, когда послы халифа прибыли в Бухару, их принял аль-Джайхони. Его ибн Фадлан называет секретарем эмира Хорасана, и, по его словам, аль-Джайхони в Хорасане был известен как опора государства². В Саманидском государстве ведомство, занимавшееся важными государственными бумагами, а также дипломатическими сношениями с другими государствами, называли **диван амид ал-мульк**.³ В.В. Бартольд считал, что «диван амид ал-мульк» тождествен с диваном «ар-расоил» или «дивани инша». При газневидском дворе начальник «дивани инша» носил титул «Ходжайи амид» и был одним из главных сановников государства⁴.

По поручению Джайхони послам аббасидского халифа приготовили жилище и был назначен человек для услужения им. Через несколько дней Джайхони испросил для послов аудиенцию у саманидского эмира Насра ибн Ахмада. Как пишет ибн Фадлан, придя на прием к Насру, они приветствовали его как эмира, а он приказал им сесть и первым делом стал спрашивать о халифе. После того, как послы дали ему ответы, было прочитано письмо халифа, предназначенное эмиру Насру, в котором он просил Насра способствовать отправке послов в Хорезм. Услышав послание халифа, Наср сказал: «Слушаюсь и повинуюсь тому, что приказал мне мой господин, повелитель правоверных, да продлит Аллах остаток его жизни»⁵. В Бухаре послы аббасидского халифа оставались двадцать восемь дней⁶.

Газневидский двор в период правления Махмуда (998-1030) и Масъуда (1030-1042) имел тесные отношения с халифатом. Периодически из халифата под разными предлогами к газневидскому двору прибывали посольства. Эти посольства были связаны с важными государственными делами. Например, на коронации Махмуда и Масъуда присутствовали послы аббасидского халифа.

¹ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. 2-я книга. С. 51.

⁴ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С.289.

⁵ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. С. 56.

⁶ Там же. С. 57.

Власть этих газневидских правителей зависела от халифа Багдада, и они формально подчинялись халифу¹. Например, Низам аль-Мульк писал, что султан Махмуд после того, как стал эмиром Хорасана, попросил у халифа Багдада аль-Кадыра почётный титул и признания его власти.² По свидетельству Утби³ и Гардизи⁴, халиф Багдада аль-Кадыр прислал Махмуду драгоценный халат, грамоту и флаг и присвоил почетный титул «Яминуддавла и аминулмилла» (что означает: правая рука государства и доверенное лицо мусульманского общества).

О прибытии посла багдадского халифа ко двору Махмуда повествует также и Кей-Кавус, автор трактата «Кабус-намэ». По его словам, султан Махмуд отправил письмо к багдадскому халифу с просьбой, чтобы тот послал ему грамоту на управление Мавераннахром. Это и послужило поводом, чтобы халиф послал посла к Махмуду. По рассказам того же Кей-Кавуса, при приёме посла Махмуд сидел на троне, хаджибы и придворные рабы построились рядами перед его престолом, разъяренных слонов держали у дверей дворца, а также поставили войско, и только потом султан дал аудиенцию послу. Посол, войдя, положил письмо халифа перед султаном Махмудом, а глава дивана переписки Бу Наср Мишкан, взял письмо, чтобы прочесть⁵.

По установившемуся порядку, новый халиф Багдада после официального восшествия на престол посылал к подвластным эмирам послов, чтобы они читали хутбу на его имя. Например, в 1032 году из Багдада в Газну был послан посол по случаю кончины халифа аль-Кадыра и восшествия на престол нового халифа аль-Каима. По приказу эмира Масъуда на границу государства встречать посла выехал Али Микаль - глава области Балха с большой свитой благородных потомков Али, а также казиев, улемов и факихов. Когда посол приблизился к городу, принять его выехали придворная знать и чиновники

¹ Хусенов Ф. Церемониалы встреч и проводов послов аббасидских халифов при Газневидах//Вестник ТГУПБП. -№2(63). Худжанд, 2015. С. 23.

² Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 153.

³ Чурфодиконй А.Н. Тарчумаи Таърихи Яминй. С. 137.

⁴ Гардзей А. Зайн-ул-ахбор. С. 381.

⁵ Кей-Кавус. Кабус-намэ. С. 216.

среднего ранга, которых возглавлял Бу Али, обладатель чина «расулдор»¹. Должность расулдора (посольский пристав) в государстве Газневидов считалась ответственной, он отвечал за организацию встреч и проводов иностранных послов.

Весьма важной дворцовой церемонией считалась встреча послов халифа у дворца в день приёма эмира. По сообщению Бейхаки, для приёма посла аббасидского халифа всё было приготовлено заранее. На рассвете 19 декабря 1031 г. четыре тысячи дворцовых гулямов были построены по обе стороны дворца. Две тысячи из них были в двурогах шапках, дорогих поясах и с серебряными булавами. Остальные две тысячи были в четверёхперых меховых шапках, с поясом, повязанным на чреслах, с саблей, колчаном и налучником у пояса. Все гулямы имели в руках лук и три стрелы и были одеты в кофтаны из шуштарского шёлка. По сторонам суффы², ближе к эмиру, были размещены триста гулямов-телохранителей, в ещё более дорогих одеяниях, в двурогах шапках, золоченых поясах, с золотыми булавами. Все придворные вельможи, правители областей и хаджибы были в двурогах шапках и золотых поясах. Снаружи дворца стояли чиновники среднего ранга. Там же стояли войска с оружием и слоны в доспехах и покрывалах из разноцветного шёлка, с балдахинами и в броне. Они стояли напротив друг друга, чтобы пропустить посла между ними. Посольский пристав, направившись к послу, посадил его на коня и привёз к дворцу. Когда посол приблизился к дворцу, раздался рев рогов, бой барабанов и слоновых чаш³.

Церемониал приёма посла халифа также проходил весьма пышно. Бейхаки пишет, что «Эмир, да будет им доволен аллах, был на престоле перед суффой. Халифский посол произнес приветствие; одет он был в черное. (Ему) ответил досточтимый ходжа Ахмед, сын Хасана. Кроме него никто не сидел перед эмиром - все прочие стояли на ногах. Хаджиб Бу Наср взял посла под руку и

¹ Байхақӣ А. Таърихи Байхақӣ (на перс. яз.). С. 291.

² Суффа – род вестибюля или крытого сверху и открытого спереди портика.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 274.

посадил»¹. После обмена любезностями посол халифа следующим образом вручил эмиру Масъуду послание халифа: «Посол поднялся, поднес к престолу послание, завернутое в черный шелк, вручил эмиру, отступил назад и сел, на то же место, где его посадили. Эмир подозвал Бу Насра, тот подошел к престолу, принял послание, попятился назад и остановился лицом к престолу. (Затем) он развернул обертку и прочитал (громким голосом) послание. Когда он кончил, эмир сказал: «Прочитай перевод его, дабы всем было ясно». (Бу Наср) прочитал по-персидски... Посла отпустили и с почестями проводили домой»².

По обычаю эмир должен был провести также обряд оплакивания умершего халифа. Обряд проводился в соответствии с канонами ислама в течение трёх дней. На три дня закрывались базары, и временно не работали диваны. В течение этих трех дней эмир и все его родичи, свита и хаджибы приходили на обряд оплакивания в белых одеждах. Посла тоже приводили ранним утром, и поздним утром, когда эмир поднимался, провожали домой. Жители города тоже толпами посещали обряд оплакивания³.

После проведения обряда оплакивания хутбу читали уже на имя нового халифа. Этот ритуал проводился в первую пятницу после проведения обряда оплакивания, и в нем участвовал посол аббасидского халифа. Ради этого дня украшали город, в особенности дорогу для следования эмира, посла и других приближенных в соборную мечеть. Во время следования эмира и посла по дороге населению запрещалось разговаривать и подавать голос. Каждое сословие населения должно было сидеть на своем месте⁴.

Бейхаки обстоятельно описывает порядок следования эмира Масъуда, аббасидского посла и других по улице, ведущей к соборной мечети. По его словам, эмир Масъуд выехал из дворца поздним утром. Перед ним следовали пешими четыре тысячи гулямов, следом за ними – военачальник Бектугды, за

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 274.

² Там же. С. 274-275.

³ Там же. С. 275.

⁴ Там же,

ним гулямы-телохранители несли знамя Масъуда, за ними двигались чиновники среднего ранга. За ними следовал старший хаджиб с другими хаджибами. За эмиром следовал визирь Ахмед ибн Хасан с придворной знатью, а за ним – правитель Балха Али Микал с балхскими факихами, улемами и заимами. Аббасидский посол следовал по правую руку от Али Микаля¹.

Здесь же Бейхаки подробно описывает обряд чтения хутбы на имя нового халифа, проведённый в соборной мечети Газны: «Когда эмир вошел в мечеть, он сел под минбаром, а минбар весь был окутан золототканой парчой. Сел и досточтимый ходжа и придворная знать. Али Микал с халифским послем сели поодаль. Хатиб совершил обряд чтения хутбы и сотворил молитву. Когда он кончил, и все успокоились, явились султанские казначеи и положили у подножия минбара десять тысяч динаров в пяти шелковых мешках, как подарок халифу. Вслед за этим стали приносить еще подарки для царевичей, эмиров-сыновей, для великого ходжи, для старшего хаджиба, а потом и для других и объявляли: «Подарок такому-то! Подарок такому-то!» - и складывали, покуда не сложили много золота и серебра»².

По устоявшейся традиции багдадского двора, новый халиф должен был признать власть эмира и послать со своим послем в другой раз свою грамоту на управление восточными областями халифата. Эмир Масъуд в свою очередь должен был написать обязательство по образцу договора, который привез с собой посол халифа. Составленный список с обязательствами должен был быть прочитан в присутствии свидетелей, то есть придворных. У Бейхаки мы находим описание этого церемониала: «В четверг, в половине месяца мухаррама, позвали казиев, балхских вельмож и сейидов. По окончании приема их представили перед лицо эмира. Явился и Али Микал. Посольский пристав привез посла. Присутствовали великий ходжа, ариз, Бу Наср Мишкан, старший хаджиб Бильга-тегин и хаджиб Бектугды. Сначала наставник мой

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 275-276.

² Там же. С. 276.

составил присяжную грамоту по-персидски - изложение просто как шелк,- в ней он предусмотрел все условия и доложил послу. Арабский (список) Бу Наср вручил послу, чтобы тот смотрел (в него), а (сам) громким голосом стал читать (персидский), так чтобы присутствующие слышали. Бу Наср прочитал целиком и арабский список. «Я слышал,- промолвил эмир,- и содержание его мне ясно. Подай мне персидский список». Бу Наср ему подал. Эмир Масъуд начал читать...Затем принесли царский чернильный прибор, и эмир собственноручно подписал арабское и персидское обязательства, то, которое привезли из Багдада, и то, что составил мой наставник. Из посольского дивана принесли и поставили другой чернильный прибор, и великий ходжа с присутствующими в знак свидетельства (тоже) поставили свои подписи. Салар Бектугды не умел писать, за него подписался Бу Наср.»¹.

По обычаю двора перед отъездом посла в последний раз принимал эмир: «В субботу, двадцатого числа месяца мухаррама, привезли посла, вручили (ему) великолепный халат, какой дают ученым юристам, и к нему золотую сбрую в пятьсот мискалов, мула и двух лошадей, и отпустили обратно. Следом за ним повезли к нему то, что предназначалось халифу, (а также) сто тысяч дирхемов наградных и двадцать одежд дорогих послу. Великий ходжа от себя отправил ему мула с попоной и покрывалом, пятьсот динаров и десять штук тканей. Наставник мой ходжа Бу Наср передал послу через посольского пристава ответное письмо, и посол выехал из Балха в четверг, двадцать второго числа месяца мухаррама»².

Бейхаки в своей летописи сообщает также о втором визите посла халифа ал-Каима - Бу Бекра Сулеймани, который привез на этот раз жалованную грамоту халифа на имя султана Масъуда. На этот раз посла халифа приняли в Нишапуре 24 марта 1032 г. У ворот города встретить посла по обычаю выехали нишапурские факихи, казии и вельможи. Дорога, по которой должен

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 277-278.

² Там же. С. 279.

был следовать посол, была украшена, а базары были засыпаны дирхемами, динарами, сахаром и всякими диковинками¹.

Разместив посла халифа, его угостили яствами и, по обычаю, дали десять тысяч дирхемов на баню.² По замечанию историка С. Муллоджона, поскольку в средние века традиция ходить в баню была широко распространена в городах Хорасана и Мавераннахра, возможно, поэтому гостю по приезде в город давали дар, который называли «сими гармоба» - «серебро бани», чтобы он помылся после дороги³. После недели отдыха посла принял султан Масъуд. У Бейхаки мы находим описание порядка следования посольской свиты аббасидского халифа к резиденции султана: «Посла и слугу (халифа) посадили верхом, а халифские дары в сундуках навьючили на мулов. Во главе казначейские помощники вели в поводу восемь оседланных лошадей с золотыми сбруями и седлами; свернутый стяг в руках одного всадника и жалованную грамоту и послание в руках другого всадника держали, как полагалось, перед послом, а впереди них хаджибы и мертебедары. Раздались звуки рогов и барабанов и поднялись клики...»⁴.

И на этот раз посла аббасидского халифа приветствовал сам эмир Масъуд: «Посла и слугу (халифа) спешили и ввели к эмиру. Посол приложился к руке, слуга облобызал землю и оба стали на месте. «Как поживает государь, повелитель верующих?» - спросил эмир. «Он в полном здравии и благополучии, все дела (его) в согласии с желанием и он доволен великим султаном, долгая жизнь ему, (который) для него - опора величайшая» - ответил посол. Хаджиб Бу Наср взял посла под руки и подвел его от середины суффы к престолу и усадил. В этой суффы сидели (только) сипахсалар Али Дая и ариз; везира ведь небело...»⁵.

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 332-333.

² Там же. С. 333.

³ Сайфуллохи Муллоchon. «Таърихи Масъуди» -и Абулфазли Бейхаки. Муруре пиромуни сохтори идорию русумоти дарбори Ғазнавиён. С. 198.

⁴ Бейхаки А. История Масъуда. С. 333.

⁵ Там же,

Далее Бейхаки описывает церемонию принятия жалованной грамоты и даров от аббасидского халифа: «Эмир, да будет им доволен Аллах, сделал знак Бу Насру Мишкану, мол, надо принять жалованную грамоту и послание. Бу Наср вышел из ряда и сказал послу по-арабски, чтобы он встал и жалованную грамоту, завернутую в черный шелк, поднес эмиру и положил на престол. Бу Наср принял (ее), отошел в сторону и остановился. Посол, стоя, сказал султану: «Ежели (государь) соблаговолит, пусть сойдет с престола, дабы в добрый час надеть на себя халат повелителя верующих». «Постелите мусаллу!»- велел (государь). Оружничий, державший при себе мусаллу, постелил. Эмир обратился лицом к кибле; затрубили в золотые рога, которые держали на середине сада. Звуки их смешались со звуками других рогов, и поднялся рев, а у дворца забили в литавры и заиграли на рогах и слоновых зеркалах. Подбежал Бильга-тегин и другие хаджибы и, взяв эмира под руки, (помогли) сойти с престола. (Эмир) сел на мусаллу. Посол потребовал сундуки с дарами, (их) принесли. Вынули семь фередже, одно из них было черного цвета, а прочие разные из багдадских тканей. Эмир приложился к ним устами, исполнил два ракаата молитвы и взошел на престол. Поднесли венец, осыпанный самоцветными камнями, ожерелье и перчатки, (тоже) украшенные (самоцветами), поцеловали их и положили на престол по правую руку от эмира. Свернутую чалму поднес слуга. Эмир приложил ее к губам и, сняв шапку, возложил ее на голову, правой рукой подержал стяг, подвесил меч на перевязи, (затем) поцеловал и отложил в сторону»¹.

В заключение было прочитано послание халифа: «Бу Наср прочитал послание и перевел его на персидский язык, прочитал и жалованную грамоту. Начали осыпать деньгами, так что середина суффы стала золотой от рассыпанных монет, а середина сада - серебряной от кошельков. Посла повезли обратно, кидая (в народ) ценные вещи, так что не было им предела. В час предзакатной молитвы посол прибыл домой в великом благолепии.

¹ Бейхаки А. История Масьюда. С. 334-335, о принятии посла халифа в 1032 г. в Нишапуре смотрите также: Халили Х. Салтанати Ғазнавиён. С. 166.

Несколько дней подряд непрерывно продолжалось ликование и музыка. Веселились и ликовали и ночью и днем. Ни в какие времена никто подобного не запомнил»¹.

Если предыдущие династии продолжали традиционные дружеские отношения с халифатом, получая от халифа признание, и тем самым религиозно легитимизировали свою власть, то Хорезмшахи проводили враждебную политику по отношению к Багдаду. Лишь Хорезмшах Атсыз (1127-28-1156) для получения независимости от Сельджукидов поддерживал дружеские отношения с халифатом и даже удостоился признания своей власти Багдадом. Но его преемники, особенно Текеш (1193-1200) и Мухаммад (1200-1220), вели враждебную политику по отношению к Багдаду. Например, когда в 1194 г. Хорезмшах Текеш завоевал Западный Иран, халиф отправил к нему послом своего визиря, который был изгнан войсками Текеша. Мухаммад Хорезмшах требовал от халифа ан-Насира признания его светским владыкой всего мусульманского мира и оглашения в столице халифата хутбы с его именем, как это было при Сельджукидах².

Во время царствования Хорезмшахов в честь прибытия посла аббасидского халифа торжества не устраивались, как это было во времена предыдущих династий. Например, ан-Насави сообщает о прибытии посла халифа, о котором ему рассказал посол Хорезмшаха кадий Муджир ад-Дин Умар ибн Саъд ал-Хорезми, которого в своё время Мухаммад Хорезмшах несколько раз посылал послом в Багдад. После его очередного его посольства, когда в Багдаде отказались выполнить требования Мухаммада Хорезмшаха, в качестве ответного посла его сопровождал шейх Шихаб ад-Дин ас-Сухраварди, который должен был удержать Хорезмшаха от его намерений. Сообщая о том, как не по достоинству был принят аббасидский посол Шихаб ад-Дин ас-Сухраварди, ан-Насави приводит слова кадия Муджир ад-Дина: «...когда тот прибыл к султану, то его высокое положение и значение, его

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 335.

² Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 55; Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 82.

превосходство над шейхами века по его достоинствам требовало, чтобы он был отмечен (большим) уважением и почётом по сравнению с другими послами, прибывшими к султану от имени дивана». Но Шихаб ад-Дин стоял во дворе, ожидая приёма. По разрешению Хорезмшаха аббасидский посол вошёл на приём. После прений аббасидский посол предложил рассказать хадис, как этого требовал тогдашний обычай. Мухаммад Хорезмшах разрешил ему это, и, чтобы выслушать хадис, опустился на колени. Но даже после того, как послом был рассказан хадис, Хорезмшах всё же остался при своём мнении¹.

Мухаммад Хорезмшах искал повода для войны с халифатом. Он в 1212 г. собрал улемов и имамов Хорезма и получил фетву на низложение Аббасидов и назначение халифом потомка Али ибн Абу Талиба – Ала ал-Мулка ат-Термизи².

Осенью 1217 г. Мухаммад Хорезмшах начал поход на Багдад. Когда халиф ан-Насир узнал, что Хорезмшах уже достиг Хамадана, он попытался приостановить поход посредством переговоров и снова отправил шейха Шихаб ад-Дина ас-Сухраварди послом к Хорезмшаху. Во время приёма послу халифа не было оказано надлежащих почестей. Ас-Сухраварди рассказал о своем посольстве следующим образом: «Меня пригласили, и я прибыл к огромному навесу (хайма) с дихлизом (галереей), подобного которому нет во всем мире, и который был украшен атласом и парчой. В дихлизе этом согласно рангам стояли владыки (мулук) Аджамы: владетели Хамадана, Исфахана, Рея и другие. Отсюда я прошел под другой шелковый навес, в дихлизе которого стояли владыки Хорасана: Мерва, Нишапура, Балха и другие. Затем я прошел под третий навес, в дихлизе которого стояли владыки Мавераннахра. Затем мы прошли к Хорезмшаху, который находился в огромном золоченом шатре (харгях мин захаб). Над ним была завеса (сиджаф), отделанная драгоценными камнями. Он молод, с бородой и сидит на простом троне. На нём был бухарский кафтан (каба бухари), стоивший пять дирхемов, на голове меховая

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 55-56.

² Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). С. 85; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I, книга вторая. С. 186.

шапка стоимостью в дирхем. Я приветствовал его, но он не ответил мне и не приказал мне сесть. Я дал о себе знать и произнёс известную проповедь, в которой упомянул о достоинстве рода ал-Аббаса и охарактеризовал халифа как (человека) воздержанного, благочестивого, праведного и набожного, а переводчик переводил мои слова. Когда я закончил, он сказал переводчику: «Скажи ему, что тот, которого он описывал, находится не в Багдаде. Вот я прибуду туда, и тогда такой там будет!»¹.

Последний представитель династии Хорезмшахов, Джалал ад-Дин Манкбурны, приложил все усилия, чтобы наладить отношения с халифатом. К этому его подтолкнула беда, которая постигла государство Хорезмшахов, а именно – нашествие монголов. Потеряв Хорезм, Мавераннахр, территорию нынешнего Афганистана и Хорасан, Джалал ад-Дин направился в Багдад с мыслью о том, что халиф ан-Насир поможет ему в войне против монголов. Но халиф ан-Насир помнил обиды, нанесённые ему отцом и дедом Джалал ад-Дина, и поэтому направил против Джалал ад-Дина 20-тысячную армию². После многолетнего обмена посольствами в 1030 г. власть Джалал ад-Дина была признана халифом, в честь которого был проведен специальный церемониал облачения в почётные одежды, посланные халифом, как это делалось во времена предыдущих династий.

После того, как Джалал ад-Дин получил от послов халифа почётные одежды и диплом о признании его власти, он сопровождал их двумя послами со своей стороны, которые должны были выразить благодарность за преподнесенное. В качестве даров Джалал ад-Дин послал с ними татарских коней. На обратном пути послов Джалал ад-Дина сопровождали послы халифа. По словам ан-Насави, послы прибыли, когда Хилат был завоёван, и в это время в городе не было никаких припасов. Поэтому двор Джалал ад-Дина в течение долгого времени не смог бы справиться с обязанностями гостеприимства. Поэтому Джалал ад-Дин принял послов раньше времени и через неделю

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I, книга вторая. С. 85-86.

² Там же. 241.

позволил им выйти в обратный путь. По приказу султана Джалал ад-Дина послам было выдано из казны две с половиной тысячи динаров¹.

Особое отношение местных дворов к послам аббасидских халифов объясняется тем, что в рассматриваемый период Багдад считался центром мусульманской культуры и политики Востока. В этот период, как бы ни была ослаблена светская власть аббасидских халифов, всё же они сохраняли религиозное влияние на мусульманских правителей Востока. Ведь именно после признания аббасидскими халифами власти правителей Мавераннахра и Хорасана их власть получала политическую и религиозную легитимность. В рассматриваемый период знаки почтения, выказывавшие правителями Мавераннахра и Хорасана халифу в лице его посла были направлены не столько как на сюзерена, сколько на религиозному главу мусульман.

Как уже было упомянуто в предыдущем параграфе, послы встречались эскортом, состоявшим из религиозных деятелей, военачальников и вельмож. Эскорт сопровождал посла до места, где он проживал до его приёма правителем. Приём посла аббасидских халифов происходил торжественно. В день приёма посла сажали на коня, а привезённые им подарки везли за ним на мулах. Правители посредством торжественной встречи демонстрировали своё уважение гостю. Посланное своим государем письмо посол, как правило, передавал через хаджибов. Заключённые межгосударственные договоры зачитывались в присутствии свидетелей как на персидском языке, так и на языке представляющего посла. Договор подписывался правителем, послом и некоторыми присутствующими.

¹ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 253-254.

ГЛАВА III

ЦЕРЕМОНИАЛ КУЛЬТУРНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО (СВЕТСКОГО) ХАРАКТЕРА

§1. Традиции устройства дворцовых пиршеств

Дворцовые пиршества с древних времен считались одной из традиционных форм общения правителя с придворными вельможами, феодалами государства, а также людьми искусства. Часто встречающиеся в рассматриваемый период термины, связанные с пиршеством, например базм, в Толковом словаре таджикского языка, а также в словаре «Бурхони Котеъ» трактуется как «пиршество, собрание, торжественное угощение с приглашением певцов, музыкантов, танцоров». Другой термин, «базмгох», в упомянутых словарях определяется как «место, где совершались пиршества»¹. Что касается термина «Базмсоз» то он определяется как «устроитель этого пиршества»².

Порядок проведения пиршеств в разные времена зависел от господствовавшей религии. Например, по словам Табари, при Сасанидах запрещалось разговаривать во время трапезы. По установленному этикету, участники пира лишь по завершении трапезы могли общаться друг с другом. Такой этикет двора Сасанидов тот же Табари связывает с установлениями зороастризма³.

Известный искусствовед Л.К. Айни на основе материалов миниатюры «Шахнаме» Фирдоуси разделила порядок проведения пира при дворе Хосрова Ануширвана (531-572) на семь этапов. Дискуссии на этих пирах также начинались после трапезы. Тему для дискуссии предлагал Ануширван. На

¹ Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. Душанбе, 2008. С. 120; Мухаммадхусайни Бурхон. Бурхони Котеъ. Ҷилди 1. Душанбе, 1993. С. 180.

² Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. С. 120.

³ Балъамӣ А. Таърихи Табарӣ. Ҷилди 1. С. 620-621.

каждом из этих пиров обсуждалась отдельная тема, предложенная царем, и всё завершалось славословием в адрес царя¹.

Аналогичные пиры устраивались и при первых мусульманских эмирах Хорасана и Мавераннахра. Историк аль-Джахиз сообщает об одном из пиров, устроенном по повелению правителя Хорасана Кутейбы ибн Муслима (705-715). Согласно его словам, Кутейба после очередного набега на один из городов Хорасана возвратился с большой добычей и ему захотелось продемонстрировать награбленную добычу своим приближенным. Для этой цели он пригласил ко двору людей с окраин государства, а также приказал разбить парадные палатки и выставить там самые драгоценные из награбленных вещей. В день приема во дворе лагеря были установлены казаны такой большой величины, что поварам приходилось взбираться на них с помощью лестниц².

По сообщениям историка Бейхаки, во время правления династии Саффаридов (873-900) функции устроителя пиров исполнял главный хаджиб двора. Он же занимался приглашением гостей. Торжественная трапеза обычно проводилась после завершения приема. Тот же Бейхаки сообщает об устроенной Амром трапезе по случаю кончины его сына. По его словам, для угощения на этом пире были зарезаны три тысячи барашков и устроено большое угощение. Бейхаки добавляет, что на этих поминках пили вино и играли музыканты. По обычаю двора, в конце пира правитель держал речь перед гостями³.

Такие дворцовые торжества проводились также при дворе Саманидов. На эти торжества приглашались певцы, музыканты, дворцовые надимы рассказывали разные легенды, анекдоты, играли в нарды, шахматы. Придворные пиры часто заканчивались винопитием. При дворе Саманидов

¹ Айни Л.К. Базмы во время Хосрава Ануширвана по данным «Шах-наме»//Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. Душанбе, 1990. С. 120-121.

² Аль-Джахиз. Книга о скупых. Ибн Абд Раббихи. Чудесное ожерелье. С. 405.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 421.

существовала должность виночерпия двора. Он был ответственным за раздачу вина гостям¹.

Данный ритуал прекрасно воспет в стихах Рудаки. Рудаки, будучи не только придворным поэтом, но и одним из личных надимов Саманида Насра ибн Ахмада (914-943), являлся постоянным гостем на придворных пирах. Сам Рудаки в одном из своих стихов пишет о том, что он был постоянным гостем придворных пиров эмира². Востоковед Аьлохони Афсахзод на основе изучения стихов Рудаки восстановил картину проведения пиров при дворе Саманидов. Вино, который пили на таких пирах, имело многолетнюю выдержку, и во время пира кравчий двора, набрав вино в ковш, который был сделан из тыквы, приносил его в помещение, где проводились дворцовые пиры. Кравчий наливал вино гостям в хрустальные, золотые и серебряные кубки. Гости двора выпивали вино под музыкальные мелодии³. Подчеркивается, что на дворцовых пирах знать и вельможи во время питья вина соблюдали этикет, согласно которому бокал вина держали на раскрытой ладони⁴.

Об этикете питья вина, соблюдавшемся при дворе Саманидов, Рудаки писал с особым красноречием. Он изложен в его стихах «Мать вина». По свидетельству Рудаки, вино, которое кравчий подносил гостям, хранилось много лет. Согласно словам Рудаки, кравчего выбирали из слуг тюркского происхождения⁵. Как уже было сказано выше, гуляму на шестом году службы выдавали одежду анван и присваивали чин кравчего двора, а также давали кубок как признак этого чина⁶. Питье вина сопровождалось музыкой и пением. Как следует из слов Рудаки, музыканты играли на барбате, арфе, фуьаде, чанге, флейте и прочих музыкальных инструментах. По этикету придворного

¹ Ночй М. Фарханг ва тамаддуни исломи дар қаламрави Сомониён. С. 291.

² Афсахзод А. Одамушшуаро Рудаки. С. 219.

³ Там же. С. 286.

⁴ Там же. С. 288.

⁵ Таърихи Систон («История Систана»). С. 304-305.

⁶ Заходер Б.Н. Примечания//Сиасет-намэ. С. 327.

вынопития, первым тост произносил эмир, взяв в руки бокал вина, а следом за ним выпивали и другие¹.

Согласно дворцовому этикету, изложенному в стихотворении «Мать вина» Рудаки, во время дворцовых пиров каждый усаживался в соответствии с его чином. Рудаки пишет, что в первом ряду сидели эмиры с визирем Балъами, а в другом – люди благородного происхождения во главе с дехканином по имени Пир Салих. Эмир Нух ибн Наср (914-943) восседал на троне, на особо почетном месте, а перед ним тысячи тюрок выстраивались в почетный караул².

На пиршестве придворные поэты читали свои стихи, за что получали от эмира вознаграждение. Например, стихотворение «Мать вина» было написано по просьбе Насра ибн Ахмада и прочитано самим Рудаки во время дворцового пира. По сообщению безымянного автора «Истории Систана», в этом стихотворении поэт описал реальную сцену дворцового пира³.

Согласно словам Низам ал-Мулька, такие торжества зачастую устраивались также и для дворцовых войск. Для этого главный военачальник просил разрешения у саманидского двора. После трапезы, согласно информации Низам ал-Мулька, военные «отправлялись в собрание вина». Пир протекал в другом помещении дворца. По установившемуся обычаю, виночерпий наливал по три-четыре чаши вина⁴.

На постсаманидском пространстве некоторые правители полунезависимых владений имели обычай у себя во дворце устраивать пиры. Например, правитель Хорезма Абу-л-Аббас Маъмун, номинально признававший власть Махмуда Газневи (998-1030), имел обычай приглашать на свои пиры самых именитых родичей, свитских, надимов и царевичей рода Саманидов, которые находились у него во дворце. Также на пиры с почестями привозили послов, прибывавших из разных стран, и усаживали за отдельный

¹ Таърихи Систон («История Систана»). С. 305.

² Там же. С. 305.

³ Там же. С. 303.

⁴ Низам ал-Мулька. Сиасет-намэ. С. 214.

стол для почетных гостей. Во время питья вина, когда эмир брал в руки третью чашу, он вставал, вставали и все присутствующие, вспоминал эмира Махмуда и снова садился. Другие должны были стоять, соблюдая этикет, пока Хорезмшах не одаривал каждого, а получившие дары должны были лобызать землю и продолжать стоять, пока Хорезмшах не давал знак сесть. После этого появлялся служитель двора, и следом за ним доставляли вознаграждение для музыкантов и певцов: каждому дорогого коня, дорогую одежду и кошелек с двумя тысячами дирхемов¹.

По обычаю чаганианского правителя, каждый весной проводилось клеймение жеребят. По этому поводу правитель устраивал особые пиры, на которых присутствовали поэты, певцы и музыканты. По свидетельству Низами Арузии Самарканди, на одном из таких пиров, после церемонии питья вина, поэт Фаррухии Систани прочел касыду, посвященную этому торжеству, за что правитель Чаганиана позволил поэту из десяти тысяч имевшихся у него жеребят взять столько, сколько он сможет поймать. Поэт бросился за жеребятами, но не смог поймать ни одного жеребенка. В конце концов он загнал жеребят в одно из разрушенных помещений, и заснул в сенях, положив под голову чалму. Пересчитали жеребят, их оказалось сорок два, и они все по приказу правителя Чаганиана достались поэту².

Степень пышности при проведении пира во все времена зависела от социально-экономического положения государства. Это отчетливо прослеживается на примере государства Газневидов. При первых правителях: султана Махмуде (998-1030) и его сыне султана Масъуде (1030-1042), когда газневидская держава достигла высокой степени могущества, газневидский двор каждый день устраивал помпезные пиры. Об этом свидетельствуют сообщения историков, а также стихи придворных поэтов. Один из упоминавшихся поэтов газневидского двора, Фаррухии Систани, в одной из своих газелей воспел сад султана Махмуда, где проводились такие пиры. Из

¹ Хусенов Ф. Традиции устройства торжественных пиршеств в феодальных дворах в X-XII вв.//Сохибхирад. Хучанд: Меъроҷ, 2015. С. 367.

² Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы. С. 70-71.

слов поэта мы узнаём, что этот сад находился в городе Балхе. В середине сада располагался дворец. Недалеко от дворца протекал ручей. Недалеко находилась глубокая река. На берегу реки располагалось помещение, где после трапезы султан Махмуд со своими гостями пил вино¹.

Приглашённые на пир гости рассаживались по чинам. Фаррухии Систани в одном из стихов пишет, что на пирах одни группы гостей сидели впереди, поближе к султану, а другая группа всю ночь пировала стоя². В рассматриваемый период истории при дворах правителей во время пира имели право, садиться только те, кто имел высокий чин.

О дворцовых пирах, устраиваемых султаном Махмудом, сообщает также Низам ал-Мульк. По устоявшемуся обычаю, на пирах выпивалось много вина. По этикету, никто не воздерживался от питья вина. В период правления династии Саманидов возникла дворцовая должность мухтасиба. Мухтасибы были обязаны следить за нравственностью и соблюдением религиозных обязанностей мусульманами, в том числе и придворными. По сообщению Низам ал-Мулька, однажды один из надимов султана Махмуда, после пира ушел из дворца ранним утром в пьяном виде, в сопровождении своих слуг и гулямов и встретился с мухтасибом. Мухтасиб, увидев его пьяным, велел снять надима с коня и начал его бить³.

Этот пример наводит нас на мысль, что мухтасиб не мог участвовать в подобных пирах, где пили вино. Однако, по словам Низами Арузии Самарканди, в этих пирах участвовали и мухтасибы. По его свидетельству, на одном пиру, когда султан Махмуд находился под воздействием вина, он обнял служанку, на что услышал упреки от мухтасиба. После этого султан Махмуд дал служанке нож и велел наполовину обрезать свои кудри⁴. Этот рассказ свидетельствует о том, что мусульманским султанам было всё дозволено.

¹ Девони хахим Фарухии Систонӣ. С. 54-55.

² Там же. С. 224.

³ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 48.

⁴ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. С. 65.

В упомянутых дворцовых пирах непременно участвовали поэты. Они своими лирическими стихами задавали тон дворцовым торжествам. Знаток поэзии XI в. А. Абдуллаев, описывая участие придворных поэтов в пирах султана Махмуда и султан Масъуда, пишет следующее: «Званные вечера и пиршества, которые часто проводились при дворе Махмуда и Масъуда, не обходились без участия поэтов, чтения стихов и пения песен. По таким случаям поэты сочиняли и читали стихи, где воспевали пир султана, вино, виночерпия и т. п. В такие времена поэты экспромтом читали стихи и показывали свои остроумие и находчивость перед присутствующими»¹.

Как уже упоминалось, на пиру к питью вина приступали только после трапезы, перейдя в другую комнату. Питье вина имело определенные правила, которые соблюдались во время больших торжественных пиршеств. Вино наливалось в большую чашу, и первым из нее пил сам эмир, а после него поочередно гости. Данное правило стало темой одной из газелей Фаррухии Систани².

Историк газневидского двора Бейхаки описывает другой случай питья вина при газневидском дворе. По свидетельству Бейхаки, на одном из пиров, устроенном в саду под названием «Фирузи» 20 сентября 1040 г., вино всем наливали поровну, в том числе и эмиру Масъуду. Причем каждый должен был пить вино до потери рассудка или истощения. По словам историка, на этом пиру все гости были либо истощены, либо потеряли рассудок, и их увезли по домам, а эмир Масъуд остался один и выпил двадцать семь сатгинов³.

По сообщениям того же Бейхаки, газневидские эмиры иногда начинали пир с самого раннего утра. Некоторые вельможи ранним утром посылали эмиру цветы из своего сада, а следом сами являлись на ежедневный утренний

¹ Абдуллоев А. Адабиёти форсу тоҷик дар нимаи аввали асри XI (Доираи адабии Ғазнин). С. 19.

² Девони ҳаким Фарухии Систонӣ. С. 37 и 141.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 579-580; Если следовать таблице мер и весов, приведённой ибн Синой в конце книги V «Канона врачебной науки», то обычный мен равен 680 граммам, следовательно, сатгин в полмена вмещал в себя около 340 граммов.

поклон. После завершения обряда поклонения эмир садился за стол с вельможами для трапезы¹.

Особые даты в жизни двора тоже не отмечались без застолья и веселья. Например, по словам Бейхаки, по случаю сдачи в эксплуатацию дворца в Газне с необыкновенным золоченым тронem и свисающей на цепях короной в 1038 г. был устроен пир. На этом пиру придворные были усажены внутри дворца, а военные – снаружи. Как всегда, и на этой церемонии музыканты играли, а певцы пели. После церемонии питья вина все расходились опьяневшими. Султан Масъуд после этого пира перешёл в сад и там вместе с надимами ещё устроил пир².

В рассматриваемый период истории пиры устраивались непосредственно при дворе, они проводились с участием дворцовой знати и надимов. Напомним, что должность надима появилась ещё в древнем Иране, несколько позже она была перенята монархами Рима. В Древнем Риме они назывались «друзья императора» и разделяли с императором трапезу и вместе выпивали. Арабы после завоевания Ирана и перенесения столицы в Багдад переняли у иранского двора должность надима. Например, халиф Маъмун (813-833) поручил дворцовым служащим представить ему список лиц, которые заслуживали должности надима. В соответствии со вкусами халифа, в эту группу входили литераторы, учёные, люди широкого кругозора, а также военные³. О необходимости иметь при дворе хорошего надима писал в своё время Низам ал-Мульк. Должность надима существовала при дворе халифов Багдада. Газневиды восприняли эту должность от Саманидов. При саманидском дворе имелся штат надимов из 20 человек. Во время дворцовых пиров десять из них стояли, а десять сидели.⁴ Эти данные свидетельствуют о том, что должность надима существовал ещё в древности.

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 309.

² Там же. С. 480.

³ Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 126.

⁴ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 95-96.

При дворе Газневидов чин надим считался одним из привилегированных. Во время дворцовых пиров первыми из рук султана дары получали надимы. Об этом свидетельствует одна из газелей Фаррухии Систани. Поэт в одном из своих стихотворений воспел надима султана Махмуда по имени Абубакр Абдуллах ибн Юсуф Хусайри, говоря, что этот надим каждую ночь принимал участие в пирах Махмуда Газневи и ранним утром привозил полученные дары домой на мулах¹.

В соответствии с требованиями эпохи надимы должны были быть хорошими рассказчиками, уметь играть на одном из музыкальных инструментов, быть знатоками поэзии, уметь играть в нарды, шахматы, знать нормы шариата, а также иметь знания по медицине и астрологии².

Кей-Кавус сообщает о должности личного надима, который никогда не должен был отсутствовать на пирах. Личный надим всегда должен был присутствовать при правителе во время еды и питья, независимо от того, были ли при этом другие надимы или нет³. О должности личного надима упоминает также Бейхаки. В частности, он сообщает, что к эмиру Мухаммеду (1030) было позволено входить только личным надимам, а также каввалам, мутрибам и виночерпиям двора⁴. Наверное, десять надимов из 20, которые имели право сидеть во время пира, о которых сообщает Низам ал-Мульк, были именно личными надимами.

Надимам, а возможно, и другим гостям, во время пира строго запрещалось рассматривать слуг двора. Например, когда виночерпий подавал вино надиму, тот должен был взять кубок из рук виночерпия, но не смотреть ему в лицо. Поэтому надимы опускали голову. Также, когда надим возвращал кубок слуге, он не должен был заглядывать ему в лицо⁵.

¹ Девони хахим Фарухии Систоний. С. 170.

² о качествах надима и о его значимости при дворе подробнее смотрите: Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 95; Кей-Кавус. Кабус-намэ. С. 212-214; Анварй Х. Истилохоти девонии даврай Газнави ва Салчуқй. С. 44.

³ Кей-Кавус. Кабус-намэ. С. 240.

⁴ Бейхаки А. История Масъуда. С. 46.

⁵ Кей-Кавус. Кабус-намэ. С. 214.

В месяц священного рамазана пиров не устраивали. Согласно словам Бейхаки, эмир Масъуд постился в дни месяца рамазан и принимал пищу исключительно со своими надимами или близкими людьми¹.

Дворцовый этикет запрещал правителю часто выпивать с визирем или военачальниками. Для этого существовали надимы. Низам ал-Мульк, объясняя существующий порядок, пишет: «...частые сидения с вельможами, эмирами и сипахсаларами войска наносят ущерб величию и достоинству государя, они делаются слишком смелыми. И вообще, кому приказали государственную службу, тому не следует приказывать должность надима, тому же, кому приказали быть надимом, не следует приказывать должность, ввиду близости к государю он может, проявить своеволие, причинить несчастье людям»².

Согласно Бейхаки Масъуд Газнави намерившись назначить Ахмада ибн Хасана Майманди своим визиром, отправляет ему сообщение, что он передаст все государственные дела, кроме веселья, винопитие, игры в поло и военные дела. Анализируя эти слова, иранский историк Анвари Х. пишет, что устройства пиршеств и веселье были занятиями двора³. Нужно отметить, что это сообщение также косвенно свидетельствует об этикете, о котором сообщает Низам ал-Мульк, т.е. об этикете запрещающим выпивать правителю с чиновниками. Но данный этикет соблюдался не всегда. Например, Бейхаки сообщая о разборе жалоб подданных султаном Масъудом с участием визиря Ахмеда ибн Хасана, ариза и Бунабра Мушкана, также сообщает, что после разбора жалоб «он задержал знатных особ выпить вина»⁴. Этикет запрещающий выпивать вино правителю с визирем или вообще с чиновниками являлись одним из прогрессивных этикетов двора, так как способствовали соблюдению субординации чиновников.

Сельджукиды во время дворцового пиршества соблюдали старинную тюркскую традицию. Так, знаток истории Сельджукидов Гордлевский

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 481.

² Там же. С. 94.

³ Анвари Х. Истилохоти девонии даврай Газнавй ва Салчукй. С. 15.

⁴ Бейхаки А. История Масъуда. С. 267.

отмечает: «Когда огузы собирались, султан устраивал для них традиционный пир – «шилян» (شیلان), на котором резались бараны. Это было старое национальное торжество, справлявшееся и при вступлении султана на престол, - так сказать, обрядовый стол, за которым представители огузских племён получали кусок жертвенного мяса, определённый тюре. Вкушая общее мясо, огузы как бы присягали султану».¹ Эта древняя степная традиция соблюдалась и при Алп-Арслане (1063-1072). Сельджукиды Малой Азии тоже соблюдали эту традицию. Однако в период правления Маликшаха (1072-1092) этот обычай стал постепенно выходить из обихода, что нередко вызывало негативную реакцию вождей кочевых племён².

Проведение торжественных пиршеств требовало колоссальных средств, которые были возложены на подданных. Например, ежегодно на кухню сельджукида Санджара огузы отправляли 24 тысячи баранов.³

Во время правления Хорезмшахов, которые тоже следовали дворцовому этикету предыдущих династий, правителю запрещалось пить вино с визирем⁴.

Как показывает исследование, пиры для правителя являлись одной из форм отдыха. На пирах правители могли свободно развлекаться со своими придворными, военными и людьми искусства. Причём при проведении пира соблюдался этикет двора, формировавшийся веками. Питье вина разрешалось в соответствии старинным этикетом двора, хотя ислам установил запрет на употребление вина. Дворцовым этикетом запрещалось также, чтобы эмир пил вино с визирем или чиновниками двора. Для этого существовали надимы, исполнявшие функции сотрапезника и собутыльника эмира. Во время дворцовых пиров вельможи и чиновники усаживались отдельно от военных. Нередко, правитель во время пира дарил присутствующим, прежде всего поэтам, надимам, певцам и музыкантам дары.

¹ Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 52.

² Агаджанов С.Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. С.101-102.

³ Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 49.

⁴ Ан-Насави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 276.

§2. Церемониал, устраиваемый в честь календарных праздников

В рассматриваемый период при дворах правителей особо помпезно отмечали древние национальные праздники Сада, Навруз и Мехрган. Наша задача в этом разделе исследования – не только рассмотреть церемонии встреч календарных праздников, но и показать их трансформацию.

По мнению историка А.Э. Негмати все календарные праздники ираноязычных народов возникли в глубокой древности на реальной почве, но позже были окутаны религиозно-магическими элементами.¹ Так, он был не согласен с мнением Е.Э. Бертельса, который считал календарный праздник Сада древним зороастрийским праздником².

Сада. Одним из древних календарных праздников ираноязычных народов считался Сада. Подобно Наврузу и Мехргану, с обычаем празднования и появления Сады, а также со значением ритуалов, посвященных этому празднику, связано много преданий и мифов. Фирдоуси полагал, что основателем праздника Сада являлся Хушанг. Согласно легенде, переданной Фирдоуси, однажды, когда царь Пешдадитов Хушанг совершал прогулку по горам, он увидел змею. Хушанг кинул в змею камень. Брошенный Хушангом камень ударился о другой большой камень, от чего зажглась искра. Так был получен огонь. По версии Фирдоуси, в тот же день вечером в честь получения огня Хушангом было устроено празднество и зажжены большие костры, в связи с чем этот праздник и получил название Сада³.

По традиции, древние иранские цари в этот день в честь прихода праздника Сада разжигали огромные костры и развлекались, выпивая и сидя у костра. Существовал также обряд, когда сквозь пламя костра пускали диких зверей и заставляли птиц пролетать сквозь пламя. Бируни объяснил этот

¹ Негмати А. Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. С. 9.

² Там же. С. 13.

³ Фирдавси А. Шохнома. Чилди 1. С. 53-54.

обычай тем, что, по древним поверьям, именно в этот день зима выходит из ада в мир, и, чтобы ослабить её вред, люди зажигали костры¹.

При дворе Аббасидов Сада назывался на мусульманский лад «Садак» (по-арабски «лайлат ал-вукуд» – «ночь пламени»). В рассматриваемый период истории на Ближнем Востоке Сада отмечался 25 декабря, в один день с праздником Рождества Христова².

В эпоху правления Саманидов Сада встречали при дворе, и в этот день эмир принимал много гостей. Придворные поэты читали стихи, посвященные этому празднику. Например, придворный поэт Аббас Урухси в своих стихах, прочитанных в день праздника Сада, поздравляет эмира с 31-й встречей Сады³.

Известный востоковед Е.Э. Бертельс многое сделал для исследования истории праздника Сада. Он сделал полный перевод с арабского языка труда историка Мискавайха о встрече этого праздника при дворе Зиярида Мардавиджа (927-935)⁴, где автор обстоятельно описал встречу Сады при его дворе. Ввиду очень важного значения этого сообщения мы решили дать полный перевод текста.

«Говорил уstad Абу Али ибн Мухаммад Мискавайх, да продлит Аллах к нему свою милость: рассказывал мне уstad, именитый раис Абу-л-Фадл ибн ал-Амид, да помилует его Аллах, что когда настала ночь «зажжения огней», которая известна (под названием) садак, то Мардавидж еще за долго до того приказал, чтобы ему собрали с гор и из далеких мест топливо и доставили его в долину, известную (под названием) Заринруд, и в близ расположенные места, где заросли и кустарники. И собрали это со всех сторон. Приказал он также собрать нефти и тех, кто умел с ней обращаться и устраивать (с помощью её) игрища. Приказал он (также заготовить) большое число огромных прямых свечей, не осталось в горах вокруг Исфахана вершины или приметного холма, где бы не были сложены топливо и терновник. На далёком расстоянии от

¹ Бируни А. Избранные произведения. Т. I. С. 243.

² Хусенов Ф. Церемониалы в честь праздника Сада при феодальных дворах Хорасана и Мавераннахра в X-XI вв. // Масъалаҳои мубрами таърих ва фарҳанги тоҷикон. Хучанд: Меъроҷ, 2015. С. 123.

³ Ночӣ М. Фарҳанг ва тамаддуни исломи дар қаламрави Сомониён. С. 498.

⁴ Мардавидж – правитель горных областей Табаристана и Гургана

места, где он решил устроить пир, (так далеко), чтобы огонь (этому месту) не повредил, было устроено нечто вроде огромных башен из стволов деревьев, скрепленных многочисленными железными полосами, дабы крепче держалось, и наполнено терновником и тростником. Наловили ему воронов и кобчиков и прикрепили к их клювам и ногам скорлупу грецких орехов, наполненную оческами хлопка, пропитанными нефтью. В месте же пира поставили изображения и громадные столпы из свечей, каких никто никогда не видал. (И устроили все так), чтобы зажигание произошло в единый час и на горах, и на вершинах холмов, и в долине, и в месте пиршества, и на птицах, которые (тогда) должны были выпустить. Затем изготовили ему огромный стол в степи, возле дворца его, и собрали на нем из животных и крупного и мелкого скота многие тысячи. Был он украшен и снаряжен необычайно.

И когда все это было закончено, и был разбит большой шатер возле стола, и настало время, чтобы сесть с людьми за еду, а потом и за вино, Мардавидж выехал из своего жилища и объехал стол и все приспособления для зажигания огня, которые я упомянул, и нашел, что все это жалко и ничтожно.

Говорил (рассказчик): А было это по причине просторности долины и потому, что взгляд, когда устремлялся на широкую равнину, а затем обращался от нее к этим искусственно созданным вещам, находил их ничтожными, хоть и были они громадны.

И разгневался Мардавидж, и вошли в него гордыня и заносчивость, заставившие его смолчать, и не сказал он никому ни слова, но вошел в шатер, прилег там на бок, отвернувшись лицом от входа и прикрывшись плащом, чтобы никто с ним не смел заговорить.

Собрались эмиры, вельможи, вожди, дружина и зрители, но никто не решался заговорить с ним или поторопить его. А люди не могли дождаться, когда он выйдет. Время шло, люди начали сплетничать о нем, тайно перешептываясь, и можно было опасаться смуты.

Тогда ал-Амид обошел шатер и заговорил с ним, добиваясь ответа. Мардавидж не отвечал, а тот продолжал льстить речами и осыпать его

благословениями, пока не заставил его приподняться. Тогда он сказал Мардавиджу: «О эмир, почему же такая вялость во время утешения и радости близких и тоски врагов?». Мардавидж ответил: «О Абдаллах, какая же радость может быть у меня при таком стыде, позоре и такой неудаче? Валлахи! Опозорился я так, что не смоет с меня этого позора ничто вовек!».

Говорил (рассказчик): И поразился и изумился я на некоторое время, а затем сказал: «О эмир, в чем же дело?». Он ответил: «Разве ты не видишь, что я приказал насчет изобилия, а какая скудость и скромность пищи на столе, а также и всех устройств для зажигания огня и всего, что с ними связано?». Я сказал: «Валлахи, о эмир, здесь же было сделано то, о чем даже никто и не слышал, не то чтобы видеть подобное! Выйди же на пир, я провожу тебя...» Он отвернулся, отказался и стал упорствовать, пока я не сказал: «А враги сплетничают так-то и так-то... Побойся же бога, сядь на коня и сделай круг у стола, дабы прекратились сплетни, а там делай что хочешь, я для тебя отговорку найду»¹.

По сравнению с саманидскими временами праздник Сада более помпезно стали отмечать при газневидском дворе. Об этом свидетельствуют многочисленные оды придворных поэтов Газневидов, посвященные этому празднику. Например, касыда поэта Унсури, которая посвящена брату Махмуда (998-1030), эмиру Насру, сипахсалару Хорасана, подтверждает, что праздник Сада сопровождался зажиганием костров и иллюминацией:

Сада – праздник именитых царей,
 (Остался) он на память от Фаридуна и Джамшида,
 Земля сегодня ночью, ты сказал бы, - гора Тур,
 Так как появилось на ней сияние небесного света.
 Если это день, не нужно называть его ночью,
 Если же ночь стала днём, что ж, в добрый час.
 Должно быть, эта страна (находится) в раю,

¹ Бертельс Е.Э. Избранные труды: история литературы и культуры Ирана. С. 303-304.

Полна она света и духовна.
 У небосвода с землей товарищество,
 Ибо помыслы у обоих одного порядка.
 Все светила того – столпы света,
 Все тело этой – частицы пламени...
 Что такое то сияющее дерево,
 У которого листва – основа, а ветвей сто тысяч?
 То оно высокий кипарис, а то опять
 Яхонтовый купол, украшенный золотом.
 Если здесь она по облику светлое,
 То почему оно все же и тёмное, и одного цвета со смолой?
 Если месяц бахман относится к зимнему времени,
 То почему же сегодня ночью мир словно заросли тюльпанов?
 Похоже оно на тюльпаны, но не тюльпаны это,
 Но искры огня Немврода и адского пламени.
 Обжигает оно даже вопим моря,
 Похоже на то, что это гнев государя!¹

Если при дворе брата эмира Махмуда праздновался праздник Сада, о чём свидетельствует касыда Унсури, то при дворе самого Махмуда празднование Сада было под запретом. Тот же Унсури в другой касыде, которая уже была написана в период его деятельности при дворе Махмуда, всячески старается подчеркнуть, что это праздник огнепоклонников, а правление Махмуда представляет собой идеал, основанный на канонах ислама, и поэтому он не будет поздравлять его с этим днём².

Хотя при дворе самого эмира Махмуда праздник Сада был под запретом, но его окружение по отдельности праздновало этот праздник. О праздновании Сада последним визиром Махмуда Хасаном ибн Мухаммадом ал-Микали,

¹ Бертельс Е.Э. Избранные труды: история литературы и культуры Ирана. С. 306-307.

² Там же. С. 307-308.

чаще упоминаемом в литературе как Хасанак, свидетельствует касыда другого придворного поэта, Фаррухи, которая была поднесена ему:

То словно стена ограды, становится оно (пламя) совсем круглым,
 То превращается во дворец с яхонтовым куполом и золотой дверью...
 То сплетается и переплетается, как чертежи Евклида,
 То разливает свет, словно яркое солнце.

Рассматривая эту касыду Фаррухи, Бертельс ссылается на сообщения Утби, который сообщал, что Хасанак происходил из древнего дихканского рода и что его дед был одним из крупнейших вельмож при Саманидах¹. Эта касыда Фаррухи, как и первая касыда Унсури, ещё раз доказывает, что Сада и во время правления эмира Махмуда продолжался праздноваться аристократическими родами.

При сыне и преемнике эмира Махмуда, Масъуда (1030-1042), Сада стал одним из главных праздников двора. Этот праздник при дворе Масъуда Газневи праздновался с исполнением старинных обрядов и ритуалов, о чём свидетельствуют исторические и литературные источники. Например, Бейхаки сообщает о встрече Сада эмиром Масъудом в 1035 г. По его сообщению, до праздника в поле, где находился большой арык, была навалена огромная груда снега. Бейхаки описывает, что она была выше стены любой из тогдашних крепостей. Из стволов деревьев были сооружены многочисленные высокие палаты, их высота, по словам Бейхаки, превышала вершину высокого холма. Также было добыто множество орлов, голубей, диких зверей и т.д. В день праздника эмир Масъуд сел на берегу арыка, где для него был натянут навес. Первыми на поле явились надимы с мутрибами и подожгли сооружённые деревянные палаты. Зажженный костёр был настолько огромным, что, по словам Бейхаки, языки этого пламени были видны на расстоянии около десяти фарсангов. Пускали обмазанных нефтью голубей, также через костёр пускали хищных зверей, осыпанных снегом².

¹ Бертельс Е.Э. Избранные труды: история литературы и культуры Ирана. С. 309.

² Бейхаки А. История Масъуда. С. 393.

О праздновании Сада при Масъуде Газневи с зажиганием костров и иллюминацией, весельем и питьём вина, пишет в одной из оде придворный поэт Газневидов Фаррухи.¹ Другой придворный поэт Газневидов, Манучехри, в стихах, посвящённых празднику Сада, пишет, что в этот день людей усаживались группа за группой и ряд за рядом. Это стихотворение Манучехри косвенно свидетельствует о том, что в день праздника каждый усаживался в соответствии со своим чином².

Навруз. Многие исследователи едины во мнении, что праздник Навруз был основан древнеиранским царём Джамшидом. По мнению историка Акбара Турсуна, поскольку Навруз, пожалуй, самый старый праздник на Земле, поэтому средневековые авторы при объяснении происхождения Навруза прибегали к языку мифологии и религиозных преданий³.

По словам Бируни, воцарившиеся после Джамшида цари сделали весь месяц Фервердин-Мах праздником Навруз. Навруз был распределен по шести частям месяца. Первая пятидневка была отведена для царей, вторая – для благородных, третья – для царских слуг, четвертая – для челяди, пятая – для простых подданных, а шестая – для крестьян⁴.

В эпоху Сасанидов праздновали два Навруза: народный Навруз и великий Навруз. Народный Навруз продолжался с первого числа месяца фарвардин (21 марта) и продолжался пять дней. В первый день Навруза царь, восседая на троне, в торжественной обстановке принимал простых подданных. На второй день – диканов, на третий день – войска и мубадов, четвертый день – членов семьи и приближенных, на пятый день – членов династии и служителей двора, а в шестой день царь отстранялся от всех государственных дел и праздновал Навруз только в окружении своих близких и придворных. Этот день Навруза назывался великим Наврузом. В день великого Навруза царь приказывал

¹ Девони хахим Фарухии Систонӣ. С. 239.

² Дамғонӣ Манучехри. Гузидаи ашъори Манучехриӣ Дамғонӣ. С. 30.

³ Акбар Турсун. Навруз как культурно-исторический феномен: к гермоневтике ирано-таджикского новогоднего праздника// Навруз как явление мировой культуры. С. 18.

⁴ Бируни А. Избранные произведения. Т. I. С. 229.

выставить напоказ все пришедшие до этого дня дары, и часть из них он раздавал, а другую, наиболее ценную часть, приказывал хранить в казне¹.

В дни Навруза вожди, предводители, военачальники, представители других стран и областей приезжали к царскому двору и преподносили царю подарки. Каждый представитель привозил в подарок то, чем была богата его местность и особо отличалась². В эти дни сасанидские цари амнистировали заключенных³.

По словам Омара Хайяма, в день Навруза первым к сасанидским царям приходил мубад мубадов с золотым кубком, полным вина, перстнем, дирхемом и царским динаром, охажкой ростков ячменя, мечом, луком со стрелой, чернильницей и пером и восхвалял его. После восхваления царя мубад мубадов отведывал вина и давал кубок царю, ростки ячменя вкладывал в другую руку царя, а дирхемы и динары клал у его престола. После мубада мубадов к царю приходили вельможи⁴.

Праздничные дни не обходились без музыки и песен. Как отмечает историк А. Раджабов, в дни празднования Навруза были широко распространены наврузовские поздравительные мелодии (jashannivag, shadihnivag, jashansrud, jashantranak), песни, циклические обрядово-церемониальные поэтично-музыкальные произведения, говорившие о добрых делах и, добрые пожелания, благих намерениях.⁵ А. Раджабов также отмечает, что особо ценными считались циклы, в которых музыкант-поэт прибегал к сравнениям, взятым из различных периодов и намекал на минувшие исторические события, и т.п. Поэтому, прежде чем пытаться сочинить наврузовские циклы, музыканты и поэты должны были получить

¹ Шаъбонӣ Р. Одоб ва русуми наврӯз. С. 112-113.

² Алиасғар Шердуст. Навруз и источник творения в мифологии и религиях//Навруз как явление мировой культуры. С. 63.

³ Шаъбонӣ Р. Одоб ва русуми наврӯз. С. 8.

⁴ Хайям О. Наврузнаме. С. 141-142.

⁵ Раджабов А. Навруз как феномен музыкальной культуры// Навруз как явление мировой культуры. С. 136.

обширное профессиональное образование и хорошо ознакомиться с историей самого Навруза.¹

Хуниакары (певцы, инструменталисты, сказители, танцоры, танцовщицы, скоморохи и т.д.), особенно музыканты-исполнители праздничных песен и мелодий, считались одними из приближённых лиц правителя. Статус хуниакара позволял им получать в праздники подарки и высокие почести. Согласно письменным источникам, для праздничных мероприятий были построены специальные площади (Nawruzgahan).²

Одной из причин торжественной встречи Навруза при дворе Сасанидов была то, что именно при этой династии зороастризм стал государственной религией Ирана. С этого времени Навруз при царях Сасанидов отмечался всенародно и имел религиозную окраску. Другая причина столь пышной встречи Навруза в Иране заключалась в укреплении экономической мощи государства.

После того как Иран, а затем и Средняя Азия были завоеваны арабами, празднование Навруза было под запретом. Причина запрета Навруза арабами состояла в том, что этот праздник считался праздником огнепоклонников. Несмотря на запрет, население Средней Азии и Ирана продолжало праздновать Навруз, а непосредственно при дворе халифов Навруз стали праздновать во время правления династии Аббасидов. Например, халиф Мутаид (892-908) всеми средствами препятствовал празднованию Навруза. Он в 907 году издал указ о запрете разжигания костров в ночь Навруза и поливания друг друга водой. Однако это продолжалось недолго, и Мутаид был вынужден дать разрешение празднование Навруза³.

Аббасидская династия, придя к власти, восприняла не только сасанидские традиции управления, но и их традиции придворной жизни. При этой династии Навруз вновь стал праздноваться при дворе, но уже с мусульманской окраской.

¹ Раджабов А. Навруз как феномен музыкальной культуры// Навруз как явление мировой культуры. С. 138.

² Там же. С. 153.

³ Олимов К. Навруз и культурно-историческая идентичность таджикской нации// Навруз и историко-культурные традиции народов Центральной Азии: история и современность. С. 90.

Наверное, смешение личностей Джамшида и Сулеймана произошло как раз в это время, в результате чего появилась легенда, согласно которой основателем Навруза считался Сулейман¹.

Аббасидские халифы, как и сасанидские шахиншахи, в дни Навруза в пышных нарядах с раннего утра и до полудня восседали в зале приемов. В это время представители правителей областей, визирь и главы диванов и другие государственные чиновники преподносили им дары. В эти дни подданные из всех сословий также подносили халифу подарки². В этот день поэты читали халифу стихи, в которых поздравляли его с днём Навруза³. Аббасидские халифы в дни Навруза тоже в свою очередь раздавали всевозможные фигурки, сделанные из амбры, например красные розы. Актеры в масках устраивали перед халифом представление, и он бросал им деньги⁴.

С приходом к власти в Хорасане и Мавераннахре местных династий все более и более усиливается популяризация древних традиций. Хотя при дворе Тахиридов (821-873) национальные земледельческие праздники Навруз, Мехрган, Сада ещё не были столь популярны, однако при дворах Саманидов и Саффаридов (973-900) эти праздники отмечались на широкую ногу с подражанием древним манерам и мифам. Поэты о них сочиняли стихи. Помимо этого, в средние века существовал обычай празднования «Чоршанбеи Сури», который отмечался в последний вторник перед наступлением Навруза. В период царствования династии Саффаридов в этот день в торжественной обстановке устраивали смотр всех родов войск, а также выплачивали им жалованье⁵. Например, историк Ибн Халикан видел в этом церемонии

¹ Олимов К. Навруз и культурно-историческая идентичность таджикской нации// Навруз и историко-культурные традиции народов Центральной Азии: история и современность. С. 69; Шаъбонӣ Р. Одоб ва русуми наврӯз. С. 6.

² Шаъбонӣ Р. Одоб ва русуми наврӯз. С. 146.

³ Олимов К. Навруз и культурно-историческая идентичность таджикской нации// Навруз и историко-культурные традиции народов Центральной Азии: история и современность. С. 90.

⁴ Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 332.

⁵ Гардезӣ А. Зайн-ул-ахбор. С. 315.

сходство с картиной церемонии смотра войск в сасанидском Иране, при Хосраве Ануширване¹.

Празднование «Чоршанбеи Сури» более подробно изложено историком Наршахи. По его словам, при саманидском эмире Мансуре ибн Нухе (961-976) в одну из праздничных ночей, по древнему обычаю, был разведен костер, искра от которого попала на крышу дворца, и дворец сгорел дотла².

По словам Бируни и Гардизи в день Навруза правители Хорасана имели обычай выдавать войску весеннюю и летнюю одежду³. Упомянутые авторы словами «правители Хорасана» очевидно, называли не только эмиров Саманидов и Газневидов, но и эмиров, правивших Хорасаном до них. Придворный поэт газневидского двора Унсури в одном из своих стихов, восхваляющем брата Махмуда Газневи и правителя Хорасана Насра ибн Сабуктегина, тоже писал, что в конце месяца фарвардин Наср ибн Сабуктегин одаривал придворных разными материями⁴.

Традиция одаривания одеждой в день Навруза существовала у населения и в последующие века. Например, в Худжанде начало вегетационного полива, который совпадал с весенним равноденствием, называли «Гармоб». В Худжанде человека, первым сообщавшего о начале таяния снегов в горах Туркестанского хребта, который худжандцы называли «сари об», т.е. «изголовьем воды», одаривали одеждой – «сару по»⁵.

В день Навруза при дворе правителей Хорасана и Мавераннахра придворные поэты в торжественной обстановке читали стихи, посвящённые Наврузу и весне, а певцы пели песни. В этот день от подвластных правителей ко двору поступали дары. Например, по свидетельству Бейхаки, в 1040 г. в день Навруза при дворе султана Масъуда устраивался церемониал показа

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т.1. С. 280.

² Наршахи А. Таърихи Бухоро. Душанбе, 1979. С. 26.

³ Гардези А. Зайн-ул-ахбор. С. 509; Берунӣ А. Осор-ул-бокия. С. 535.

⁴ Баргузидаи ашъори устод Унсурии Балхӣ. С. 7.

⁵ Мирбабаев А.К. История водоснабжения Худжанда и его округи. Худжанд: Хуросон, 2005. С. 41.

поступивших даров. На этих церемониях поэты читали свои стихи, певцы пели песни, а султан жаловал им дары¹.

Навруз широко праздновали также при дворах удельных правителей. По рассказам Кей-Кавуса, Навруз всенародно торжественно отмечали при дворе Фарегунидов, правивших областью Гузганан. По сообщению Кей-Кавуса, в день Навруза придворные преподносили правителю ценные дары².

Мехрган. Следующим праздником считался Мехрган. Его праздновали осенью. Существует много мифов и легенд о появлении Мехргана. Средневековые авторы, в том числе Бируни³ и Гардизи⁴ связывали историю возникновения Мехргана с победой царя Фаридуна над тираном Заххаком.

При Ахеменидах в день наступления Мехргана сатрапы посылали ко двору царя подарки. Так, согласно сообщению Страбона, в день Мехргана сатрап Армении посылал ахеменидскому двору 20000 жеребцов в качестве подарка⁵.

При дворе Сасанидов Мехрган, как и Навруз, праздновали в течение шести дней, т.е. с 16-го по 21-е числа месяца мехр. Первые пять дней Мехргана называли «Общенародным Мехрганом», а шестой день «Официальным Мехрганом»⁶. К царю, как и в дни Навруза, поступали подарки. В этот день царь разбирал жалобы подданных⁷.

Приход ислама не мог не наложить отпечаток и на праздник Мехрган. Историк Табари передает сообщение согласно которому после того как был заключён мирный договор на условии уплаты 400000 дирхемов между населением Балха и военачальником арабов по имени ал-Ахнаф, то последний поручив взимания денег на своего брата по имени Асид ал-Мутешаммис двинулся в сторону Хорезма. Приход брата ал-Ахнафа для сбора дани пришлось на Мехрган и люди приносили ему подарки в виде золотых и

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 540.

² Кей-Кавус. Кабус-намэ. С. 146.

³ Берунӣ А. Осор-ул-бокия. С. 242.

⁴ Гардезӣ А. Зайн-ул-ахбор. С. 520.

⁵ Негмати А.Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. С. 81.

⁶ Там же

⁷ Там же

серебряных сосудов, золотой и серебряной монеты, товаров и одежды. Брат ал-Ахнафа спросил их: «Это то, на чём мы заключили с вами мир?». Они ответили: «Нет, но это то, что мы приносим в этот день в дар тому, кто правит нами, чтобы заслужить его благосклонность». Он спросил: «А что это за день?». Они ответили: «Михриджан»¹. Мехрган как-бы не был праздником огнепоклонников, и как-бы не запрещали его встречу, но сообщение Табари свидетельствует о том, что после завоевания арабами местное население свои праздничные подарки теперь преподносили арабским правителям.

При дворе Аббасидов Мехрган называли Михриджаном. В праздничные дни подданные дарили халифу подарки. Сообщается, что в этот день бывший государственный секретарь аббасидского двора ас-Саби отправил халифу из тюрьмы хосрованский дирхем и книгу².

При саманидском дворе Мехрган встречали по древним обычаям. По свидетельству Бируни, правители Хорасана по традиции в дни Мехргана выдавали войску и придворным служащим осенние и зимние вещи³. В дни Мехргана по старинным обычаям саманидские эмиры устраивали торжественные приемы, разбирали жалобы подданных⁴ и получали дары. Придворные поэты читали свои стихи, посвященные празднику Мехрган, воспевали эмира и его окружение, а также подносили эмиру подарки. Учёные и поэты в этот день дарили эмиру свои труды⁵. Кроме того, праздничное веселье при саманидском дворе сопровождалось музыкой и песнями, танцами и питьём вина.⁶ Если верить Низами Арузи Самарканди, то саманидский эмир Наср ибн Ахмад (914-943) проводил зиму в Бухаре, а на лето переезжал в Самарканд или в один из городов Хорасана и там праздновал Мехрган⁷.

¹ Мухаммад ибни Чарири Табарӣ. Таърихи Табарӣ ё «Тарих-ул-русул вал мулук»: тарҷумаи Абулқосими Поянда. Ҷилди 5. Техрон: Асотир, 1375. С. 2169-2170; Извлечения из «Тарих ар-русул ва-л-мулук» ат-Табари// Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. С. 100-101.

² Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 333.

³ Берунӣ А. Осор-ул-бокия. С. 243.

⁴ Негмати А.Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. С. 84.

⁵ Ночӣ М. Фарҳанг ва тамаддуни исломи дар каламрави Сомониён. С. 496.

⁶ Там же. С. 497.

⁷ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы. С. 61.

Рудаки в одном из своих стихов, написанном в честь празднования Мехргана, обращаясь к эмиру Насру ибн Ахмаду, повествует о древних истоках истории Мехргана и советует эмиру, чтобы с этого дня он одевался потеплей и переходил из летних шатров в зимние помещения дворца¹.

Михр приходит плодородный, просветли, владыка, взор,
 Это праздник властелинов и царей с далеких пор.
 Поспеши уйти из сада, одевайся потеплей,
 Спрячь атласные одежды, до весны сверни шатёр.

Газневиды также следовали примеру Саманидов, они встречали Мехрган в соответствии со старинным этикетом. В сообщении Бейхаки о встрече Мехргана двором султана Масъуда говорится, что в первый день праздника султан, восседая на троне, принимал дары, посланные подвластными правителями. По его словам, подвластные правители посылали дары через своих представителей². Перед тем, как принести дары, к султану первыми приходили представители династии и свита. Они осыпали султана монетами, и каждый усаживался по чину, после чего начинали подносить дары³. В другом месте тот же Бейхаки сообщает о том, что представители династии и свита тоже подносили султану дары⁴.

В другой раз тот же Бейхаки описывает одну из встреч праздника Мехрган, состоявшуюся в 1031 г. при дворе султана Масъуда. На второй день Мехргана, пишет Бейхаки, султан устроил торжественное празднество. Сначала султан Масъуд на площади принимал послов соседних государств, а после этого праздник продолжался за праздничным столом. За праздничный стол садились представители каждого ранга. Они усаживались по отдельности: представители династии, свита и вельможи отдельно, и представители войск – отдельно. Как явствует из сообщения Бейхаки, во время трапезы придворные поэты читали стихи, посвященные Мехргану, правителю и его окружению, а

¹ Рудаки и поэты его времени. С. 74.

² Бейхаки А. История Масъуда. С. 261, 444, 469, 525.

³ Там же. С. 444.

⁴ Там же. С. 469.

также воспевали питье вина. После поэтов веселить приглашённых начинали певцы, музыканты и скоморохи двора. Отмечается, что проведение праздника такого рода существовало и при Махмуде Газневи¹.

Праздничный пир, как и другие пиры двора, не обходился без питья вина. По завершении пира поэты, певцы и музыканты вознаграждались Масъудом. Размер награды зависел от статуса и положения поэта или певца при дворе². Например, по сообщению Бейхаки, в том же 1031 г. в день праздника Мехрган эмир Масъуд пожаловал поэту Аляви Зиннати пятьдесят тысяч дирхемов, а – Унсури тысячу дирхемов. Певцам и скоморохам было пожаловано по тридцать тысяч дирхемов³. По словам того же Бейхаки, в 1039 г. в день праздника Мехрган поэтам за прочитанные ими стихи Масъуд ничего не пожаловал.⁴ Скорее всего, это было связано с политическими и экономическими состоянием газневидского двора, так как в это время началось восстание сельджуков в Хорасане. После нескольких поражений газневидских войск от Сельджукидов в 1040 г. Хорасан – одна из самых богатых областей Газневидов – фактически отошёл к Сельджукидам.

По словам Бейхаки, газневидские эмиры имели у себя во дворце летнюю и зимнюю резиденцию. В день Мехргана в торжественной обстановки эмир переходил из летней резиденции в зимнюю. В зимней резиденции находилась печь, на которую служащие двора поднимались по ступенькам и топили её дровами. Вслед за ними в помещение входили гулямы-стольники и жарили на вертеле кур, а затем готовили праздничное угощение. В назначенное время в зимнюю резиденцию двора приходили приглашённые гости на праздничный пир, который проводился в том же порядке, как было описано выше⁵.

Все описанные выше обряды и ритуалы, посвященные празднику Мехрган, имели определённое значение. Например, новая одежда, которую в

¹ Бейхаки А. История Масъуда. С. 261-262.

² Хусенов Ф. Церемониалы в честь праздника Мехрган при дворах Газневидов и Саманидов// Учёные записки. -№3 (44). Худжанд, 2015. С. 17.

³ Бейхаки А. История Масъуда. С. 262.

⁴ Там же. С. 525.

⁵ Там же. С. 444-445.

дни Мехргана правители Хорасана выдавали войску и придворным служителям, символизировала новую жизнь и благополучие, праздничная трапеза была символом изобилия и процветания, мучные изделия, фрукты и сухофрукты символизировали изобилие, долгую жизнь, радость и полный достаток, праздничные подарки – богатство и благополучие и т.д.¹

Согласно материалам топонимики, в древности Мехрган праздновали и в городе Худжанде. В самом центре города, на левом берегу оросительного канала располагался квартал «Хазонак», специально предназначенный для празднования Мехргана. Согласно Бируни, данный праздник Хазонак, т.е. листопад, был заимствован согдийцами у тохарцев и являлся осенним праздником. Праздник Хазон проводился в два этапа. Первый этап, который праздновали с 20 по 22 сентября, назывался «Хазони хосса». Второй этап назывался «Хазони омма», т.е. всенародный².

Встреча календарных праздников местными дворами носила также экономический характер. Поскольку в праздничные дни, по установившейся традиции, ко двору правителя от правителей областей, чиновников двора, а также от крупных вельмож поступало много даров.

Календарные праздники как при дворе, так и населением праздновались с незапамятных времён. В разные периоды истории они праздновались по-разному. Но различия были несущественными. Исследование показало, что как бы ни различался порядок встречи календарных праздников в рассматриваемый период от традиции древности, всё же его смысл сохранялся. Главная отличительная черта встречи календарных праздников в IX-XII вв. местными дворами от двора Сасанидов состояла в том, что в этот период истории календарные праздники отмечались как светские мероприятия, а не как религиозные.

¹ История таджикского народа. Том II. С. 313.

² Мирбабаев А.К. Историческое наследие Худжанда. Душанбе: Ирфон, 1995. С.9-10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В IX-X вв. местные династии Тахиридов, Саффаридов и Саманидов, придя к власти, сформировали национальные дворы. Особенно в формировании национального двора преуспели Саманиды. Они во многом подражали сасанидскому двору, где во многих феодальных уделах был очень живуч опыт дворцовой жизни государства Сасанидов. Также были возрождены традиции двора других удельных династий, существовавших на территории Центральной Азии ещё до прихода арабов.

Конечно, управлять полиэтническим мегаобществом на обширной территории Мавераннахра и Хорасана было делом нелегким. Саманиды имели толерантное отношение к культуре и традициям населения всех этнических групп, населявших территорию обширного государства. Примером того является привлечение тюркского этноса к управлению обширным государством. Толерантная политика Саманидов по отношению к другим этническим группам имела роковые последствия. К сожалению, Газневиды, придя к власти, не учли роковых последствий промахов саманидского двора. К примеру, Газневиды широко привлекали к управлению делами государства индусов. Отдельные исследователи оправдывают данную политику Саманидов и Газневидов оправдывают тем, что властвующие династии видели в лице коренного населения опасных конкурентов, ввиду чего они в деле управления двором, а также армией опирались на преданных слуг из числа тюрков, а также образованных индусов.

Пришедшие на смену династии Саманидов Газневиды, Гуриды, Сельджукиды и др. династии сохранили преемственность управления государством. Однако дворцовый церемониал, однажды сформировавшийся при дворе Саманидов, продолжал существовать и при дворе Газневидов, и при последующих династиях.

Письменные источники лишь в общих чертах дают сведения о дворцовых церемониях Саманидов. Основные же источники появились после выпадения

государства Саманидов с политической авансцены. Например, Наршахи, проживший всю жизнь в государстве Саманидов, в труде «История Бухары» излагал главным образом политическую и социально-экономическую жизнь государства Саманидов. О дворцовом церемониале он писал в общих чертах.

Таким образом, на основе проведённого исследования автор пришёл к следующему заключению:

1. В IX-X вв. в Мавераннахре и Хорасане в основном завершилось формирование дворов, проводивших не зависимую от Багдадского халифата политику. Эмиры династии Саманидов считали себя наследниками династии Сасанидов. Они же опирались на ценные традиции их двора. Стремление к возрождению традиции Сасанидов выразилось прежде всего в покровительстве поэтам, воспевавшим главным образом эпических царей, в том числе царей династии Сасанидов. Это видно и на примере смотра войск в канун праздника Навруз, а также при устройстве пышных приёмов, посвящённых Наврузу, устраиваемых всеми саманидскими эмирами, а также Газневидами.

2. Церемония коронации считалась одной из ключевых. Местные дворы при этом получали религиозную и политическую легитимность путём признания их власти халифом Багдада. Коронация нового эмира по обычаю проводилась после завершения обряда погребения усопшего эмира. Данный обряд проводился в течение трёх дней. Во время коронации новому эмиру присягали войска, вельможи, а затем народ. В последующем эти традиции были заимствованы Газневидами у Саманидов. Церемония коронации эмиров Газны, в том числе Махмуда Газневи и его сына Масъуда, проходила с участием посла аббасидского двора. Во время этой церемонии посол халифа торжественно вручал грамоту, корону, а также стяг халифа Багдада.

3. Церемониал назначения высших государственных чиновников также во многом был заимствован Саманидами и Газневидами у аббасидских халифов. При местных дворах также существовала гардеробная. В ней хранилась различная одежда. Назначаемого чиновника проводили в эту гардеробную и в

соответствии с присвоенным ему чином облачали в особую одежду. По завершении церемониала назначения чиновника правителем он отправлялся к себе домой. Придворные вельможи по принятому этикету отправлялись к нему домой для поздравления и вручения подарков. В период правления Масъуда Газневи мы видим новшества в церемониале назначения визиря. Это было связано с тем, что во время церемониала назначаемый визирь письменно излагал свои условия для исполнения должности визиря, а эмир подписывался под этими условиями. Другая новшества, которая прослеживается с приходом к власти сельджукидов, это то, что если до них назначенному подвластному правителю выдавали грамоту, халат, стяг и двурогого шапку, то в период правления сельджукидов, а также хорезмшахов подвластному правителю также выдавалось конь и убрание коня, что было свойственно тюркским племенам.

4. В рассматриваемый период как Саманиды, так и Газневиды возродили древнюю традицию смотра войск. Смотр войск проводился по установленным правилам, а после его завершения войска получали жалованье. Глава государства своим присутствием поднимал боевой дух воинов. Знамя и барабан служили символами для военачальников, которых также осматривали во время смотра. Смотр войск в рассматриваемый период проводился в определённом месте. Например, Саманиды проводили смотр войск в Джуи-Мулиане, а Газневиды в Баги Фирузи и Шабехар. По традиции, по окончании смотра эмир держал речь перед войском.

5. Церемония приёма дворцовых чиновников, а также иностранных послов была обставлена вековыми традициями. Источники свидетельствуют о том, что данная традиция имела место при всех дворах Мавераннахра ещё до прихода арабов. Наше исследование показало, что в рассматриваемый период процессом приёма дворцовых чиновников эмирами Мавераннахра и Хорасана руководил главный хаджиб двора. Он исполнял функцию церемониймейстера. Именно он во время приёмов расставлял всех по местам в соответствии с их рангом. Наше исследование подтвердило, что получение аудиенции у эмира

разрешалось после его распоряжения. Причём гость, войдя, должен был облобызать землю, стоять на определённом месте, и главный хаджиб, взяв его под руки, провожал посетителя до определённого места, поближе к эмиру. Если гость преподносил подарок эмиру, то он передавал свой подарок через хаджиба. Непосредственно никто не имел права контактировать с эмиром. Во время приёма вокруг эмира выстраивался почётный караул. Почётный караул при всех династиях состоял исключительно из тюрок-гулямов. Исследование показало, что в первый период правления династии Сельджукидов во время приёма правителя чёткий порядок не соблюдался, как это было в период правления Саманидов и Газневидов. Нами установлено, что упорядочение дворцовой жизни при Сельджукидах целиком было связано с именем их великого визиря Низам ал-Мулька.

6. Наше исследование также подтвердило факт, что приём посла местными дворами также проводился в торжественной обстановке. Посла иностранного государства встречал эскорт всадников у границы города. Эскорт возглавлял правитель города, и он состоял из религиозных деятелей, военачальников и вельмож. Эскорт сопровождал посла до места, где он проживал до аудиенции у правителя. Поместив посла, уполномоченные чиновники двора дарили ему установленное количество денег, которые назывались «серебро бани». Этот дар имел определённый смысл. Вернее, посол, прибыв усталым после долгой дороги, должен был умываться в бане и заодно отдохнуть. В установленный день приёма у правителя его сажали на коня, а привезённые им подарки везли за ним на мулах. Войдя во дворец, посол в сопровождении главного хаджиба двора удостоивался приёма у правителя. Посланное с ним письмо своего государя посол передавал правителю через главного хаджиба, либо, по велению правителя, встав с места, передавал непосредственно сам и, не поворачиваясь к нему спиной, возвращался на своё место. Заключенный договор прочитывался в присутствии свидетелей на персидском языке и на языке представляющего страну посла. Межгосударственный договор подтверждался правителем и послом произнесением слов «я слышал». Также

заклученный договор подписывался эмиром и присутствующими в знак свидетельства.

Нам также удалось установить, что при дворе Газневидов существовал придворный чин «расулдор», т.е. посольского пристава. Именно расулдор был ответственным лицом за встречу и проводы посла. Дары, привезённые послами, принимались также расулдором. Всё это происходило до встречи посла с эмиром. Дары, привезённые послом, расставлялись по местам, а потом грузились на мулов, на которых в день приёма посла их везли во дворец.

Правители Мавераннахра и Хорасана периода X-XIII вв. весьма тщательно относились к выбору посланника двора. Послом назначался преимущественно представитель духовенства. Во всяком случае, в состав посольства обязательно входили представители духовенства. Дело в том, что во время заключения межгосударственных договоров представители духовенства подгоняли статьи договора к требованиям норм шариата.

В рассматриваемый период правители Мавераннахра и Хорасана, за исключением Хорезмшахов, формально признавали верховенство Багдада. Поэтому местные дворы принимали послов аббасидских халифов с особой торжественностью. Династия Хорезмшахов имела враждебные отношения с аббасидским двором. Ввиду чего Хорезмшахи принимали послов Багдада без особой помпезности.

7. Дворцовые пиршества – одно из светских мероприятий двора, которое трансформировалось в течение столетий под воздействием религии ислама. Главная отличительная черта зороастрийской эпохи от религии ислама заключалась в том, что зороастрийская догма запрещала своим последователям разговаривать во время трапезы. В период господства ислама трапеза и общение стали обязательными. Питье вина разрешалось в соответствии старинным этикетом двора, хотя ислам установил запрет на употребление вина. Дворцовым этикетом запрещалось также, чтобы эмир пил вино с визирем или чиновниками двора. Для этого существовали надимы, исполнявшие функции сотрапезника и собутыльника эмира. Во время

дворцовых пиров вельможи и чиновники усаживались отдельно от военных. Как и в древние времена, пиры являлись одной из традиционных форм общения царя с вельможами и чиновниками двора, а также с людьми искусства.

8. Календарные праздники Навруз, Мехрган, Сада и др. отмечались с незапамятных времён. Они были возрождены при династиях Саффаридов, Саманидов, Газневидов и др. Эти древние праздники праздновались в торжественной обстановке и с подражанием древним мифам и легендам. Но в рассматриваемый период календарные праздники сильно трансформировались. В этом мы видим влияние ислама. Как и в эпоху древности, в праздничные дни правители областей посылали ко двору эмиров драгоценные подарки. Все обряды и ритуалы, посвященные календарным праздникам, имели определённый смысл. Например, новая одежда, которую в дни Навруза и Мехргана правители Хорасана выдавали войску и придворным служителям, символизировала новую жизнь и благополучие, праздничная трапеза была символом изобилия и процветания, мучные изделия, а также фрукты и сухофрукты символизировали изобилие, долгую жизнь, радость и полный достаток, праздничные подарки – богатство и благополучие в семье.

9. В рассматриваемый период формируется язык фарси-дари и вытесняет арабский язык из придворного обихода. При назначении чиновников двора приоритет давался к знанию языков – фарси-дари и арабский. Название дари, в целом означало «язык двора», «придворный язык». Став языком делопроизводства фарси-дари с эпохи Саманидов также использовался при проведении церемониалов. Исследование показывает, что во время приёма послов аббасидского халифа функцию переводчика и в каком-то смысле и хаджиба исполнял один из чиновников двора владеющий арабским языком.

10. Степень торжественности дворцовых церемоний зависела от экономического благополучия государства в целом. Проведение торжественного церемониала нередко требовало колоссальных средств, что не могло не отражаться на социально-экономической жизни общества. Особенно

чётко это прослеживается в торжествах по поводу церемониала коронации, когда эмир дарил военачальникам, а также вельможам подарки в виде наличных денег и драгоценностей. Все эти расходы ложились на плечи трудового народа.

11. Приезд иностранных почётных гостей ко двору Саманидов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов и других феодальных государств Центральной Азии, а также помпезное угощение, на которое помимо большой свиты придворных чиновников, приглашались также музыканты, клоуны, певцы, поэты и другие почётные лица города, тяжёлым бременем ложились на плечи трудового населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нарративные источники

1. Абӯабдуллоҳ Муҳаммад ибни Аҳмад Макдисӣ. Аҳсан-ул-тақосим фи маърифат-ил-ақолим. –Техрон, 1361.
2. Абӯбакр Муҳаммад бинни Чаъфар Наршаҳӣ. Таърихи Бухоро/ Абӯбакр Муҳаммад бинни Чаъфар Наршаҳӣ. –Душанбе: Дониш, 1979. -120 с.
3. Абӯбакр Муҳаммад ибни Чаъфари Наршаҳӣ. Таърихи Бухоро/ Абӯбакр Муҳаммад ибни Чаъфари Наршаҳӣ. –Душанбе: Пайванд, 2012. -736 с.
4. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди I. –Душанбе: Адиб, 1987.-480 с.
5. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди II. –Душанбе: Адиб, 1987.-320 с.
6. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди III. –Душанбе: Адиб, 2008.-477 с.
7. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди IV. –Душанбе: Адиб, 1988.-406 с.
8. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди V. –Душанбе: Адиб, 1989.-591 с.
9. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди VI. –Душанбе: Ирфон, 1989.-552 с.
10. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди VII. –Душанбе: Адиб, 1989.-651 с.
11. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди VIII. –Душанбе: Адиб, 1990.-612 с.
12. Абулқосим Фирдавсӣ. Шохнома. Ҷилди IX. –Душанбе: Адиб, 2009.-480 с.
13. Абушшараф Носеҳ ибни Зафари Ҷурфодиконӣ. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ: муқаддима, таҳия, таҳшия, таълиқот, луғот ва феҳристи Н.И. Ғиёсов/ Абушшараф Носеҳ ибни Зафари Ҷурфодиконӣ. –Хучанд: Ношир, 2013.-420 с.
14. Абушшараф Носеҳ ибни Зафари Ҷурфодиконӣ. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ/Абушшараф Носеҳ ибни Зафари Ҷурфодиконӣ. –Техрон, 1374. -626 с.
15. Алоуддин Атомалики Ҷувайнӣ. Таърихи Ҷаҳонкушо (Таърихи Хоразмшоҳиён). Ҷилди II: муқаддима, тасҳеҳ, таълиқоти дуктур Ҳабибуллоҳ Аббоси – дуктур Эраҷ Меҳракӣ. –Техрон: Забор, 1392. -420 с.
16. Аль-Джахиз. Книга о скупых. Ибн Абд Раббихи. Чудесное ожерелье. Перевод с арабского. –М.: Художественная литература, 1985. -480 с.
17. Абуалӣ Муҳаммади Балъамӣ. Таърихи Табарӣ. Дар ду ҷилд. Ҷилди 1/ Абуалӣ Муҳаммади Балъамӣ. – Техрон, 1380/2001.-111 с.

18. Баргузидаи ашъори устод Унсурии Балхи: ба кушиши дуктур Муҳаммад Дабир Сиёки. –Техрон: Амири Кабир, 1365. -32 с.
19. Байъакӣ Абулфазл. Таърихи Байҳақӣ: тасхеҳи Алиакбари Фаёз. –Машҳад: Донишгоҳи Фирдавсии Машҳад, 1383.-814 с.
20. Байъакӣ Абулфазл. Таърихи Байҳақӣ: таъбияи матн, муаллифи муқаддима, ӯваошӣ ва феъристу Сайфуллоӣ Муллоҷон. –Душанбе: Бухоро, 2014.774 с.
21. Байҳақи Абу-л-фазл. Историа Масъуда.1030-1041: издание 2-е, дополненное/Абу-л-фазл Байҳақи. -М.: Наука, 1969. -1009 с.
22. Бейҳақи, Абул-фазл. Историа Масъуда.1030-1041: вступительная статья, перевод и примечания А.К. Арендса/ Абул-фазл Бейҳақи. –Ташкент: Изд. АН Узбекской ССР, 1962.-748 с.
23. Берунӣ, Абӯрайҳон. Осор-ул-боқия/ Абӯрайҳон Берунӣ. –Душанбе: Ирфон, 1990.-432 с.
24. Бируни А. Избранные произведения. Т.І./А. Бируни. –Ташкент: Изд. АН Узбекской ССР, 1957. -488 с.
25. Гардезӣ Абусаид. Зайн-ул-ахбор (Таърихи Гардезӣ): бо тасхеҳу таъшиа ва таълиқи Абулхайӣи Ҳабибӣ/ Гардезӣ Абусаид. –Техрон: Дунёи китоб, 1363.-733 с.
26. Геродот. Историа в девяти книгах: перевод и примечания Г.А. Стратановского. –Л.:1972. –602 с.
27. Ғаззоли Муҳаммад. Насиҳат-ул-мулук/Муҳаммад Ғаззоли. –Душанбе: Ирфон, 2011. –175 с.
28. Дамғони Манучехри. Гузидаи ашъори Манучехрии Дамғони./Манучехрии Дамғони. –Техрон, 1373.
29. Девони ҳақим Фарруҳии Систони. Бо кушиши Муҳаммад Дабир Сиёки. –Техрон: Заввора, 1371. -524 с.
30. Дурдонаҳои наср. Ҷ.1.(асрҳои X-XIII). –Душанбе: Ирфон, 1987.-560 с.
31. Заҳируддин Нишопурӣ. Салҷуқнома/ Нишопурӣ Заҳируддин. –Техрон: Калолаи Ховар, 1332. -81 с.
32. Ибн ал-Асир. Таърихи комил: баргардони Ҳамидризо Осир. Ҷилди 11/ Ибн ал-Асир. –Техрон: Асотир, 1370. -5017 с.

- 33.Ибн ал-Асир. Таърихи комил: баргардони Ҳамидризо Осир. Ҷилди 12/ Ибн ал-Асир. – Техрон: Асотир, 1370. -5470 с.
- 34.Ибн ал-Асир. Таърихи комил: баргардони Ҳамидризо Осир. Ҷилди 13/ Ибн ал-Асир. – Техрон: Асотир, 1370. -5930 с.
- 35.Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку: перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Элм, 1986. -428 с.
- 36.Кей-Кавус. Кабус-намэ. Второе издание. Перевод статей и примечания члена-корреспондента Академии наук СССР Е.Э. Бертельса. –М.: ИВЛ, 1958. -296 с.
- 37.Кайковус, Унсурмаолии. Қобуснома/ Унсурмаолии Кайковус. –Душанбе: Маориф ва фарханг, 2007.-200 с.
- 38.Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. –Ташкент: Фан, 1988.-416 с.
- 39.Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.І. М.: -Л.: Изд. АН СССР, 1939. 612 с.
- 40.Муҳаммад ибни Царири Табарӣ. Таърихи Табарӣ ё «Тарих-ул-русул вал мулук»: тарҷумаи Абулқосими Поянда. Ҷилди 5. –Техрон: Асотир, 1375.
- 41.Муҳаммад ибни Царири Табарӣ. Таърихи Табарӣ ё «Тарих-ул-русул вал мулук»: тарҷумаи Абулқосими Поянда. Ҷилди 15. –Техрон: Асотир, 1375.
- 42.Муҳаммадхусайни Бурҳон. Бурҳони Қотей. Ҷилди 1/ Муҳаммадхусайни Бурҳон. –Душанбе: Адиб, 1993. -416 с.
- 43.Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы/ Низами Арузи Самарканди. –М.: ИВЛ, 1963. -174 с.
- 44.Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ: перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б.Н. Заходера. –М.: -Л.: АН СССР, 1949. –380 с.
- 45.Низомулмулк. Сиёсатнома/ Низомулмулк. –Душанбе: Адиб, 1989.-200 с.
- 46.Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией академика И.Ю. Крачковского. –М.– Л.: Изд. АН СССР, 1939. -228 с.
- 47.Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I, книга вторая/ Рашид ад-Дин. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1952. -316 с.

48. Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406)/ Руи Гонсалес де Клавихо. – М.: Наука, 1990. -216 с.
49. Сомониён дар оинаи таърих. Ҷ.1. (мутуни форси тоҷикӣ). –Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1998.-550 с.
50. Сомониён дар оинаи таърих. Ҷ.2. (мутуни арабиасл). –Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1998. -676 с.
51. Таърихи Систон («История Систана»): перевод, введение и комментарии Л.П. Смирновой. – М.: ИВЛ, 1974.-574 с.
52. Таърихи Систон: таҳияи матн, тавзеҳот ва феҳристҳо аз Муҳаммадҷусуф Имомов ва Абдушуқури Абдусаттор. –Душанбе: Бухоро, 2014. -352 с.
53. Хайям, Омар. Наврузнаме / Омар Хайям. –Душанбе: Адиб, 2012. -250 с.
54. Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов: перевод с арабского, предисловие и примечания И.Б. Михайловой. –М.: Наука, 1983. -144 с.
55. Хондамир. Дастур ал-вузаро: бо тасҳеҳ ва муқаддимаи Саид Нафиси. – Техрон, 1317. -514 с.
56. Худуд-ул-олам. Душанбе: Бухоро, 2014. -588 с.
57. Худуд-ул-олам, Ибни Ҳавқал. Сураат-ул-арз, Муҳаммад обиди Иршод. Чаҳорбоғи гулҳо. –Душанбе: Адиб, 2008. -212 с.
58. Шариф Муҳаммад Мансур Муборакшах. Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат (Правила ведения войны и мужество). –Душанбе, 1997. -300 с.
59. Шихаб ад-Дин Муҳаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны: перевод с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З.М. Буниятова. –Баку: Элм, 1973. -450 с.
60. Шихаб ад-Дин Муҳаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны): перевод с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З.М. Буниятова. –М.: ИВЛ, 1996.-798 с.

Литература на русском и таджикском языках

61. Абдуллоев, Сайдулло. Амир Исмоили Сомонӣ/ Сайдулло Абдуллоев. – Худжанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1998. -399 с.
62. Абдуллоев, Сайдулло. Амирони Сомонӣ/ Сайдулло Абдуллоев. –М.: Воениздат, 1999.-632 с.
63. Абдуллоев А. Адабиёти форсу тоҷик дар нимаи аввали асри XI (Доираи адабии Ғазнин)/А. Абдуллоев. –Душанбе: Дониш, 1979. -286 с.
64. Аббос Иқбол. Вазорат дар аҳди салотини бузурги Салҷуқӣ. Техрон: 1338. -336 с.
65. Агаджанов С.Г. Очерки Истории Огузов и туркмен Средней Азии X-XIII вв. – Ашхабад: Ёлым, 1969. -297 с.
66. Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв./ С.Г. Агаджанов. – Ашхабад: Ёлым, 1973.-164 с.
67. Агаджанов С.Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв./ С.Г. Агаджанов. –М.: Наука, 1991. -303 с.
68. Акбари Амир. Таърихи ҳукумати Тоҳириён (аз оғоз то анҷом). –Машҳад, 1384. -400.
69. Айнаи Л.К. Базмы во время Хосрава Ануштрвана по данным «Шахнаме»//Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. –Душанбе, 1990. –С. 120-121.
70. Анварӣ Ҳ. Истилоҳоти девонии давраи Ғазнавӣ ва Салҷуқӣ. -Техрон, 1355. -323 с.
71. Афсаҳзод, Аълохон. Одамушшуаро Рудақӣ: масъалаҳои рузгору осор. Нашри дуввум/ Аълохон, Афсаҳзод. –Душанбе: Адиб, 2008. -312 с.
72. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия: Сочинения в 9-ти томах. Т.1./ В.В. Бартольд – М.: ИВЛ, 1963.-761 с.
73. Бартольд В.В. Сочинения: работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Т.II. часть 2. –М.: Наука, 1964.-659 с.
74. Бертельс Е.Э. Избранные труды: история литературы и культуры Ирана/ Е.Э. Бертельс. –М.: Наука, 1988. -560 с.
75. Бертельс Е.Э. Избранные труды: история персидско-таджикской литературы/ Е.Э. Бертельс. –М: ИВЛ, 1960.-557 с.

- 76.Босворт К.Э. Таърихи Ғазнавиён: тарҷумаи Ҳасан Ануша. –Техрон: Амири Кабир, 1378. -523 с.
- 77.Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов (1097-1231). / З.М. Буниятов. –М.: Наука, 1986. -248 с.
- 78.Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история/ Б.Г. Гафуров. 2-я книга. – Душанбе: Ирфон, 1989.-480 с.
- 79.Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. -М.: -Л.: Изд. АН СССР, -200с.
- 80.Донишномаи Сомониен. Ҷилди II. Н – Я. – Хучанд, 2009.-528 с.
- 81.Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. С-Петербург, 1909. 140 с.
- 82.История народов Узбекистана. Т.1. -Ташкент: Изд. АН УзССР, 1960.-476 с.
- 83.История таджикского народа. Эпоха формирования таджикского народа. Том II. –Душанбе, 1999.-790 с.
- 84.История таджикского народа. Под общей редакции академика АН Р.М. Масова. Том III. –Душанбе: Дониш, 2013. -580 с.
- 85.История Самарканда: в двух томах. Том 1. Ташкент: Фан, 1969. -483 с.
- 86.Захро Чаҳон, Имонпур, Маҳаммадтақи. Густариши оинҳои дарбори ва ҷашнҳои Ирони бостон дар аҳди оли Буя/ Нимсолномаи мутолиоти таърих ва тамаддуни миллали исломи, давраи 1, шумораи 1, тобистони соли 1391. (2012 мелоди).
- 87.Каримов О., Холджураев Х., Мирбабаев А. История таджикской дипломатии. –Худжанд: ТГУПБП, 2008. –348 с.
- 88.Мец, Адам. Мусульманский Ренессанс/Адам Мец. –М.: Наука, 1966.-460 с.
- 89.Мирбабаев А.К. Историческое наследие Худжанда / А.К. Мирбабаев. – Душанбе: Ирфон, 1995. -160 с.
- 90.Мирбабаев А.К. История водоснабжения Худжанда и его округи. – Худжанд: Хуросон, 2005.-54 с.
- 91.Мирбобо Абдуллои. Муқаддимаи таърихи Хучанд/ Абдуллои Мирбобо. – Хучанд: Ношир, 2013.-448 с.

92. Муллоджанов С. Тарих-и Масъуди Абулфазла Байхаки о Дехистане//Очерки Истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе, 2010. С.20-25.
93. Муллоджанов Сайфулло. Духовенство и его роль в социально-политической истории X-XI вв.//Вестник Таджикского национального университета. №3/2 (108), 2013. –С.3-7.
94. Муллоҷон Сайфуллоҳи. «Таърихи Масъуди»-и Абулфазли Бейҳақӣ. Муруре пиромуни сохтори идорию русумоти дарбори Ғазнавиён./ Сайфуллоӣи Муллоҷон. – Душанбе: Ирфон, 2013. -240 с.
95. Мусавӣ З. Шахсиятҳо, гурӯҳҳои ҳоким дар асри Ғазнавиён бар мабноси «Таърихи Байҳақӣ»//Кайҳони фарҳанги. №160, соли 16-ум. Баҳман, 1378.
96. Навруз как явление мировой культуры/Редакторы-составители: Аскарали Раджабов, Мухаммадрахим Карим-заде. Ответственный редактор: профессор Аскарали Раджабов. –Душанбе, 2012. -335 с.
97. Навруз и историко-культурные традиции народов Центральной Азии: история и современность (исследование)/Редакторы-составители: Аскарали Раджабов, Мухаммадрахим Каримов. –Душанбе: Дониш, 2014.-318 с.
98. Негмати А.Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков/ Ответственный редактор – член-корреспондент АН Тадж. ССР Н.Н. Негматов. –Душанбе: Дониш, 1989.-128 с.
99. Негматов Н.Н. Государство Саманидов/Н.Н. Негматов. –Душанбе: Дониш, 1977.-279 с.
100. Ночӣ, Муҳаммадризо. Фарҳанг ва тамаддуни исломӣ дар қаламрави Сомониён: баргардони Лукмон Бойматов/ Муҳаммадризо Ночӣ. –Душанбе: Ройзании фарҳангии Сафорати Ҷумҳурии Исломии Эрон дар Тоҷикистон, 2011. -1295 с.
101. Орёнур А. Рӯзгори Борбади Ромишгар/ А. Орёнур. –Душанбе: Ирфон, 1989. –88 с.
102. Пажвок А. Ғуриён/А. Пажвок. – Кобул, 1349. -290 с.

103. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий Л.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. – Л., 1958. –390 с.
104. Райс Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии/Т. Райс. –М.: Центрполиграф, 2004. -109 с.
105. Рацабов А. Аз таърихи афкори мусикии тоҷик (асрҳои XII-XV)/ А. Рацабов. –Душанбе: Дониш, 1989.-236 с.
106. Фрай Ричард. Наследие Ирана: издание второе, исправленное и дополненное/ Фрай, Ричард. –М.: ИВЛ, 2002. -463 с.
107. Фрай Ричард. Наследие Центральной Азии: от древности до тюркского нашествия. –Душанбе, 2000. -292 с.
108. Рудаки и поэты его времени: вступительная статья, составление и примечания Р. Ходи-заде. –Л.: Советский писатель, 1985. -272 с.
109. Улуғзода С. Ривояти Суғди. / С. Улуғзода. –Душанбе: Ирфон, 1977. -192 с.
110. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Иборат аз ду ҷилд. Ҷилди 1. –Душанбе, 2008. -950 с.
111. Халили Х. Салтанати Ғазнавиён/Х. Халили. – Кобул, 1333. -349 с.
112. Хусенов Ф.Р. Церемониал коронации при Газневидском дворе и описание убранства их дворца/Ф.Р. Хусенов//Учёные записки. -№2 (39). –Худжанд, 2014. –С.183-192.
113. Хусенов Ф.Р. Церемониалы в честь праздника Мехрган при дворах Газневидов и Саманидов/Ф.Р. Хусенов// Учёные записки. -№3 (44). –Худжанд, 2015. –С.16-19.
114. Хусенов Ф.Р. Церемониалы встреч и проводов послов аббасидских халифов при Газневидах/Ф.Р. Хусенов// Вестник ТГУПБП. -№2 (63). –Худжанд, 2015. –С.22-27.
115. Хусенов Ф.Р. Порядок делового приёма в феодальных дворах Мавераннахра и Хорасана в X-XI вв./Ф.Р. Хусенов// Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). -№2 (49). –Душанбе, 2015.-С. 152-157.

116. Хусенов Ф.Р. Порядок осмотра войск при дворе средневековых правителей (X-XI вв)/Ф.Р. Хусенов// Усмончон Гаффоров – устод, олим, адиб ва ходими чамбияти. –Хучанд: Ношир, 2015. –С. 518-524.
117. Хусенов Ф.Р. Традиции устройства торжественных пиршеств в феодальных дворах в X-XII вв./Ф.Р. Хусенов// Соҳибхирад. –Хучанд: Меъроҷ, 2015. –С. 365-370.
118. Хусенов Ф.Р. Церемониалы в честь праздника Сада при феодальных дворах Хорасана и Мавераннахра в X-XI вв./Ф.Р. Хусенов// Масъалаҳои мубрами таърих ва фарҳанги тоҷикон. –Хучанд: Меъроҷ, 2015.-С. 121-127.
119. Ҳабибӣ А. Таърихи мухтасари Афғонистон аз замони қадим то хурӯчи Чингиз ва ҳудуди 600 х.к./А. Ҳабибӣ. –Кобул, 1346. -407 с.
120. Шаъбани Р. Краткая история Ирана/Р. Шаъбани. –Санкт-Петербург, 2008. -399 с.
121. Шаъбонӣ Ризо. Одоб ва русуми наврӯз/ Шаъбонӣ Ризо. –Душанбе: Пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикии Сафорати Ҷумҳурии Исломии Эрон дар Тоҷикистон, 2011. -259 с.
122. Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. – М.: Наука, 1981. -608 с.

Диссертация

123. Каримов М.М. Из истории международных связей и дипломатии Центральной Азии во второй половине XIV-начале XVI вв.: дис. ... канд. истор. наук/ М.М. Каримов. –Худжанд, 2009.-155 с.
124. Муллоджонов С.К. «Таърих-и Масъуди» Абулфазла Байхаки как источник по изучению государственного устройства Газневидов: дис. ... канд. истор. наук /С.К. Муллоджонов. –Душанбе, 2000. -169 с.
125. Эзатуллах Хоодади Голамреза. Международные связи государства Саманидов (IX-X вв.): дис. ... канд. истор. наук. –Душанбе, 2015. -156 с.